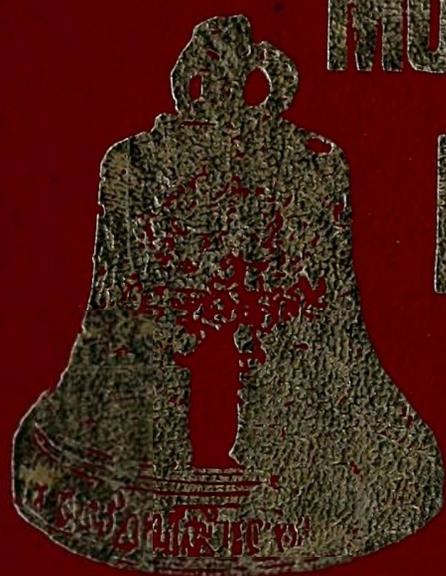

А. Ф. Бондаренко

МОСКОВСКИЕ

ПОЛОКОЛА

XVII в.

BOSTON PUBLIC LIBRARY
Copley Square

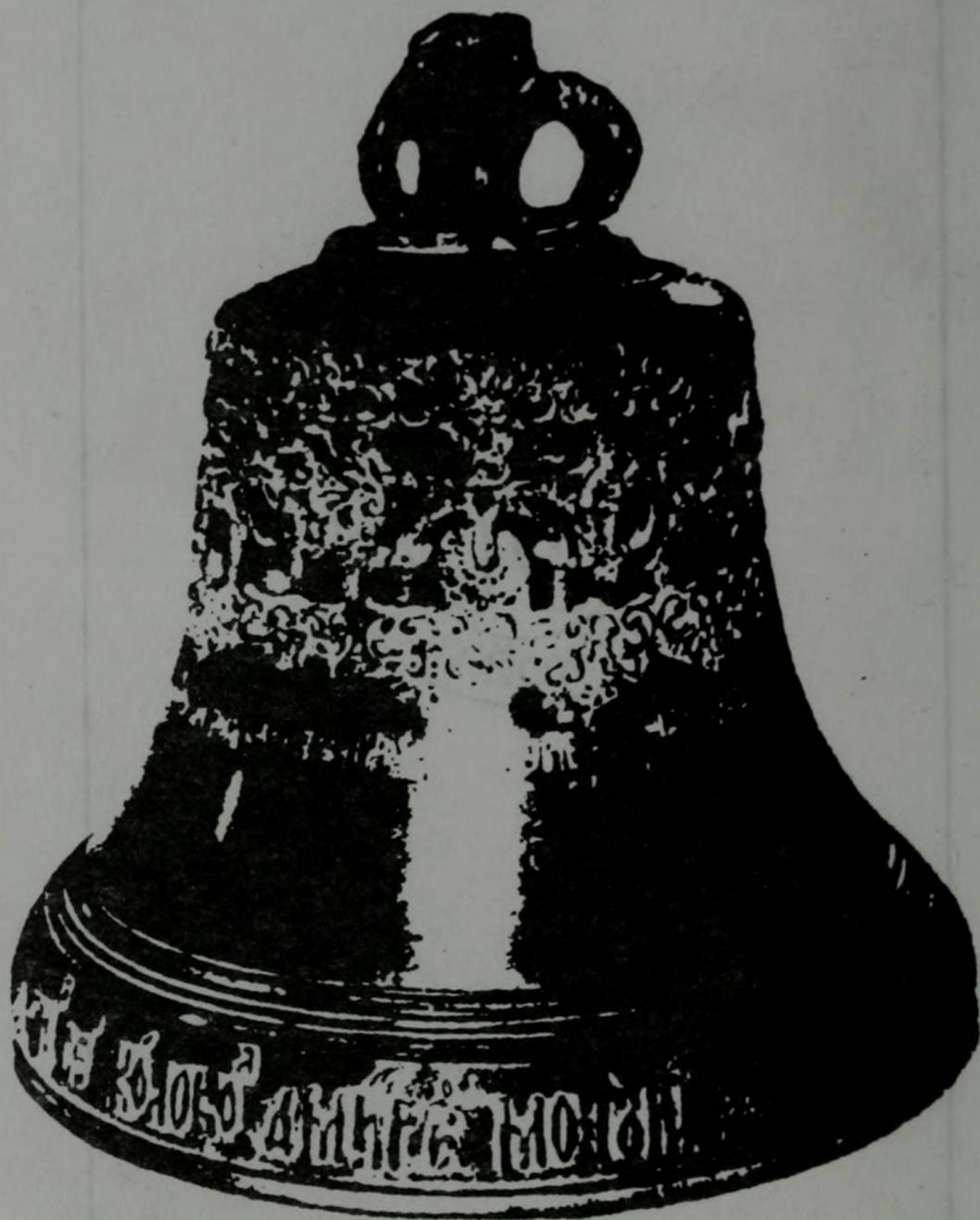
1907
17000-2-14-07

РУССКАЯ ПАНОРАМА

МОСКВА • 1998 •

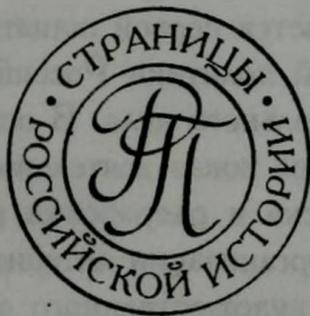

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

А.Ф.БОНДАРЕНКО

МОСКОВСКИЕ КОЛОКОЛА

XVII ВЕК

МОСКВА

«РУССКАЯ ПАНОРАМА»

1998

Редакционная коллегия серии

А.АНДРЕЕВ, А.ВОРОТНИКОВ, И.НАСТЕНКО, Ю.ЯШНЕВ

Bondarenko, Anna

ББК 63.3(2)44-45

Б81

Moskovskie kolokola

Автор выражает благодарность

А.К.Бондаренко, Г.В.Шарыгину, В.А.Егорову,

А.Т.Амирханяну, Е.А.Климчуку

за поддержку и помощь.

Бондаренко А.Ф.

Б81 *Московские колокола. XVII в. — М.: SPSL, "Русская панорама", 1998. — 256 с., 65 илл.*

ISBN 5-93165-007-5

Монография является первой попыткой дать характеристику основных направлений политики Российского государства в области развития колокольного дела. В основе работы лежит комплексный подход: через показ деятельности Московского правительства в деле поиска и разработки рудных месторождений, выплавки металлов, организации литейного производства, подготовки специалистов, художественного оформления колоколов и других составляющих процесса, автор стремится показать место колоколотейного дела в отечественной промышленности в частности и в истории России XVII века — в целом.

ББК 63.3(2)44-45

ISBN 5-93165-007-5

© А.Ф.Бондаренко, 1998.

© Оформление. SPSL, 1998.

© «Русская панорама», 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	6
Введение	8
Глава 1. Поиск металлов для литья колоколов	18
Глава 2. Организация колокольного производства	55
Глава 3. Обучение колокольному ремеслу	90
Глава 4. Декоративное оформление колоколов	117
Глава 5. Колокольные звоны	156
Заключение	180
Приложения	187
Основные сведения о наиболее известных колокольных мастерах XVII в.	217
Примечания	232
Библиография	245

FOR

CC250

.R9

B65

1998x

К читателю

Негоже хвастаться перед всем народом, но сказать все-таки хочется, что по всей Руси Великой особая слава идет про звоны Ростовские да Московские. Они и сродни друг другу и разнятся. А главные колокола в обоих городах своими размерами и басами будто бы хотят дозвониться до ближнего соседа, соединив голоса в общерусский хор, слышимый от Соловков до Астрахани.

Когда-нибудь в России дойдет очередь и до создания «Энциклопедии колоколов и звонов», а пока вы держите в руках исследование о золотом веке российского колоколотейного дела. В российской истории XVII век заслужил звание Патриаршего, поскольку именно это столетие целиком прошло под сенью неистовых борцов за Отечество от иноземных захватчиков и истовых защитников православия не только от посягательств извне, но и от внутреннего раскола.

Во всех этих событиях сыграли свою роль и колокола российских церквей, предупреждая, убеждая и призывая к единству, миру, спокойствию, против распрей, братоубийства и раздробленности. Именно XVII век позволил накопить материальные средства и научные знания для создания мощной колокольной индустрии, которая практически выступала аналогом нынешним средствам массовой информации, возбуждая или смиряя жителей городов, а то и целых областей.

Труд, связанный с литьем металла, никогда не был делом одиночек — это была артельная работа, создававшая гиганты с ювелирной точностью. Именно поэтому на Руси не просто уважали работу литейщиков и кузнецов, а относились к ней с благоговением и некоторой опаской, ибо плохая подкова могла подвести в самый неподходящий момент, а глухой или треснувший колокол не донесет вести о пришедшей беде.

Кроме того, колоколотейное ремесло XVII века являло собой самую настоящую «тяжелую промышленность» того времени. А если учесть, что его основной базой был Пушечный двор, то станет ясно, сколь серьезно русские государи относились к ремеслу такого рода. Да и в пришедшем XVIII веке Петр Великий усмотрел в благовестной колокольной бронзе запас стратегического сырья, влившегося в обух топора, прорубавшего окно в Европу.

Русский человек колокольный звон никогда не называл музыкой — это было, есть и будет чем-то совершенно особенным, неотделимым от понятия «русская душа». Стоит только произнести: «вечерний звон» и у каждого россиянина перед мысленным взором явится только его личная сокровенность...

В заключение несколько слов об авторе этой книги. Кандидат исторических наук, кампанолог Анна Федоровна Бондаренко не просто научный сотрудник Исторического музея. Она не сторонний слушатель благовеста, льющегося с уцелевших и восстановленных московских колоколен. По всем православным праздникам именно благодаря ее рукам, знаниям, слуху и доброй душе стекает вниз по Васильевскому спуску к Москвереке звон с колокольни Покровского собора, что на Рву, слывущего в народе храмом Василия Блаженного, который со времен своего основания стал символом России. И никогда еще колокола этого храма не били в набат, — женская рука предпочитает благовест и умиротворение.

*Заместитель Генерального директора
Государственного исторического музея,
доктор исторических наук
В.А.Егоров*

ВВЕДЕНИЕ

Для русского народа колокола всегда были настолько связаны со всеми сторонами жизни, что стали частью национального самосознания. Колокола были символом единства. Они созывали русский люд на народные собрания — вече, где господствовал дух соборности, выработывались единые для всех решения. С колоколами Русь молилась и укреплялась в вере, встречала званых гостей и оповещала о вторжении непрошенных. В дни торжеств и народных бед звонили колокола. Праздничным, веселым звоном сопровождалось Рождество Христово, Пасха, венчание на царство, воинские победы. Печально, заунывно звучали колокола в дни народных бедствий и несчастий. Звук колокола сопровождал человека на протяжении всей его жизни. Он призывал в храм, отмечал важные жизненные

вехи: крещение, венчание, провожал в последний путь. Поэтому к колоколам на Руси всегда относились с особым почтением и любовью. Златозвонным, переливным, красным колоколам воздавали хвалу, преподносили в дар, в чем-либо провинившихся — наказывали: отрезали им уши, пороли плетью, ссылали. Безгласие городов, монастырей и храмов всегда считалось великим несчастьем. Ни одна человеческая душа на Руси не могла не отозваться на колокольный звон, что бы он ни вещал — радость или беду. К 1917 г. в России было несколько сот тысяч колоколов общим весом более 25 0000 тонн. В «колокольной кампании» 1920-х — 1930-х гг., хладнокровно спланированной и проведенной Советской властью, почти все они были уничтожены. В течение всего нескольких лет в плавильных печах металлургических заводов погибло все то, что накапливалось и создавалось веками гением народа, многими поколениями мастеров. А ведь как отдельные колокола, так и колокольные наборы, формировавшиеся веками, представляли не меньшую художественную и духовную ценность, чем собрания икон в храмах, городские или монастырские архитектурные ансамбли, древлехранилища.

Колокола, доставленные на ленинградский завод для переплавки. С фотографии 30-х годов.

В России колокола во все века были теснейшим образом связаны с духовной жизнью людей, являясь неотъемлемой частью православного богослужения. Невозможно представить себе Русь без храмов, пения церковного хора, храмовой живописи, колокольного звона. Это неповторимое слияние веры, искусства и уклада жизни создано православием, которое оказало влияние на все стороны и образ жизни русского народа. Православие воспитывает людей на высоких нравственных ценностях, имеет многовековой опыт укрепления российского государства на основе державной идеи «Москва — третий Рим», мощно влияет на этические нормы поведения властей по отношению к своему народу. Православие выработало также христианские нормы поведения верующих в области внешней политики, что выражено в чеканной формуле: «Любите врагов своих, презирайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божьими». В последние годы в России осуществляется бурное восстановление разрушенных и строительство новых храмов, которым требуются десятки тысяч колоколов, сотни мастеров колокольного звона. Решить задачу обеспечения храмов колоколами невозможно без изучения исторического опыта Российского государства.

Монография посвящена такому важному, но незаслуженно обойденному вниманием историков пласту русской истории, как развитие колокольного дела в России. Его изучение находится еще только в самом начале своего пути. Путь этот долог и тернист, а тема — очень обширна и многопланова. Настоящая работа ставит своей целью раскрыть и проанализировать развитие колокольного дела в Москве в XVII веке, показать исключительное внимание к нему Российского государства.

Этот период был выбран совсем не случайно. В истории России XVII век занимает особое место. Перенеся лихолетье Смутного времени, растерзанная, разграбленная страна, стоявшая перед лицом множества государственных и общественных задач, начинает эпоху реформ. Причем реформ неторопливых и продуманных, захвативших юридическую и экономическую, военную и религиозную области. Был принят Новоторговый устав, издана Кормчая книга, не говоря уж о массе частных законоположений, призванных упорядочить российскую жизнь.

Одно лишь знаменитое «Уложение Алексея Михайловича» могло, по словам историка С.Ф.Платонова «составить славу целого царствования»¹. Во внешней политике стратегическая инициатива после долгих лет застоя, снова перешла к Москве. Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношениях с Россией на позиции страны обороняющейся, без надежды на победу. В этом столетии России были возвращены земли Малороссии, осуществлен стремительный рывок на Восток, к Тихому океану. В Москве почти непрерывно работали Земские соборы. В XVII веке положение Русской православной церкви окончательно определилось. Ее значение основывалось на нескольких факторах: а) абсолютное господство религиозного мировоззрения; б) православие, которое играло прогрессивную политическую роль, явилось для русских, украинцев и белорусов формой осознания своего единства, духовного родства; в) православие являлось не просто учителем жизни всего населения страны, но хранителем духовных ценностей общества и народа. Не случайно, именно в XVII веке произошел небывалый расцвет колоколотейного дела в России.

Анализ литературы по вопросам развития колокольного дела в России в XVII веке показывает, что, несмотря на наличие отдельных статей, летописных и рукописных заметок, проблема исследована далеко не полностью. В связи с тем, что русские авторы, жившие в XVII веке, не считали колокольное дело заслуживающим особого внимания, самые первые упоминания о русских колоколах этого столетия содержатся в путевых записках иностранных путешественников, посещавших Россию в то время. Таких свидетельств сохранилось несколько². Все заметки иностранцев связаны с дипломатическими миссиями, приезжавшими в Москву или проезжавшими через нее дальше, в другие страны. Иностранные дипломаты были удивлены, поражены организацией колокольного дела в России и сохранили для потомков свои описания тех или иных деталей этого процесса. Письменные свидетельства непосредственных очевидцев отливки колоколов, их размещения на колокольных и использования в различных ситуациях представляют определенную научную ценность для исследователя.

Так, А.Олеарий³, посетивший Москву в составе голштинского посольства в 1630-х гг., был немало удивлен русским колокольным звоном и подробно рассказал об управлении Годуновским колоколом с Соборной площади Кремля. Он же сообщает о численности колоколов на колокольных рядах московских церквей. Колокола и колокольный звон Москвы поразили и Б.Таннера⁴, прибывшего в Россию с польским посольством во второй половине XVII века. Свое впечатление о русских колоколах он передал в подробном описании колокольного звона, а также способа звона, отличающемся от западноевропейского. То, что русские люди считали обычным явлением, у иностранных дипломатов вызывало удивление и восхищение. В воспоминаниях англичанина В.Парри содержится красочный рассказ о перевозке из Москвы в Троице-Сергиев монастырь 18-тонного колокола А.Чохова. И хотя описываемое событие относится к началу XVII века, ко времени царствования Бориса Годунова, оно все же представляет известный интерес, как в плане организации перевозки колоколов значительных размеров на большие расстояния, так и в плане сравнения отношения к колоколам в России и в Западной Европе. В целом же упоминания о русских колоколах в записках западных путешественников носят отрывочный характер и могут быть использованы, в основном, в качестве иллюстрации при анализе избранной проблемы. Кроме того, при использовании работ зарубежных авторов следует учитывать их превратное понимание особенностей России, которую они считали отсталой и варварской страной.

Несомненный научный интерес представляют переписные книги Москвы XVII века⁵, в которых содержится важная информация о мастерах-литейщиках, их учениках, а также о Пушкарской слободе, где жила основная часть служилых людей Пушкарского приказа. Данные переписных книг позволяют установить не только специалистов Пушечного двора, но также и частных колокольных мастеров, которые уже в середине столетия начинают появляться в значительных количествах.

Научный же интерес к проблемам, так или иначе связанным с колокольным делом, появился лишь в XIX веке. Поскольку колоколитейное дело, наряду с пушечным, было

важнейшей отраслью отечественной металлургии, не могли обойти колокола те, кто занимался историей промышленности, в частности — литейного производства — это И.Герман, Н.Аристов, М.Хмыров⁶. В исторических и археологических трудах Н.И.Карамзина, И.Е.Забелина⁷ и других русских историков определенное место отводится колоколам, их использованию и значению. Однако XVII веку уделяется достаточно скромное внимание.

Литература XIX века, посвященная колоколам, носит преимущественно публицистический, а не научный характер⁸. Так, например, в статье А.А.Мартынова (архитектора, археолога, искусствоведа, историка Москвы) перечисляются колокола Московского Кремля и ряда церквей и монастырей русской столицы. Наибольший интерес в данной статье представляют надписи на колоколах, содержащие — помимо прочего — информацию о мастерах литейного дела. В то же время, научная ценность этой работы весьма относительна, ее автор не ставил перед собой и не решал задачи систематизации имеющихся сведений. Его информация о колоколах отрывочная, охватывает лишь некоторые храмы Москвы, а краткие описания отдельных колоколов даны без системы за 400 лет (XVI—XIX вв.). Но необходимо отметить, что сегодня статья А.А.Мартынова чрезвычайно интересна исследователю по той причине, что практически все описанные им колокола уничтожены в 1920-х — 1930-х гг.

В XX веке вопросы развития колокольного дела рассматриваются в ряде работ отечественных авторов. Одни из них касаются таких важных тем, как технология обработки металлов и организация литейного дела на Руси⁹. Несмотря на то, что данные авторы рассматривают процесс отливки колоколов, в основном, с XVIII века и позже, и лишь вскользь касаются XVII века, уделяя больше внимания периоду Российской империи, — а именно отливке И.Моториным Царь-колокола в 1735 г. — исследователь может почерпнуть из этих трудов много интересных фактов.

Несколько в стороне от этих работ стоит труд Н.Н.Рубцова¹⁰. В нем автор достаточно объективно, хотя и не без неточностей, дает историю развития литейного производства в

России. Особенный интерес представляет список русских литейщиков XV—XVIII вв., в который автор включил имена более 400 специалистов по металлу. Однако опять же XVII век освящен далеко не так как хотелось бы, но следует отметить, что автор и не ставил перед собой такой задачи.

В советский период вопросы развития колокольного дела в той или иной степени рассматриваются в ряде статей, общее число которых около трех десятков. В то же время, основная масса этих статей, за исключением статей С.К.Богоявленского, В.В.Кавельмахера, В.А.Кондрашиной, Т.Б.Шашкиной, П.Сытина¹¹ и некоторых других авторов носит описательный характер и содержит лишь общую информацию обо всех известных колоколах, не претендуя на глубокие научные обобщения. Таким образом, проведенный автором анализ научных статей и литературы, посвященных прямо или косвенно московским колоколам XVII века показывает, что большая их часть ограничивается лишь описанием отдельных фактов, без должной их систематизации и тем более без серьезных научных выводов.

Не восполняют этот серьезный пробел и монографии. Достаточно сказать, что проблеме колокольного дела на Руси за все время были посвящены всего две монографии¹². Одна из них «История колоколов и колоколотейное искусство» была написана в начале XX века. Ее автор Н.И.Оловянишников впервые в отечественной науке сделал попытку проследить процесс развития колоколов и колокольного искусства во всем христианском и нехристианском мире. Значительное место в монографии отводится описанию отечественного колокольного дела на различных этапах развития русского государства. Автор сообщает большой фактический материал, однако многие факты не были им проверены, вследствие чего книга содержит целый ряд неточностей. Несмотря на то, что Н.И.Оловянишников рассматривает историю России лишь частично, да и то основное место в ней отводит XVIII—XIX векам, книга представляет значительный познавательный интерес. Особенно список литературы, который автор дает в конце своей монографии. Это первая известная библиография по истории колоколов. Достаточно большое внимание в книге уделяется прак-

тическому руководству процессом изготовления колоколов и их правильной эксплуатации. Этот материал также очень интересен, так как показывает уровень состояния цветной металлургии России в XIX — начале XX века. Труд Н.И. Оловянишникова очень точно охарактеризовал составитель и издатель «Русского архива» — ежемесячного журнала конца XIX — начала XX века — Петр Бартенев: «Весьма замечательная книжка, написанная, как надо полагать, не для зазыва только к заказу колоколов, а из потребности опознаться исторически в своем деле».

Второй монографией, посвященной колоколам, является книга Ю.В. Пухначева «Загадка звучащего металла», которая принадлежит к популярным изданиям и представляет несомненный интерес для широкого круга читателей. Однако, наибольшее внимание в ней уделено технической стороне вопроса, что совершенно естественно для автора книги — кандидата технических наук.

Таким образом, проблема, поставленная в настоящей монографии, до настоящего времени не подвергалась полному и всестороннему изучению. Ее актуальность и недостаточная научная разработанность определили выбор темы. Широкий охват проблемы обусловил выделение нескольких глав, в которых деятельность Российского государства по развитию колокольного дела в XVII веке освещена с различных сторон. Как то: государственная политика по обеспечению колоколотейного дела необходимым металлом, организация литейного производства на Московском Пушечном дворе и на частных колоколотейных предприятиях, процесс обучения ремеслу на Пушечном дворе и частными литейными мастерами, особенности декоративного убранства московских колоколов XVII века, становление колокольных звонов Москвы.

Источниковую базу исследования составили документы и материалы семи архивов Москвы и Санкт-Петербурга, среди которых Российский государственный архив древних актов, отдел письменных источников Государственного исторического музея, архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, архив петербургского отделения Института Российской истории РАН и др.

При этом следует отметить, что использование архивных материалов России XVII века сильно затруднено по той причине, что документы Пушкарского приказа, в ведении которого находилось колоколотейное дело, по большей части утрачены. В ходе работы над монографией автору пришлось провести работу по систематизации архивных материалов Пушкарского приказа.

В основной массе эти документы сохранились с конца двадцатых годов XVII века, так как большой московский пожар 1626 г. захватил и Кремль. Как отмечал летописец: «в приказах всякие дела погореша»¹³. Спустя 200 лет в 1812 г. французы, выступая из Москвы, взорвали некоторые из башен Кремля, в одной из которых хранились дела Пушкарского приказа, относящиеся к работе Пушечного двора. Часть документов была расхищена и распродана в качестве оберточной бумаги на рынках, откуда частично попала в частные собрания графов Н.П.Румянцева, Ф.А.Толстого, С.С. и А.С.Уваровых, С.Д.Шереметева, И.Х.Гамеля, П.М.Строева, М.П.Погодина, купца-собиранья И.Н.Царского и других. К началу XX века часть материалов Пушкарского архива из части собраний вернулась в государственные хранилища. Документы некоторых из них были в разное время описаны¹⁴.

Остальная часть Архива, перенесенная изо рвов зимой в помещение, «была свалена, как попало». Состояние остатков архива Пушкарского приказа описал академик И.Х.Гамель, который первым получил доступ к их обследованию в 1820-х гг. Он свидетельствует: «Собранные ж остальные положены в кладовую без малейшего порядка, так что я должен был пересмотреть бумаги сии по листочкам»¹⁵. Однако, порядка наведено не было. В 1832 г. известный археограф П.М.Строев спас остатки архива Пушкарского приказа для русской науки во время своей «Археографической экспедиции»¹⁶.

В 1863 г. четыре ящика с документами Пушкарского приказа были переданы в Главное Артиллерийское управление. В 1870 г. Н.Е.Бранденбург, получивший задание разобраться в этих документах, обнаружил, что два ящика пропали, а книги и документы из двух других были отправлены в Арсенал для переработки в «папковую массу». Бранденбургу удалось спасти

некоторое количество документов. Но и сохранившаяся их часть, относящаяся к работе Пушечного двора, до сих пор еще полностью не описана и не подвергалась всестороннему систематическому изучению.

В настоящее время материалы Пушкарского приказа находятся в семи различных местах: 1) в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге — документы и книги за 1628—1701 гг.; 2) в петербургском отделении Института истории РАН — материалы из собраний П.М.Строева, И.Х.Гамеля, Ф.А.Толстого; 3) в Российской государственной библиотеке — документы 1680-х гг.; 4) большое собрание документов с 1627 по 1701 гг., из которых наибольший интерес представляют материалы Ф.А.Толстого в Российской национальной библиотеке; 5) в Государственном историческом музее — собрания А.С.Уварова (1640—1641 гг.) и И.Е.Забелина (1685—1686 гг.); 6) в Российском государственном архиве древних актов — документы различных приказов и Оружейной палаты; 7) и небольшое количество материалов в Военно-морском архиве в Санкт-Петербурге.

Монография является первой попыткой дать характеристику основных направлений политики Российского государства в области развития колокольного дела. В основе работы лежит комплексный подход к изучению не исследованного ранее большого пласта русской истории. Через показ деятельности Московского правительства в деле поиска и разработки рудных месторождений, выплавки металлов, организации литейного производства, подготовки специалистов, художественного оформления колоколов и других составляющих этого важного процесса, автор стремится показать место колокололитейного дела в отечественной промышленности в частности и в истории России XVII века — в целом.

Глава 1.

ПОИСК МЕТАЛЛА ДЛЯ ЛИТЬЯ КОЛОКОЛОВ

О тливка колоколов предполагает, прежде всего, наличие двух основных материалов: меди и олова, так как колокольный сплав, так называемая оловянистая бронза, состоит на 80% из меди и на 20% из олова (с возможными небольшими отклонениями в одну или в другую сторону). В XVI и XVII столетиях с медью и оловом в России были большие проблемы. Оба эти металла ввозились в страну вплоть до конца XVII века. Историк М.Д.Хмыров в своем труде «Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России» отмечает: «домашней меди на Руси XVII века было немного, а пробавлялись бо-

лее медью привозною, которая давала хлеб мастерам: колокольным, пушечно-литейным и др.»¹⁷. Имеется в виду не наличие меди вообще, а ее добыча, которая в то время только начинала развиваться. Об олове же царь Федор Алексеевич в одном из своих указов писал, что оно «в Московском государстве не родится, приходит из немецких сторон»¹⁸.

Государственная политика в деле обеспечения колокололитейного производства металлом велась в двух направлениях. С одной стороны, правительство активно закупало медь и олово за рубежом, с другой — велся интенсивный поиск руд на территории России. Точных известий о самостоятельном добывании меди и олова на Руси ранее XVII века нет. Однако, известно, что в 1547 г. царь Иван IV поручил саксонцу Шлитту нанять в Европе между разными мастерами двух *рудокопов*, одного *плавильщика*, одного *пробирщика* и одного *плющильщика*. В 1557 г. вологодский дворянин Осип Непея, или, как называют его в актах, Непея Вологжанин, посланный царем Иваном IV в Лондон, вывез оттуда, между прочими ремесленниками и мастеровыми, несколько *рудокопов*.

Заинтересованность московского правительства в специалистах по поиску и обработке руд подтверждается тем фактом, что 24 февраля 1556 г. царской грамотой Ивана IV новгородским *дьякам*¹⁹ Федору Еремееву и Казарину Дубровскому, предписывалось всех «немецких полоняников», которые «умеют делати руду серебряную, и серебряное дело и золотое, и медяное, и оловянное и всякое», направлять в Москву, за что им обещалось «великое жалованье» (приложение №1).

Слух о богатстве Руси именно медью — еще в 1557 г. дошел до Лондона и побудил местное купеческое общество, впоследствии получившее название Российская Компания (the Russia Company), требовать от своих поверенных в Москве образцы русской меди, с обстоятельными о них сведениями.

Возможно, по причине охраны государственных интересов, в середине XVI века обработка любых руд частными лицами была запрещена. Так, в 1560-х гг. братьям Строгановым, различными грамотами²⁰ жалованы были земли с обязательством охранять восточные границы Руси от набегов. Этими грамотами разрешалось солеварение, но воспрещено было

обрабатывать руды. В жалованной грамоте Строгановым 1558 г. сказано, что если найдут они серебряную, медную или оловянную руду, то обязаны известить о том государевых казначеев²¹. Это обязательство, равнозначное приказу, свидетельствовало о большой заинтересованности государства в металлах. Со временем правительство сняло запрет на обработку руд частными лицами, однако сохранило четкое требование информировать обо всех результатах поисков руд. Так уже в 1574 г. новопожалованной царской грамотой, выданной Якову и Григорию Строгановым, разрешалось, наконец, по рекам Тахчее и Тоболу «медяну руду или оловянную... где найдут, и те руды на испыт делати; а кто похочет и иных людей то дело делати, и им делати освобожати, да и в оброк их приводити, как бы нашей казне была прибыль... да о том писати к нам, и во што которые руды в деле пуд учнетца ставити»²².

В начале XVII века царь Борис Годунов продолжает политику, проводимую его предшественниками. В 1600 г. он, отправляя из Москвы в Любек и другие поморские города Романа (Рейнгольда) Бекмана для «приискания доктора» и разных мастеров (суконных, часовых), велит ему искать также и рудокопных мастеров²³. Одновременно с Романом Бекманом с аналогичным поручением посылается во Флоренцию морем, через Архангельск и Голландию некий Берент Хепер, сообщить герцогу тосканскому Фердинанду, что русский царь нуждается во всяких «мудрых ремесленниках» и желает выписать их к себе в Отечество²⁴. Вследствие этого, в марте 1602 г., в Москву прибыл флорентийский чиновник Авраам Люс с ответом, что герцог Фердинанд готов услужить царю вызовом нужных для него ремесленников, художников и специалистов по горной части²⁵.

Указание на старания Бориса Годунова привлечь в Россию ученых иноземцев содержит и его грамота к Якову Алоизию Корнелию, венецианскому патрицию, напечатанная В.Макушевым в «Сборнике южнославянских памятников, извлеченных из архивов Италии»²⁶. В этом письме, которое имеет значение паспорта, или так называемой *опасной грамоты*, для проезда в Россию, говорится об ученых, которые должны быть отправлены Корнелием в Россию, для того, чтобы «облагодетельствовать ее своими познаниями».

Разорение страны в эпоху Смутного времени значительно задержало промышленное развитие государства. Правительству основоположника династии Романовых Михаила Федоровича пришлось начинать свою деятельность в очень напряженной международной обстановке. Римская империя признала нового царя только в 1616 г., Австрия — в 1618 г., Польша — в 1632 г. При первых Романовых Московское государство постепенно начинает приобретать черты абсолютной монархии. Широкие работы государственного масштаба по разведке недр, естественно, могли найти себе место только с укреплением Москвы и русского национального государства. Когда Россия оправилась от последствий военной интервенции шведов и поляков, и жизнь в Москве начала восстанавливаться, поиски полезных ископаемых опять привлекли внимание правительства. Потребности мощного государства вынуждали еще интенсивнее развивать эти работы, привлекать к ним иноземцев, посылать специальные партии специалистов для отыскания руд. В архивных делах этого времени часто встречаются упоминания о *рудознатцах, золотознатцах, лозоходцах и рудокопцах*²⁷.

Потребность в колоколах растет. Год от года увеличивается производственная мощность Пушечного двора — главного предприятия государства по отливке орудий и колоколов. Привозная медь дорога и ее постоянно не хватает. Появляется острая необходимость в собственной, более дешевой и доступной меди, поэтому поиски и добыча медной руды в России резко возрастает. В течение XVII века государство организовало около полутора десятка специальных экспедиций для поиска медных и оловянных руд.

Особенно широко организуется разведка различных руд и других полезных ископаемых на Урале. Еще с самого начала XVII века там шли их успешные поиски. Они производились и ранее, как местным населением, так и «пришельцами с Руси», проникавшими все дальше и дальше, казалось, в ранее непроходимые, малодоступные места²⁸.

В 1618—1626 гг. специальная экспедиция из Москвы работала в Пермском крае, на реках Усьве, Печоре и Цыльме. В состав партии входили: Чулок Бартенев, *подъячий* Гаврило Леонтьев, 3 мастера, плавильщик и др. Была израсходована

*Царь Михаил Федорович.
Из «Титулярника» 1672 г.*

огромная по тем временам сумма — 944 рубль 23 алтына 1 деньга. Однако, медная руда не была найдена, и «те дворяне, не служа Великому Государю и не помня крестного целования, медной руды не сыскали для своей бездельной корысти и имали от того многие посулы и поминки»²⁹. Одновременно с этой экспедицией в 1618—1622 гг.³⁰ «для приискания руд» в Пермь был отправлен англичанин Джон Ватер. Успешна ли была эта разведка — неизвестно.

В августе 1626 г. прибыли в Москву выписанные царем Михаилом Федоровичем из Англии «искусные горные чиновники» Фрич и Герольд. В следующем 1627 г. они были отправлены на поиски руд в Пермь и в Сибирь с дворянином Загряжским. Через год они возвратились и получили значительные награды. В 1628 г. царь вновь отправляет Фрича и Герольда с воеводой³¹ Дашковым и Приклонским на этот раз в другие края — на Кавказ в Кабарду. Несмотря на немалое жалованье иностранным специалистам, которое составляло: Фричу — 35, Герольду — 30 «голландских ефимков» (1 ефимок тогда равнялся 46 русским копейкам), экспедиция оказалась неудачной.

В 1630-е гг. ведутся еще более интенсивные поиски медной руды. В феврале 1633 г. царем Михаилом Федоровичем посы-

лаются в Соль Камскую для «сыску медяной руды» во главе со *стольником*³² Василием Ивановичем Стрешневым *стольники* же Григорий Волков, Кирилл Арсеньев, *жилец*³³ Матвей Рябинин, иноземец Елисей Коет, а также *рудознатец* Александр Иванов Серебряник. Через 14 месяцев они возвратились с донесением, что нашли богатую медную руду. За то, что поиски оказались успешными, все они и их помощники были щедро награждены государем: Александр Иванов Серебряник в 1633—1634 гг. был пожалован Михаилом Федоровичем тканями, соболями и деньгами всего на сумму свыше 80 рублей за то, что «он у Соли Камской меденую руду обыскал» (приложения №2 и №3).

Столники Иван Стрешнев, Янаклыч Челищев, Григорий Волков, Кирилл Арсеньев и жилец Матвей Рябинин в 1633 г. были награждены сукнами и куницами на сумму около 24 рублей каждый за то, что они «посыланы были с *стольником* с Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли Камской для сыску медной руды и у дела были безотступно, и за всякими наемными людьми надсматривали, и в посылки для медной руды посыланы» (приложение №4).

Особенно щедро был пожалован Великим Государем иноземец Елисей Коет. Его награда заметно отличалась от наград русских людей. В 1634 г. он получил сукна, соболей и серебряный позолоченный кубок, общей стоимостью около 127 рублей за то, что «послан на его Государеву службу с *околничим* с Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли Камской для сыску медяные руды и, будучи у его Государева сыскного дела, медяные руды радел» (приложение №5).

О значении для государства этих находок можно судить по награде, которую получил возглавлявший экспедицию Василий Иванович Стрешнев: две шубы, одна ценой 200 руб., другая 200 руб. 4 алтына 4 деньги, кроме пуговиц, серебряный позолоченный кубок с чеканкой стоимостью около 32 руб., деньги в сумме 220 руб., а также в Ростовском уезде село Пружинино с деревнями «660 чети в вотчину» за то, что «меденую руду у Соли Камской в Григорове горе, да в Чердынском уезде, да на Романове и в иных во многих местех... сыскал» (приложение №6).

В месте, где экспедиция Стрешнева нашла руду, вскоре был основан первый в России казенный медеплавильный завод. Вслед за открытием Григоровского рудника были найдены руды и в Нерчинском крае. Подробности этого открытия видны из инструкции голове³⁴ Василию Даниловичу Пояркову от 15 июля 1643 г. (приложение №7). Командировка Пояркова состоялась на основании сведений, полученных в Якутске. Якутский воевода Петр Петрович Головин послал Пояркова по рекам Лене, Алдану, Учере, Гономе, далее волоком до реки Зеи и потом реки Шилки. На двух последних Поярков должен был разыскивать серебро-свинцовую и медную руду и, найдя такие, устроить завод; для безопасности же последнего построить остроги и взять у инородцев заложников; кроме того, его обязали исследовать дорогу до китайской границы и представить подробное описание найденных месторождений и образцы руды для пробы.

Богатства недр манили государевых людей не только на Урал, но и в Сибирь. В 1645 г. Верхотурский воевода Максим Федорович Стрешнев посылал своих сыновей Григория и Петра в Невьянскую и в Ирбитскую волости искать медную руду, где они по сказкам местных крестьян нашли руду, да крестьянин Малафейко Тимофеев принес 3 камня «с рудными признаками». Образцы этой руды Максим Стрешнев послал в Москву в Сибирский приказ со своим сыном Григорием, от туда образцы были переданы в приказ Большой казны, где руда была осмотрена водовзводным мастером Христофором Головаем (Галовеем), а затем «испытана» английским плавильщиком Рыцерем Штилем, который сказал, что «из того камня меди не будет». Затем образцы руды были возвращены в Сибирский приказ.

16 апреля 1645 г. в ответ на доставленные образцы медных руд из Невьянской и Ирбитской областей, верхотурскому воеводе Стрешневу писана в Москве грамота, в которой царь Михаил Федорович, похвалив воеводу Стрешнева с сыновьями Григорием и Петром за инициативу, для более успешной разведки велел послать в Верхотурск образец медной руды в мешочке с печатью Сибирского приказа и наказал искать рудные жилы и далее в тех местах, «где имана (взята. — А.Б.)

руда и в иных местах доискиваться медяные руды жил небольшими расходы против образца, каков послан к вам... а велети итти вглубь теми обычаи, как копали колодези...» О результатах же велено было уведомлять Сибирский приказ (приложение №8).

По прошествии восьми месяцев, 4 декабря 1645 г., царь Алексей Михайлович переводит из Соли Камской в Верхотурье специалистов *плавильщиков* и *подплавильщиков*. В грамоте Верхотурскому воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу царь указывает оклады мастеров: плавильщика Александра Иванова — 4 рубля, плавильщика Сеньки колокольника — 3 рубля с полтиной, а подплавильщиков — по 1 рублю 25 алтын в месяц. И добавляет, что если им будет «надобно каких снастей, или кузнецов, или иных каких работных людей... то все давать тотчас... чтоб у них той меди опыт ни за чем не стал» (приложение №9). Значительная величина окладов и требование царя об оказании всевозможной помощи подтверждает огромную заинтересованность государства в разработке медных руд. Поэтому отыскание руд и полезных ископаемых зачастую связывалось с разрешением организовать соответствующее производство. При этом десятую часть добытого металла приказывалось сдавать в казну. Так, в 1658 г. посадскому человеку Алексею Жилину было дозволено в Енисейском уезде ломать слюду, плавить медную руду и «приискивать» руду серебряную и золотую³⁵.

Надобность в меди побудила местное начальство Новгорода в 1654 г. *памятью* от 9 декабря по государеву указу «Тихвина монастыря архимандриту... у приезжих и у торговых людей медь переписать, сколько у кого какой меди досчатой и шкилевой... объявится и всю медь, имеющуюся в наличии привезти в Новгород, а ежели кто медь утаит «тем людем от Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича... быти в великом опале и в жестоком наказанье, безо всякия милости и пощады» (приложение №10).

Царь Алексей Михайлович не только проявлял заботу о поиске новых месторождений, но также интересовался, как обстоит дело со старыми рудниками. Так, 20 января 1671 г. в грамоте Соликамским воеводам он спрашивает их о медной

Царь Алексей Михайлович.

С картины неизвестного художника. 1660-е гг.

руде, которую еще при его отце нашел Василий Иванович Стрешнев. Государь пишет: «...ныне тое медную руду сыскивают ли, или та медная руда сыскивать покинута, и для чего покинута?» На что соликамские воеводы ответили царю, что с тех пор, как руда истощилась «рудных де медных признаков в той горе нет и не видали», поэтому «руднаго меднаго дела промысел и плавленье покинута и промышлять перестали» (приложение №11). Из-за отсутствия опыта разработки руд, случай этот был далеко не единичный. В 1653 г. начал работать медеплавильный завод в Казани, но уже в 1666 г. «медная руда изошла вся, и впредь в тех местах медному делу быть не мочно»³⁶.

Медная руда на Руси XVII века нередко отыскивалась сопутственно при поисках серебряной руды. Рассказ об одной из таких находок встречается, например, в *доездной памяти* московского стрельца Ивашки Блинова с товарищами и рудознатца Максимки Токарева, которые в 1663 г. ездили «за Камень (Уральский хребет. — А.Б.) за Поманеную гору, к Ваграну озеру» искать серебряную руду, но нашли вместо того в Верхотурском уезде руду медную и взяли для пробы 1,5 пуда. Посланный с ними из Чердыни серебряник Ондрюшка Вятчанин руды этой испытать, однако, не умел, потому и отправлена она была для анализа в Москву (приложение №12). Последствия этого «сыска» неизвестны.

В 1666 г. «медной руды плавильщик» Митька Александров Тумашев (сын последнего управляющего Пыскорским медеплавильным заводом Александра Тумашева) в своей челобитной, подтверждая, что руда в Григоровой горе истощилась, просит позволения царя Алексея Михайловича ехать отыскивать ее в другие места в Сибири: «на Верхотурье и в Верхотурском уезде, по рекам и по горам и по лесам ездить» (приложение №13). В 1668 г. Тумашев получил испрашиваемое разрешение. В «грамоте во все сибирские города» говорилось, что Тумашев едет искать за свой счет золотые, серебряные и медные руды и драгоценные камни, потому ему должно оказывать всякое содействие в людях и подводах, а в случае отыскания руд то и в деньгах³⁷. Спустя два года Тумашев, в отличие от Ивашки Блинова, нашел в Верхотурском уезде лишь железную руду и основал там железообрабатывающий завод³⁸.

В эпоху Алексея Михайловича разведка недр велась в разных концах России, причем очень часто использовались иностранные специалисты. Летом 1666 г. царь отправил полковника Густава фон-Кемпена на Двину с поручением отыскивать золотые, серебряные и другие руды с обязательством описать подробно и составить чертежи всех открытий и осмотренных месторождений³⁹. Кроме того, государь писал кевроло-мезенскому воеводе Василию Самарину грамоту⁴⁰ от 21 июля, чтобы он, посланный из Москвы рудознатцам князьям Богдану и Степану Милорадовым, да сотнику стрелецкому Климу Некрасову с двумя стрельцами, оказывал полное содействие в людях,

подводах и припасах для разведки руд, ранее того найденных на реке Мезени. Затем все донесения рудознатцев посылать немедленно, а о действиях сообщать от себя в приказ Тайных дел⁴¹. Кроме того, в том же 1676 г., состоялась повторная экспедиция в Уральские горы, в которой участвовали и немецкие специалисты. Они привезли с собой несколько кусков железных и медных руд, но «обещали мало прочного, особенно по дикости тех мест»⁴².

В то же время искал руды и «греченин рудознатный мастер» Аслан Листов, который был приглашен царем Алексеем Михайловичем в Московское государство для «рудосысконого дела». За эту работу в 1663 г. он получил государево жалованье соболями и сукнами на сумму 9 рублей 20 алтын (приложение №14).

5 марта 1666 г. «для сыску медные руды» из Москвы из Новгородского приказа был послан новгородский *гость*⁴³ Семен Гаврилов, вместе с иноземным плавильщиком Денисом Юрьичем в Олонецкой уезд, в Толвуйскую волость. Алексей Михайлович дал ему *грамоту*, в которой указывалось о необходимости оказывать всевозможную помощь «тому рудокопному делу... чтобы у него... мешкоты и помешки ни за чем не было» (приложение №15). Разведки его в Олонецком крае по открытию медной руды были успешны, потому что ровно через семь лет после первого, выше приведенного распоряжения, следует другое⁴⁴, от 14 марта 1673 г., где царь Алексей Михайлович пишет олонецкому воеводе Богдану Ивановичу Ордину-Нащекину, чтобы тот исполнил все деловые просьбы Семена Гаврилова. Семен же Гаврилов желал, во-первых, получить необходимые ему казенные деньги и запасы, во-вторых, послать поверенного для тайного найма в Швеции мастеров, в-третьих, расчистить дорогу в полторы версты от рудника до завода и, наконец, иметь *целовальников*⁴⁵ «самых добрых». Сохранившаяся в подшивке к отрывку дел Пушкинского приказа за 1684 г. «Роспись землям и угодьям, которыми владел новгородский гость Семен Гаврилов в Олонецком уезде в Шунгском погосте в Фоймогубской волости к рудосыскному делу»⁴⁶, доказывает, что поиски медной руды в этом крае были не напрасны.

Во второй половине XVII века мастеров «рудознатцев» также не хватает, и заботы правительства о привлечении иностранцев, знающих горное дело, продолжаются. В 1672 г. Я. Рейтенфельс⁴⁷ писал, что близ Новгорода медную руду добывают иностранцы с большой выгодой для государства⁴⁸. Годом ранее для рудных поисков в Уральских горах был послан некто Михайло Селин с немецкими «горными людьми». Однако, они ничего не нашли и уже собирались возвращаться, когда встретили посланную для той же цели и в те же места экспедицию думного дворянина⁴⁹ Якова Хитрово, которого сопровождали сын Венедикт, подьячий Еремей Полянский и несколько немцев. В течение двух лет они совместно искали руды, ездили вверх по Тоболу, и далее за степи к Кузнецку, Томску и Красноярску. Поиски эти остались без успеха, и им велено было возвратиться.

Однако, особое отношение государства к иностранным специалистам по горному делу и значительное их количество в нарождающейся отрасли промышленности не дает повода говорить о преобладании иноземцев в «рудосыскном» деле в России XVII века. Из приведенной таблицы видно, что иностранных фамилий, так или иначе связанных с поисками или с обработкой руд в 2,4 раза меньше, чем русских.

№	Имя	Нац.	Годы	Место поисков, заводы
1.	Чулок Бартенев	Русс.	1618—	Искали медную руду на
2.	Гаврило Леонтьев	Русс.	1626	реках Усьва, Печора, Цыльма — неудачно.
3.	Джон Ватер	Ин.	1618—	Искали медную руду в
4.	Загряжский	Русс.	1622	Перми. Результаты неизвестны.
5.	Фрич	Ин.	1626—	Искали руду на Урале на
6.	Герольд	Ин.	1628	Кавказе. Результаты неизвестны.
7.	Стрешнев Василий Иванович	Русс.	1632— 1633	Найдена медная руда в Соли Камской, в резуль-

8.	Волков Григорий	Русс.		тате открыты Григоровский и Кужгорский рудники.
9.	Арсеньев Кирилл	Русс.		
10.	Рябинин Матвей	Русс.		
11.	Янаклыч Челищев	Русс.		
12.	Иванов Александр Серебряник	Русс. Русс.		
13.	Коет Елисей	Ин.		
14.	Светешников Надей Андреевич	Русс.	1634— 1661	Управляющие Пыскорским медеплавильным заводом.
15.	Лодыгин Тимофей	Русс.		
16.	Телепнев Юрий	Русс.		
17.	Тумашев Александр	Русс.		
8.	Поярков Василий Данилович	Русс.	1643	Найдены руды в Нерчинском крае на реках Алдан, Лена, Учера, Зея, Шилка, Гонома.
19.	Стрешнев Максим Федорович	Русс.	1645	Найдена медная руда в Невьянской и Ирбитской волости.
20.	Стрешнев Григорий Максимович	Русс.		
21.	Стрешнев Петр Максимович	Русс.		
22.	Рыцерь Штиль	Ин.		Исследовали образцы руды в Москве.
23.	Христофор Галовей	Ин.		
24.	Иванов Олександрик	Ин.	1645	Посланы с Соли Камской на Верхотурье для работы.
25.	Колокольник Сенка	Ин.		
26.	Жилин Алексей	Русс.	1658	Искал и разрабатывал руды в Енисейском уезде.
27.	Блинов Ивашка	Русс.	1663	Нашли руду на Верхотурье, последствия неизвестны.
28.	Токарев Максим	Русс.		

29. Листов Аслан	Ин.	1663	Вызван в Россию Алексеем Михайловичем для поиска руд.
30. Семен Гаврилов	Русс.	1666	Нашли руду, открыли рудник в Олонецком уезде, Толвуйской волости.
31. Денис Юрьич	Ин.		
32. Тумашев Митка Александров	Русс.	1666	Основал железный завод в Верхотурье.
33. Милорадов Богдан	Русс.	1666	Искали руду на р. Мезень.
34. Милорадов Степан	Русс.		
35. Густав фон-Кемпен	Ин.	1666	Искал руду на р. Двине. Результат неизвестен.
36. Селин Михайло	Русс.	1671	Искали руду на Урале. Безуспешно.
37. Хитрово Яков Тимофеевич	Русс.		
38. Хитрово Венедикт	Русс.		
39. Полянский Еремей	Русс.		
40. Виниус Андрей	Ин.	1675	По царской грамоте разрешено было искать руду везде. Виниус и Марселлис основали железные заводы.
41. Марселлис Петр	Ин.		
42. Фандергатен Еремей	Ин.		
43. Федоров Дементий	Русс.		
44. Нарыков Лев с братьями	Русс.		
45. Яков Галкин	Русс.	1674	Вел поиск руд. Результат неизвестен.
46. Ромодановский Юрий Иванович	Русс.	1676	По царской грамоте разрешено было искать руду везде.
47. Меркульев Кондратий	Русс.		
48. Горшков Ивашка	Русс.		

49. Ножевников Ерофейка	Русс.	1676	Искал руду. Конкурировал с Винусом и Марселисом.
50. Власов Иван Остафьевич	Русс.	1681	Руководил поисками руд в Енисейском крае, Восточной Сибири, Китае, Индии, Америке.
51. Нейтор (Нейгарт) Лаврентий	Ин.	1697	Нашел медную руду под Кунгуром и основал Бымовский медеплавильный завод.

В интересах казны правительство не ограничивало свободу рудоискательства и промышленной деятельности непосредственных производителей — посадских людей и крестьян. Показательна *подорожная грамота*, выданная в 1674 г. Тайным приказом вологжанину Якову Галкину с товарищами, отправлявшимся на поиски руд. В случае находки руды разрешалось ее разрабатывать «безо всяких споров, на чьей земле ни прилучится», а местные власти должны были всячески способствовать этому⁵⁰. Таким образом, посадско-крестьянская мелкая промышленность продолжала распространяться не только в центре, но и на далеких окраинах России.

О большой заинтересованности государства в разведке недр свидетельствуют *проезжие жалованные грамоты*, выданные в 1675 г. царем Алексеем Михайловичем для предъявления властям городов и уездов с целью поиска разных руд дворянину Андрею Винусу, вологжанину Якову Галкину, московским иноземцам Петру Марселису и Еремею Фандергатену, попу Дементью Федорову с детьми, *сотнику* Льву Нарыкову с братьями и товарищами, а также другим разным людям (приложение №16). В этих грамотах писалось, что означенные лица имеют право свободно искать и добывать руды, кроме золотой и серебряной, на всех без различия землях, в чем местные власти не только не должны им пре-

пятствовать, но, наоборот, оказывать всяческое содействие. Содействие состояло в даче подвод на прогоны, посылке людей, конвоя, в освобождении от уплаты различных пошлин и в посылке вооруженной ратной силы, в случае чьего бы то ни было сопротивления поискам рудных залежей.

Независимо от этого Виниусу и Галкину 19 мая того же 1675 г. дана особая *грамота*⁵¹, в которой помимо разрешения на добычу золота, серебряной руды и серы, давалось разрешение на устройство всяких заводов на следующих условиях. Поиски руды везде производились беспрепятственно, затем также свободно на казенных и пустопорожных землях рубился лес и строились заводы, на землях же поместных, вотчинных и монастырских производилось все то же самое, но по договору. Делалось это за счет предпринимателей, которые нанимали для этого свободных людей. По открытии руды, 20 лет добыча и обработка ее производились беспошлинно, по окончании же льготного срока, назначался платеж с каждой плавильной печи по 150 руб. в год; в случае потребности меди для казны, заводчики обязаны были уступать ее по 16 алтын 4 деньги за пуд, но тогда уже пошлин за нее не платили. Продажа металла разрешалась свободно, и даже допускался его вывоз за границу. В случае найма каких-либо земель или угодий для заводов, заводчики не освобождались от оброка за них⁵².

После смерти царя Алексея Михайловича заботы правительства о развитии горной промышленности не прекратились. 7 марта 1676 г. по просьбе князя Юрия Ивановича Ромодановского ему была дана *грамота*⁵³, буквально схожая с грамотою Виниусу и др. В грамоте сказано, что для разведок послан Казанского Спасова монастыря стряпчий Кондратий Меркульев, а с ним рудознатец, «его дворовой человек» Ивашка Горшков.

Поиски руд в Приуралье, на Урале и за Уралом организовывались так же, как в центральных уездах и на севере. Понимая, что сведения о рудах можно получить от местного населения, в грамотах наказывалось, чтобы его «не жесточили и разведывали у всяких людей про такие места ласкою и обнадеживая нашим жалованьем». В противном случае, местные жители «таких мест, где чают руду, сказывать не учнут, кто и

ведает — не скажет»⁵⁴. Во второй половине XVII века особенно интенсивно этим делом занимался Тайный приказ, так что 1660-е — 1670-е гг. ознаменовались рядом экспедиций в Кевролу и Мезень, под Архангельск на Двину, на Урал. В Москву о своих находках доносили из разных мест местные жители, представители различных сословий: стрельцы, приказчики, крестьяне.

Постепенно в поисках и разработках руд среди предпринимателей заработала здоровая конкуренция. В 1676 г. царь Федор Алексеевич получил прошение от серебряного дел мастера Ерофейки Ножевникова с пятью товарищами. Указывая на то, что без грамоты царской поиски очень затруднительны, и, перечисляя льготы Виниусу и Марселису, они предлагают довольствоваться меньшими льготами и платить более, а именно: беспошлинно работать всего 15 лет, и затем платить с завода 200 рублей в год, медь же уступать в казну со скидкой против торговых цен по 20 алтын с пуда⁵⁵. Царь приказал удовлетворить это прошение.

28 июня 1681 г. царь Федор Алексеевич посылает грамоту⁵⁶ к селенгинскому воеводе стольнику Ивану Остафьевичу Власову, где, укоряя его, что тот ничего не отвечает на запрос о различных рудах в Восточной Сибири, Китае, Индии и Америке, поручает государеву слуге искать руды «всякими мерами накрепко», для чего найти знающих людей на месте. Если же таковых нет, то требовать из Енисейска от воеводы Александра Салтыкова. Обо всех же открытиях селенгинский воевода обязан был немедленно и подробно доносить в Москву с присылкой образцов; если же открытия будут близ китайской границы, то устраивать для защиты заводов остроги. Таким образом, во второй половине столетия география поисков руд значительно расширяется и даже выходит за пределы территории России.

К концу XVII века медеплавильное производство из пермских медных песчаников упрочивается на Урале. Грамотой кунгурскому воеводе Ивану Михайловичу Коробьину от 4 августа 1699 г. предписывалось не мешать рабочим наниматься для работ у посланного казанским воеводой Кудрявцевым рудокопного мастера подполковника Лаврентия Нейтора (Ней-

гарта), нашедшего в 1697 г. медную руду содержанием два фунта меди в пуде, по реке Бым между Осинской слободой и Кунгуром (приложение №17). Впоследствии тут долго действовал Бымовский медеплавильный завод (Суксунского округа), закрытый только в 1862 г.

Необходимо сказать о методах разведки недр в XVII веке. В их основе лежало обследование и изучение местности по данным предварительного случайного обнаружения полезных ископаемых местными жителями, их опроса, особенно старожилов и стариков, имевших к этому отношение. Члены экспедиции использовали также различные приметы для нахождения руд или жил: по характеру и виду растительности, налетам солей на горных породах, запахом в воздухе, особенно в жаркие дни, «блудящему огню», виду высоких вымытых реками берегов, виду снега. Наличие ящериц и змей считалось положительным признаком для отыскания руд. Принимались во внимание вид и размер валунов. При благоприятных признаках делали пробные шурфы. Возможно, что иногда применяли лозу или, как позже ее стали называть, «волшебную палочку». Для этого вырезали развилину орешника толщиной с годовую побег. Потом, взяв руками за оба края, держали третий конец кверху, ладонями к лицу. Крепко зажав лозу в таком направлении, шли не спеша по местности. Там, где лоза наклонится, предполагали наличие подземных руд и вод. Этот способ, хотя и считался не всегда успешным, описывался даже в XVIII столетии⁵⁷. В результате разведки брались пробы пород. Эти пробы посылались в Москву в Сибирский приказ, где производились опыты по плавлению при взвешивании образца и получившегося продукта. По соотношению весов оценивали породу. Таким образом, Москва играла исключительную роль в организации разведки недр, исследовании полученных образцов, налаживании дальнейшего производства.

Ввиду острого дефицита меди, правительство прилагало большие усилия для организации выплавки руды. С этой целью в пользу государства отбиралась земля, в которой была обнаружена руда, немедленно выделялись средства на строительство плавильных печей, мобилизовывались рабочие и гужевой

транспорт. Примером таких настойчивых усилий властей может служить анализ организации производства по выплавке медной руды близ Соликамска, где в середине XVII века действовал первый в России Пыскорский медеплавильный завод.

Свое название завод получил от расположенного поблизости Пыскорского монастыря, на землях которого и была найдена медная руда. Земля эта тут же была взята в казну: «...наше медное дело взяло их монастырской земли и угодий под плавилну, и под заплоту, и под сарай, и под анбары, и под мельницу, и под кузницу и под дворы, где живут медного дела приказные люди, и плавильщики и целовальники, и кузнецы и немцы мастеровые и работные и всякие люди, и что взято под площадь, где лес всякой кладут, и где кладут медную руду и ставят суды к берегу, горы, где подкопы выведены для медных руды и луг сенными покосы для угольных пожегов, по смете всего 70 десятин⁵⁸...»⁵⁹

Взамен 70 десятин монастырю дали Ногаеву пустошь: «...а по смете в той Ногаевой пустоши дикова поля 80 десятин, да лесу дубровы, который впредь в пашню пригодится 100 десятин, да сенных покосов по лугам и по наволокам (наволок — низменный, пойменный берег. — А.Б.) на 3 000 копен волоковых⁶⁰, да на тех же лугах 10 озерок не великих, а в них рыбная ловля небольшая...»⁶¹

Как видим, монастырь получил в три раза больше земли, чем у него взяли в казну. Царь Михаил Федорович мотивировал это так: «...и то им дано больше того для того, что нашим царским счастьем в их монастырской земле и в угодьях медная руда объявилася и завод стал...»⁶²

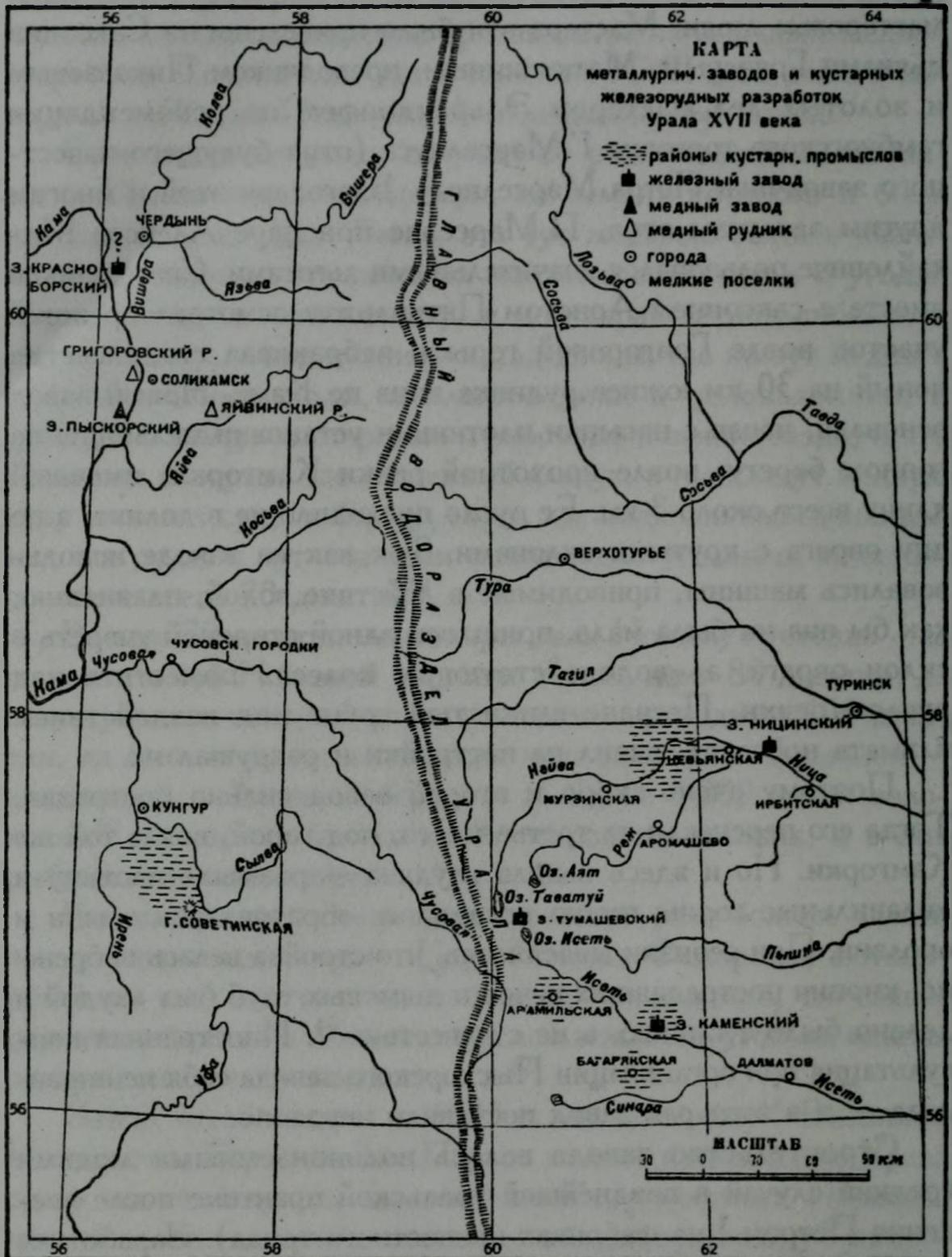
Завод был основан в 1633 г. *окольничим*⁶³ Василием Ивановичем Стрешневым. Первое медное предприятие Урала с рыву же столкнулось с различными трудностями. Первоначально плавильные печи поставили вблизи рудника, у Григоровой горы, в 14 км к северо-западу от Соликамска. Место оказалось неподходящим «по маловодью здешних ручьев».

В 1635 г. завод решили перестроить. Для этого, по указу царя из Москвы в Соликамск были посланы *гость* Надея Андреевич Светешников, *подьячий* Илья Кириллов, иноземец *рудознатец* Арист Петцольт, а с ними русские и немецкие

мастеровые люди. Мастера эти были привезены из Саксонии дьяками Грязевым, Матюшкиным, преводчиком Пикозаевым и золотых дел мастером Эльрендорфом по рекомендации гамбургского торговца Г.Марселиуса (отца будущего известного заводчика Петра Марселиса). Благодаря этой и многим другим заслугам отца, П.Марселис при царе Алексее Михайловиче пользовался значительными льготами. Светешников вместе с саксонцем Аристом Пятцольтом осмотрел прежний участок возле Григоровой горы и забраковал его, наметив новый на 30 км южнее рудника вниз по Каме. Новый завод основали, начав с насыпки плотины и установки мельницы на горном берегу, возле крохотной речки Камгорки, имевшей длину всего около 3 км. Ее русло проходило не в долине, а по дну оврага с крутыми склонами. Так как на заводе использовались машины, приводимые в действие водой, плавильню, как бы она ни была мала, пришлось одной стороной упереть в склон оврага, а «вододействующие колеса» поместить над руслом речки. Песчано-глинистый грунт под воздействием климата проседал, давил на постройки и разрушал их.

Поэтому очень скоро и второй завод сильно пострадал. Тогда его перенесли на третье место, под горой, возле той же Камгорки. Но и здесь вышла неудача — размыло плотину и «плавильные горны горою посадило», образовались осыпи и оползни. При ревизии выяснилось, что стройка велась небрежно, кирпич пострадавших печей и дымовых труб был «худой и сделано было с глиною, а не с известью»⁶⁴. Иностранная консультация при организации Пыскорского завода себя не оправдала — и в этот раз завод поставили неудачно.

Строительство завода велось вольнонаемными людьми (редкий случай в позднейшей уральской практике после введения Петром I на фабриках крепостного труда). Заработная плата сравнительно с последующим XVIII веком, была достаточно высока: рабочий с конем получал 12 копеек, пеший — 6 копеек в сутки. Пыскорский завод включал в себя ряд производственных сооружений: плотины, «плавильный сарай» с горнами, кузницы, мельницы и несколько амбаров. Рядом были особые места для складирования леса и сырой руды. На Каме имелась пристань. Возле завода был построен небольшой

Карта металлургических заводов и кустарных железнорудных разработок Урала XVII в.

поселок. О размахе работ красноречиво говорит площадь завода и прилежащих к нему территорий, которая более чем в три раза превышала площадь Московского Кремля и была больше московского Пушечного двора в 42 раза!

Медную руду добывали в двух пунктах — в Куж-горе на речке Яйве, и в Григоровой горе, в 30 км выше по Каме. Оттуда она транспортировалась в летнее время водой по течению, а зимой — гужевым транспортом. Кужгорский рудник находился приблизительно в 50 км к востоку от Камы, и путь от него был, по видимому, сложный: почти все расстояние преодолевали гужом, а вблизи завода пользовались переправой через Каму.

Извлечение руды производилось шахтами — «подкопами» — выемками горных склонов или короткими штольнями. Григоровский рудник был в России первым предприятием со сложной системой подземных разработок⁶⁵. «Уламывали» (разрабатывали. — А.Б.) только самые богатые слои толщиной от одного до трех пальцев. Нижние слои толщиной в ладонь и верхние толщиной в 1/2—3/4 аршина (36—54 см) не выбирали, а просто бросали, хотя количество металла в них во много раз превышало взятую из центральных пластов руду. Такой примитивизм и, можно сказать, хищничество связаны с несовершенством обработки руды в середине XVII века. Разработчики оставили в наследство следующему XVIII столетию материал для работы на много лет. Русская техника медеплавильного дела стояла еще не на должном уровне. Поэтому техническое руководство Пыскорсим заводом было на какое-то время поручено иностранцам. Однако, они не оправдали надежд правительства, не справившись с поставленной задачей: плавка велась неудовлетворительно и завод работал с частыми перебоями.

Данные о производительности завода позволяют судить об эффективности производства. В период с 1 июля 1641 г. по 6 февраля 1642 г. Григоровский рудник дал 620 пудов отборной кусковой и 2 500 пудов толченой мелкой руды, Кужгорский — 400 пудов кусковой и много мелкой, негодной для плавки⁶⁶. За семь с лишним месяцев итог составил 3 520 пудов, округленно 500 пудов в месяц или 6 000 пудов (около 100 тонн) в год. Промышленными в те времена считались месторождения с 5, 10, 20% и более содержания металла в руде. При среднем выходе из богатых и бедных («толченых») руд 10% металла, первоначальная годовая производительность Пыскорского

завода могла определяться в 600 пудов или 10 тонн меди. Из такого количества можно было отлить примерно 150 небольших колоколов. А ведь медь была нужна и на орудия. Таким образом, масштаб завода был довольно мелкий, отнюдь не утолявший *медного голода* в стране.

Управление и надзор за Пыскорским заводом в первые два десятилетия были возложены на московских агентов, последовательно управлявших предприятием. Сначала это был *гость* Надея Андреевич Светешников. Историк С.В.Бахрушин утверждает, что в разработку медной руды на Каме Надей Светешников вкладывал свой капитал⁶⁷. Это не верно, поскольку Пыскорский медеплавильный завод был казенным предприятием, и Светешников на самом деле только управлял им в порядке отбывания службы. Затем заводом управляли немцы (до 1641 г.). После них — Богдан Тишин и Кирилл Босово. С 1644 г., последовательно, — Иван Онофриев, Тимофей Лодыгин, Юрий Телепнев⁶⁸.

Для непосредственного контроля и приемки меди назначались *целовальники* из местных зажиточных обывателей, в обязанности которых входил не только контроль, но и постановка минимальных заданий для технического персонала. Основную рабочую силу на заводе составляли «охочие деловцы», то есть местные крестьяне, к которым прибавилась еще новая категория в лице «ссылочных воров монетного дела», иначе фальшивомонетчиков — своего рода «специалистов», высланных из центра.

Неопределенность объемов сырьевой базы сопровождала весь начальный период функционирования Пыскорского завода. Зимой 1643—1644 гг. на Пыскор из Москвы был прислан дьяк Иван Онофриев для определения состояния завода и рудников и ремонта существующих установок. Иван Онофриев имел также специальное поручение немедленно организовать новые разведки медной руды в окрестностях завода. Большая заинтересованность в этом государства выражалась в огромных наградах за обнаружение руды: «А кто про какую руду где скажет, а по своему извету в тех рудах будет Государевой казне прибыли, и тем людям сказывать Государево жалованье многое, смотря по руде, рублей по пятидесяти и по

сту и больше»⁶⁹. Район оказался достаточно перспективным, *медистые песчаники* с высоким содержанием руды нашли еще в низовьях Камы.

Завод действовал до 1656 г., когда наиболее квалифицированные иностранные и русские рудокопы были экстренно мобилизованы для специальных саперных работ при осаде Риги во время войны со Швецией. После небольшого перерыва Пыскорский завод был отдан в аренду предприимчивому дельцу Александру Тумашеву. Свободно распоряжаться продукцией завода арендатор не мог. Он был обязан сдавать ее в Соликамске правительственным чиновникам. Первоначально Тумашев выплавил 574 пуда (9 380 кг) меди и отдал ее в казну по 2 рубля за пуд, затем было выплавлено 315 пудов (5 150 кг) меди, а ее цена была повышена до 3 рублей. Здесь же в Соликамске казенную медь разрешалось продавать в частные руки, но по установленной цене — 4 рубля 25 копеек за пуд, то есть с надбавкой в 42%.

На место Тумашева из Москвы был прислан иноземец, но вскоре он умер. В 1657 г. медное дело было остановлено, так как «руда вынялась и признак рудных не стало», а в 1661 г. шахты и ходы обвалились. Более 50 лет рудники бездействовали. Генерал де-Геннин и капитан Татищев⁷⁰ осматривали Григоровский рудник и Пыскорский завод в 1722 г. и нашли уже только малые остатки строений. Однако, в 1724 г. завод был снова запущен.

К концу XVII века *медистые песчаники* были разведаны кое-где по нижней Каме. В 8 км к северу от Елабуги, близ речки Сарали, подъячим Калугиным в 1689 г. было основано небольшое медное предприятие. Работало оно, по-видимому, неудовлетворительно. Около 1698 г. Саралинский завод был взят в казну, и его «поправлял» иностранный мастер Нейгарт. Завод действовал без применения водяной силы. Плавку пытались перевести на вновь открытые богатые кунгурские руды, но баржа, на которой везли руду, утонула в Каме⁷¹. Завод постепенно захирел и в 1730-х гг. прекратил свое существование. Но место оказалось удобным, подходящим, и в середине XVIII века поблизости был основан новый медный завод — Коринский.

На этом заканчивается ранний период истории медеплавильного дела на Урале. Возрождение его и усиленное развитие началось лишь в XVIII веке. Мы вправе констатировать, таким образом, что эксплуатируемые в России медные рудники того времени лишь на одну треть могли удовлетворить потребность страны в меди, остальные две трети покрывались за счет ввоза металла из-за рубежа.

Привозную медь доставляли на Русь англичане, датчане, шведы и голландцы. Олово также привозилось из-за границы. В 1514 г. медь и олово были включены в число металлов, которыми великий князь Василий дозволил Ганзе торговать в Новгороде⁷². Преемственность поддерживали и его наследники. Так, в 1581 г. Иван IV потребовал от английской королевы Елизаветы, прислать с Джеромом Горсеем⁷³ 13 кораблей, груз которых, общей стоимостью 9 000 фунтов стерлингов, состоял, кроме прочего, из меди и олова⁷⁴.

Медь подразделялась на красную и желтую. Ее привозили в *полицах*, то есть пластинах, и изделиях. В торговле существовали разные виды меди: *однопечатная*, *троепечатная*, *трубчатая*, *козарская*, *тазовая* (в посуде) и *колокольная*. Под колокольной медью понималась не чистая медь, а готовый сплав с оловом, скорее всего это были куски разбитых колоколов.

Известная «Книжка описательная» 1575 г.⁷⁵ сообщает данные относительно тогдашних цен меди: самой дешевой была *однопечатная* медь, берковец (10 пудов — 160 кг) которой стоил от 13,5 до 20,5 рублей, самой дорогой — *козарская*, стоимостью за фунт (400 г) 3 рубля. *Колокольная* медь стоила от 2 рублей до 2,5 за пуд (16 кг), или от 20 до 25 рублей за берковец.

Все сорта и цены иностранной меди на Руси в начале XVII века, указаны в «Книжке описательной», новой редакции 1610 г. Любопытно уже само ее заглавие: «Книжка описательна, от части в науке молодым торговым людем. В ней же описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые». В главе второй, которая озаглавлена «Память товарам немецким всяким, и ефимкам, и золотым, и сукнам и жемчугам, и всякой купеческой рухляди, почему на Москве и на Мурманском (архан-

гельском берегу. — А.Б.) и в Немцах купят и продают», находим следующие известия о медном товаре:

«медная проволока, тонкая, колечная, берковец — 14—30 руб.;

в Голантех купят пуд по 5—6 ефимков;

котельные изгарины, берковец — 12—18 руб.;

в Голанской земле купят медь красную по 4 стюверша;

медная толстая проволока, берковец — 15—25 руб.;

медь трубчатая, берковец — 14—24 руб.;

медь однопечатная, берковец — 13,5—20,5 руб.;

медь троепечатная, пушлишная, берковец — 14—24 руб.;

медь казарская, пуд — 3 руб.;

медь в полицах красная, пуд — 2,5 руб.»⁷⁶.

Стоимость меди и медных изделий на Руси в середине и во второй половине XVII века практически не менялась. В 1647 г. пуд колокольной меди стоил от 4 до 5 руб. В 1674 г. за пуд меди платили:

тазовой — 5—7 руб.;

в котлах — 4,5—6 руб.;

колокольной — 4,5—5 руб.;

кровельной — 4,5—6 руб.;

проволоки — 5 руб.⁷⁷.

Олово и сегодня на территории России имеет крайне ограниченное распространение. Оно известно в Забайкалье, где оловянные руды были открыты на протяжении около 100 верст по обоим берегам реки Онона и по многим ее притокам. На северо-восточном берегу Ладожского озера находилось второе, так называемое Питкарантское месторождение. Эти залежи руды были недостаточно разведаны и практически не разрабатывались до середины XIX века. Питкаранское месторождение еще в XIX веке являлось единственным поставщиком олова в России, давая ежегодно около 1200 пудов металла⁷⁸.

Таким образом, в XVII веке олово было полностью привозным товаром. Его привозили в Россию датчане и англичане. Олово было брусчатое (брусками), лычное (полосовое), рогожное (свертками). Привозили также олово и в виде оловянных изделий: блюд, тарелок, чашек, стаканов, кружек, и другой столовой посуды.

При царе Борисе Годунове олово стоило 1 рубль пуд, и цена эта сохранилась в примерах написанной тогда же первой русской арифметики. В упомянутой выше «Книге описательной» редакции 1610 г., под рубрикой «Память товарам немецким и всяким... почему на Москве и на Мурманском и в немцах купят и продают» читаем: «Олово брусчатое, без железины, прутья купят пуд 40 алтын, а коли дорого 60 алтын. Олово рогожное большие свертки, купят пуд по 1 руб. 13 алтын 2 деньги, а коли дорого по 2 рубли. В Голантех купят фунт по 4 стюверша. Олово лычное, узкие полосы, купят пуд 1,5 руб., а коли дорого в 3 рубли»⁷⁹.

Лучшим оловом на Руси в XVII веке считалось английское. Оно привозилось к нам в виде прутьев и продавалось во второй половине XVII века от 5,25 до 6 рублей за пуд и от 5,5 до 7,5 рублей. Доставлялось оно большей частью в изделиях; так, например, в 1671 г. Россия получила из-за моря 57 бочонков и 18 ящичков блюд и тарелок, и 117 дюжин оловянных стаканов⁸⁰. Цена английского олова в изделиях, весом от 3 до 5 фунтов, составляла приблизительно за пуд от 5,25 до 7,5 рублей. Оловянная полоса того же производства стоила от 5 до 6 рублей за пуд.

Говоря о ценах, следует иметь в виду, что за взвес меди или олова продавец и покупатель платили одинаковую казенную пошлину, называвшуюся *весчая* и не взимавшуюся только при наличии привилегий, означенных в жалованных грамотах. *Весчей*, как правило, были обложены те металлы, которых, по выражению именного указа 28 февраля 1677 г., на Руси «не родится»⁸¹.

Товары, среди которых были так необходимые России для производства колоколов металлы, ежегодно получались из Европы, они привозились через Архангельск или Лифляндию. Годовые росписи из архангельских и лифляндских таможенных книг дают об этом наилучшие сведения. Однако заметим, что из таможенных книг можно видеть только количество, а не качество товаров. К тому же, необходимо учитывать тот факт, что ежегодно много товаров привозилось контрабандой. Так, в 1668 г. в Архангельской таможне у русских и иноземцев было конфисковано «незаписных, неявленных и утаенных

товаров и денег и золотых ефимков» на сумму «2 680 рублей 10 алтын пол 3 деньги»⁸².

Несмотря на то, что европейская торговля, дававшая России много иноземных товаров, достигла в XVII веке больших размеров, русские не довольствовались иностранным импортом, и сами совершали торговые вояжи в чужие земли. Правительство посылало своих комиссаров за границу делать закупки иностранных товаров на громадные суммы. Таким образом, часть товаров, идущая через Балтийское море, особенно желтая и красная медь, железо, сталь привозились самими русскими в Россию на своих лодьях из Швеции через Ладожское озеро: Россия владела приблизительно третьей частью его берега. «Могут, — рассказывает Рейтенфельс — однако, и русские купцы выезжать за пределы отечества, но непременно с разрешения царя и с обязательством вернуться обратно. Они имеют даже вне своего отечества несколько складочных мест, пользующихся необычайной свободой, как, например, в Гольме в Швеции, в Вильне в Литве, в Ревеле и Риге, в Ливонии и других соседних городах»⁸³.

На торговые отношения между Россией и европейскими государствами большое, чаще негативное, влияние оказывала политическая обстановка в Европе. Так, в начале XVII века, воспользовавшись ослаблением России, Англия, Голландия, Франция и даже крохотная Голштиния пытались добиться у правительства царя Михаила Федоровича права непосредственных торговых сношений с Персией через территорию России, что сулило купцам этих государств неслыханные, баснословные прибыли. Однако, восстановление государственного единства и ликвидация последствий интервенции Смутного времени дали возможность крепнущей, набирающей сил России не только отвергнуть эти притязания, но и в скором времени восстановить и упрочить свое геополитическое положение среди стран Запада и Востока. Прежде всего, оказалась вынужденной считаться с ростом могущества России Англия. Заинтересованная в торговле с Россией, страна туманного Альбиона завязала тесные связи с Москвой. Оказав материальную поддержку правительству царя Михаила Федоровича, Англия добилась для своих купцов больших привилегий в России. С

А.Л.Ордин-Нащекин.

1625 г. в столице постоянно находился ее резидент (приложение №18).

Складывавшийся в XVII веке внешнеторговый рынок России нуждался в правительственной поддержке. По мере развития и укрепления Российского государства, в середине столетия назрела необходимость воспрепятствовать острой конкуренции иностранных купцов с русскими. Осуществлено это было путем издания государственных актов, покровительствующих отечественному купечеству. В 1646 г. была запрещена беспошлинная торговля для иностранцев, что увеличивало поступление в казну золотой и серебряной иностранной монеты. Земский же собор 1648–1649 гг. лишил английских купцов права торговли с Россией. Поводом для этого послужила Английская буржуазная революция и казнь Карла I Стюарта в январе 1649 г. Причину в указе объяс-

нили просто и бесхитростно: англичане «государя своего Карлуса короля убили до смерти»⁸⁴.

В 1653 г. была издана «Торговая уставная грамота», вводящая единую рублевую пошлину, отменяющая ряд внутренних торговых сборов и устанавливающая более высокую пошлину для иноземных купцов. В 1667 г. был введен протекционистский закон о внутренней и внешней торговле России «Новоторговый устав», составленный по инициативе А.Л.Ордина-Нащекина. При покровительстве отечественному купечеству «Устав» строго регламентировал правила торговли для иностранцев, особенно из Западной Европы: разрешал иностранным купцам торговлю лишь в приграничных городах, запрещал им розничную торговлю. Проезд вглубь страны обуславливался уплатой двойной пошлины в иностранной валюте. Иностранные купцы могли торговать в России только с русским купцами. «Новоторговый устав» свидетельствовал о высоком развитии торговли, целиком и полностью отвечая интересам России.

Для развития торговли была улучшена ямская служба, налажена почтовая связь с Западной Европой. Русские гости и их агенты все чаще и чаще выезжали в Данию, Швецию, Германию, стремясь установить непосредственную связь с зарубежным рынком и устранить иноземца-посредника.

Кризис, который переживала Речь Посполитая в середине XVII века, открыл Москве широкие перспективы. В это время перед Москвой стояло несколько международных проблем. Среди них насущным был вопрос о продвижении в Прибалтику. На польскую Прибалтику и на Литву претендовала и Швеция. Москва в определенный момент примкнула к образовавшейся антишведской коалиции. Коалиция эта имела целью остановить чрезмерное усиление Швеции, которая, однако, сумела выйти победоносно из создавшегося положения, и Москва была вынуждена поступиться Ливонией. А так как Швецию русские купцы посещали часто и в значительном количестве, эти политические события не могли не оказать влияние на состояние русско-шведской торговли. Так, если в 1649 г. шведская королева Христина русским торговым людям в Стокгольме «позволила беспошлинно отсюда к Руси вывезть

денежных и венгерских медяных досок, тако ж и литую старую медь, которую они здесь своим торговым промыслом досту-пили»⁸⁵, то в 1676 г. русские жаловались, что в Швеции правительством было запрещено покупать красную медь у частных лиц, а только в казне, и после Кардисского договора 1661 г., по которому все завоевания в Прибалтике были возвращены Швеции, русские платили по 50 и 60 руб. за берковец, а прежде покупали вольной ценой по 30 рублей⁸⁶.

В ответ Россия запретила шведам свободную торговлю и подняла пошлины. Швеции было разрешено вести торговлю с русскими только в Новгороде, Пскове и Москве. Ю.А.Долгорукий, ведший в 1674 г. переговоры со шведами, «вообще говорил, что не стоит даже говорить о торговле, потому что торговые сношения России со Швецией ничтожны и незначительны, но, другое дело Англия или Голландия»⁸⁷. Таким образом, экономическая политика правительства была направлена на развитие русской торговли и укрепление позиций русского купечества.

Учитывая изложенное выше, действительное количество ввозимых в Россию металлов можно считать значительным. Необходимо сделать скидку на то, что архангельские и лифляндские росписи показывают далеко не точное количество ввезенных товаров.

В 1670-х гг. ежегодно в Архангельск из Голландии, Гамбурга, Бремена приходило от 30 до 40 кораблей. Все московские купцы к середине июля выезжали на Архангельскую ярмарку, которая продолжалась до сентября. Часто и правительство покупало нужные товары в Архангельске, принимая активное участие во внешней торговле. В нижеприведенной таблице показано примерное количество ввезенных в Россию меди и олова через Архангельск в 1671, 1672 и 1673 гг.

Приведенные росписи товарам дают примерное представление об объеме закупок так необходимых России металлов. Из таблицы хорошо видно, что иностранцы, пользуясь тем, что Россия остро нуждалась в меди и олове, продавали их, как правило, «в деле», то есть в изделиях, что было значительно дороже. Россия же, не имея своего олова и меди в достаточном количестве, вынуждена была покупать металл в любом виде.

1671г.	1672г.	1673г.
25 бочек и 6 пудов котлов, тазов и проволоки из желтой меди	60 труб из желтой меди	3 тонны и 410 связок наперстков из желтой меди
64 пуда красной меди	2 тонны, 10 ларей и 24 коробки проволоки из желтой меди и таких же наперстков	22 бочки котлов и тазов из желтой меди
131 дюжина оловянных кубков	550 Фунтов наперстков из желтой меди	3 тонны котлов и кубков из желтой меди
15 бочонков оловянных полос	1 тонна со съемцами, замками из желтой меди, наперстками и маленькими ножницами	61 пуд и 1 ящик проволоки из желтой меди
18 ящичков оловянных полос	40 тонн и 1 поставец с английскими оловянными блюдами, тарелками и другими вещами	208 штук подсвечников из желтой меди
57 бочонков английских, оловянных блюд и тарелок		2 ящика оловянных полос
		4 бочки английских оловянных блюд
833 дюжины малых колоколов из желтой меди		2 бочки и 24 ящика оловянных полос
27 больших колоколов	71 колокол	19 колоколов

Эта торговая ситуация отражена в «Сочинении Кильбурге-ра о русской торговле в царствование Алексея Михайловича», где он, исследуя русский рынок, пишет, что в России «котлов и тазов можно ежегодно продавать приблизительно 100 шиффунтов; размеры тазов от самых маленьких до 3,5 фунтов; край должен быть сделан толщиной в один хороший большой палец. Размеры котлов от самых маленьких до таких больших, какие могут быть укупорены в тонны»⁸⁸. «Доски из желтой меди совершенно тонкие и длиною около 2 сажений. Этих досок, которые шириною почти в 1 аршин, можно продавать ежегодно около 50 шиффунтов»⁸⁹. Цена на них составляла 5 рублей за пуд. По такой же цене продавалась проволока из желтой меди. Котлы из желтой меди — от 4,5 до 6 рублей. Такие же тазы — от 5 до 7 рублей. Колокольный металл в то время стоил от 4 до 5 рублей за пуд.

Кроме того, в таблице показаны среди различных медных изделий также сами колокола, которые привозились в значительном количестве в Россию на протяжении XVI и XVII веков. Так, например, 24 июля 1604 г. «пришел к Колмогорскому городу корабль из Амстердама, и на корабле этом, между разными другими товарами, показано: ...3 колокола, а в них меди 30 пуд, по 2 руб. с полтиною пуд...»⁹⁰. В 1620 г. представитель шведских коммерческих кругов Д.Валкер предлагал в качестве товара, помимо железа, готовые пушки, колокола, мушкеты⁹¹.

В 1648 г. приказ Большого прихода интересовался, какие товары в 1646 г. были привезены в Москву из Архангельска. Особенно «меди в колоколах и полишные (полицами. — А.Б.) тонкие и толстые... в котором месяце и числе что явлено?» По документам значились в числе прочих товаров «шестьдесят полиц меди тонкой и в полицях, девятнадцать полиц меди дощатой красной», да «шестнадцать колоколов медных, весом двести пятьдесят шесть пуд»⁹².

В росписи немецких товаров, которые были привезены в Архангельск в 1671 г. указываются 27 больших колоколов⁹³. Архангельская роспись 1672 г. говорит о 71 колоколе без каких-либо данных о весе или размере⁹⁴. В 1673 г. среди товаров, прибывших на гамбургских, голландских и бременских

кораблях было 19 колоколов. Путем несложного арифметического подсчета выясняем, что за три года в Россию было ввезено 117 колоколов, то есть за год в среднем — 39. Эти цифры свидетельствуют о том, что Россия, ввиду недостатка своего металла, вынуждена была закупать в Западной Европе сами колокола в значительных количествах. В XVII веке счет купленных в Западной Европе колоколов шел на тысячи.

М.Д.Хмыров, не располагая данными архангельских и лифляндских росписей, но имея, видимо, какие-то другие источники, в своем труде сообщает, что Россия покупала в Голландии готовые колокола. «Это доказывает сохранившийся в Москве, на Иване Великом, колокол, по названию *Безымянный*, с означением года: *anno 1550*, и надписью евангельского текста на голландском языке: *Also helf Godt de werlt beleiit, dat he sinen eingen Sone gaff, op dat alle on en geloven nicht vorlaren werden sonder dat ewige hebben. Ioanes. am. 3* (то есть: Тако бо возлюби Бог мир, яко и сына своего едиnorodного дал есть, да всяк веруяй в он, не погибнет, но имат живот вечный. Иоанн, гл. 3, зач. 8, ст. 16)»⁹⁵.

Отсутствие своего олова и недостаточное количество добываемой меди на Руси XVII века вынудило правительство объявить медь и олово заповедными товарами, но уже во второй половине XVII века на Руси производилось столько меди, что ее разрешили экспортировать, правда, в ограниченном количестве. 28 февраля 1677 г. именной указ Алексея Михайловича запрещал продажу персидским купцам свыше 20 пудов меди в металле или в деле, а на случай требования в Персию этого *заповедного товара*, повелевал «русским людям отказывать им, что, по государеву указу... больше того указного числа на продажу медным делом не бывает, потому, что в Московском государстве то не родится, приходит из немецких сторон»⁹⁶. «Немцами» и «немецкими сторонами» русские люди того времени называли всех европейцев.

Изложенное выше показывает, что русское правительство в XVII веке уделяло самое пристальное внимание горнопромышленному делу. Щедро награждая за найденные руды, оно, тем самым, привлекало к участию самые различные слои населения. В горном деле пытались счастья и духовные, и военные,

и купцы, и иностранцы, и другие лица, таким образом, *рудоскательская горячка* охватила одно время едва ли не все сословия. В результате поисков было выявлено, что медные руды залегают по восточному и западному склонам Урала. Пластовые же залежи медных руд располагаются к западу от кряжа, в областях Пермской, Вятской, Казанской и др. Руды представляют гнезда, пропластки и прожилки в горизонтальных пластах пермских пород. Среднее содержание металла 2,5–3,5%. В европейской России медные руды были обнаружены в Архангельской (по рекам Цыльме, Косьме и Суле, притокам Печоры) и Олонецкой (в Петрозаводском и Повенецком уездах) волостях, в восточной Сибири в Нерчинском крае и ряде других мест, то есть имеют на территории России достаточно широкое распространение.

В техническом отношении меры, предпринимаемые государством по поиску полезных ископаемых, по самому состоянию горнозаводской науки, не могли быть удовлетворительными и ограничивались со стороны правительства почти исключительно строгими предписаниями местным властям. На местах управление горными делами и заводами было предоставлено воеводам тех округов, в которых руды открывались. В других же случаях, заводы поручались управлению частным лицам, которым они отдавались.

Единого главного руководящего центра горной промышленности в XVII веке в столице не было. Управление велось через различные приказы. Анализ сохранившихся документов позволяет сделать вывод, что во второй половине века, начиная с 1650 г. ведением горных дел по разным частям, а также закупкой меди более активно занимались: Посольский приказ, приказ Большой казны, Сибирский приказ, Оружейная палата и Пушечный двор, а с 1660 г. и приказ Большого дворца⁹⁷. Обязанность каждого из них по рудному делу состояла в том, что к одному подавались прошения о выдаче жалованья: как-то от иностранцев Посольскому приказу, от других требовались деньги на прогоны; в иные доносили об успехах рудного дела, некоторым отдавались добытые металлы. Сохранилось датированное началом столетия известие об участии Пушкарского приказа в разведочных работах по изысканию медной руды:

«награжден подьячий за посылку к Соли Камской для сыску медной руды»⁹⁸. Такое хаотическое состояние управления горным делом было весьма серьезным препятствием к распространению горного промысла.

Однако, проводимая на протяжении целого столетия политика Московского государства, к концу XVII века привела власти к необходимости создания единого руководства горнозаводскими делами. В 1700 г. из приказа Большой казны выделяется особый приказ Рудокопных дел. Это закрепляется специальным указом Петра I от 24 августа 1700 г., в котором говорилось: «На Москве золотые и серебряные и иных руд дела ведать околичному Алексею Тимофеевичу Лихачеву, да дьяку Козьме Борину, а сидеть им в приказе Большой казны особо, и писать приказом Рудокопных дел» (приложение №19). Указом, регламентирующим деятельность приказа Рудных Дел, предписывалось во всех городах Московского государства «сыскивать золотых и серебряных и медных и иных руд, и кто найдет, тут же сообщать о том воеводам и приказным людям». «А по тем изветам» из Москвы дворянам, а из других городов воеводам выезжать на место и для проверки брать по два пуда руды, а «ту руду, запечатав, присылать к Москве в приказ Рудных дел». В случае, если пробы окажутся положительными, обещалась награда. Если же кто найдет какую-либо руду и не сообщит о своей находке, то «по розыску будет учинено наказание на Москве из приказу Рудных дел»⁹⁹.

Анализ политики проводимой Московским государством в XVII веке позволяет сделать следующие выводы. Предпринимаемые настойчивые попытки правительства избавиться от иностранной зависимости по всем металлам имели лишь частичный успех и то только в отношении наименее ценного из них — железа. Все столетие Россия работала практически полностью на привозных меди и олове, поэтому центральная власть, импортировавшая много меди с запада, всеми силами стремилась накопить ее в стране. Одновременно велись интенсивные поиски своих руд. Олова не нашли вовсе, поиски же меди требовали огромных трудов и сопровождались частыми

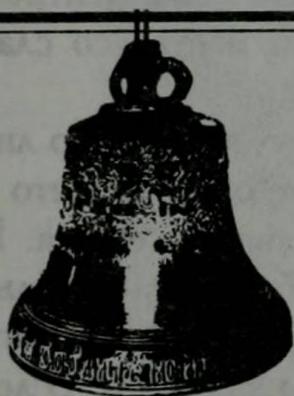
неудачами. Однако, не взирая на трудности, интенсивность разведки руд к концу столетия год от года увеличивалась.

Медное производство после остановки Пыскорского завода, несмотря на все старания правительства, почти вовсе прекратилось. Экспорт меди на восток, хотя бы в изделиях, был сокращен до минимума. Но настойчивое продолжение правительством интенсивной рудоискательской деятельности, в конечном счете, привело к бурному развитию добычи и обработки меди в следующие столетия. В начале XVIII века в России было выплавлено уже 197 517 пудов меди. В XIX веке ежегодно выплавлялось от 200 до 300 тысяч пудов¹⁰⁰. Постепенно Россия из импортера меди превратилась в экспортера. Это было подготовлено всем процессом развития горного дела в XVII веке.

Найденные в XVII веке месторождения меди позволили в начале следующего столетия открыть целый ряд казенных и частных медеплавильных заводов. Среди них Петровский Олонецкий завод, основанный в 1701 г., целый ряд заводов в Пермской губернии: Егошихинский (1723–1724), Полевский (1724), Суксунский (1729), Ревдинский (1734), Мотовилихинский (1736). В 1724 г. вновь открыт Пыскорский в Верхотурье и многие другие заводы в Вятской, Оренбургской, Казанской губерниях, а также на Алтае.

Глава 2.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛОКОЛОЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Более чем двухвековое монголо-татарское иго затормозило нормальное развитие Древней Руси, и превосходство западных государств в научных и прикладных знаниях было очевидным для московских властителей. Поэтому Российское правительство было вынуждено приглашать иностранных специалистов для работы в Москве. Но это вовсе не означает, что в стране не было своих пушечных и колокольных литейщиков. Они были и в Москве, и в Новгороде, и в Пскове, и в других русских городах за долго до приезда сначала итальянцев во второй половине XV века, а затем — немцев в XVI веке. Вызов же иностранных

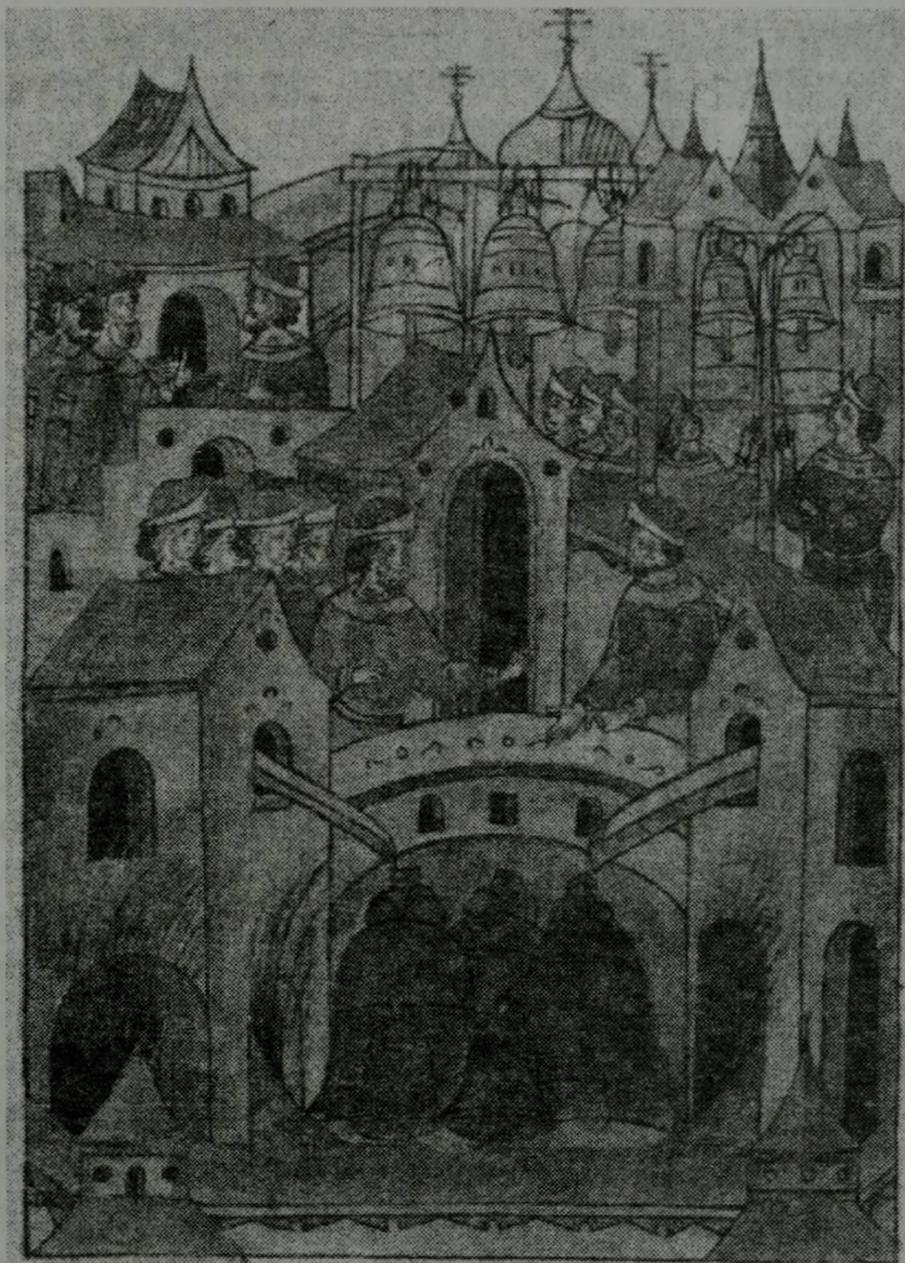
специалистов обуславливался необходимостью реорганизации и расширения литейного производства в растущем, набирающем мощь Московском государстве.

Первое известное упоминание об отливке колоколов в Москве датируется 1346 г. Тогда для нового Кремлевского ансамбля были отлиты пять колоколов. Летопись так повествует об этом важном событии: «Того же лета на Москве князь великий Симеон Иванович (Гордый. — А.Б.) и с братиею своею Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем сляша три колокола больших а два меньших и лил их мастер Борис Римлянин»¹⁰¹. В 1342 г. новгородский епископ Василий, желая украсить Софийский собор новым большим колоколом, привез из Москвы «мастера добра именем Бориса»¹⁰².

Из этого следует, что в 1340-е гг. Москва была центром литейного дела, и в ней работал европейский мастер со славянским именем.

С 1346 г. вплоть до начала XVI в. никаких известий о литье на месте нам не известно. Но это вовсе не означает, что в течение 150 лет в Москве вообще не отливались колокола. В ранний период московской истории колокола были относительно невелики. Умалчивание о литье является следствием того факта, что это было уже достаточно обычным явлением. В летописях же отражались события, выделяющиеся из будничного течения времени. Поэтому причиной не упоминания летописями московского литья является то, что в Москве во 2-ой половине XIV—XV вв. не отливались лишь большие колокола.

В XVI веке, кроме Москвы, устойчивое положение в литье колоколов занимали Новгород и Псков. Именно они в это время были главными ее соперниками. Москва же в большинстве случаев была инициатором и организатором новых приемов и методов литейного ремесла. Псков, по словам иностранцев того времени, конкурировал с Москвой по количеству ремесленников. На его долю приходилось 20 литейщиков против 33 московских мастеров. Это обстоятельство показывает, что Псков занимал видное место в области древнерусского литейного ремесла, руководящая роль в котором, несомненно, принадлежала все же Москве, неоднократно посылавшей своих литейщиков на помощь псковичам.

роже хѣта пѣмоскѣкнѣсѣше днѣи
 семенѣи пѣмопнѣ . и зѣратъ еѣ своѣю
 пѣмомъ пѣмопнѣемъ . ѣндрѣемъ
 пѣмопнѣемъ . елиѣша три солоислы
 боѣшихъ . ѣдѣа менѣшихъ . ѣнѣаѣнѣ
 мѣстперѣ борисѣ
 римѣа
 мнѣ

Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. Остермановский том 1, л. 402 (оборот), рис. 804.

Новгород, по сравнению с Москвой, находился в более выгодном положении в том отношении, что в XVI веке медь в первую очередь попадала именно в этот город и уже оттуда отправлялась в Москву. В грамоте от 17 марта 1556 г. предписывалось купить в Новгороде 1500 пудов меди, «которая бы... пригодилась к пушечному и пищальному делу», и прислать ее в Москву¹⁰³.

Во второй половине XVI—XVII вв., по мере роста товарно-денежных отношений, образования внутреннего рынка, кустарное производство постепенно уступает место мануфактуре. Создаются более крупные предприятия, оснащенные более совершенной техникой, с частичным разделением труда. Именно таким предприятием в Москве в XVII веке был Пушечный двор, подведомственный Пушкарскому приказу.

В годы Смуты, или так называемого «московского разорения», организация и деятельность Пушечного приказа (так он назывался до 1610 г.), как и других приказов, были нарушены. Его деятельность восстановилась при новом правительстве Михаила Федоровича Романова. Поврежденные или обветшавшие хозяйственные и технические строения были восстановлены, укомплектованы пушкарскими и мастеровыми кадрами. После восстановления Пушечный приказ получил новое название «Пушкарский приказ». Но сведения о нем за время до 1626 г. дошли до нас с большими пробелами в документах других приказов, главным образом дворцовых и финансовых, в связи с награждением колокольных, пушечных и других мастеров приказа.

Посетивший Москву в 1630-х гг. А.Олеарий, описал Пушкарский приказ, как «приказ, которому подведомственны все, кому приходится заниматься орудийным и колокольным литьем и вообще военным вооружением. (...) Не только суд и расправа, но и выдача жалованья им производится здесь»¹⁰⁴.

В истории Пушкарского приказа следует различать три периода, соответствующие общему ходу развития центральных государственных учреждений: восстановительный период — первые 20—30 лет после «московского разорения», период расцвета — середина XVII века — 1670-е гг. и период заката — с конца 70-х годов XVII века.

Основным производственным заведением Пушкарского приказа был Пушечный двор. О Пушечном литейном дворе в Москве, стоявшем на реке Неглинной, в литературе имеется очень мало известий. Архивные материалы также небогаты сведениями о нем. А меж тем Пушечный двор играл очень важную роль для всей страны, для обороны ее от врагов. Он обслуживался целым штатом служащих и рабочих. Скудность источников о Пушечном дворе объясняется несколькими причинами. Прежде всего, в целях хранения военной тайны об изготовлении на нем пушек и других военных орудий, доступ в него был ограничен и о нем, может быть, даже запрещено было писать.

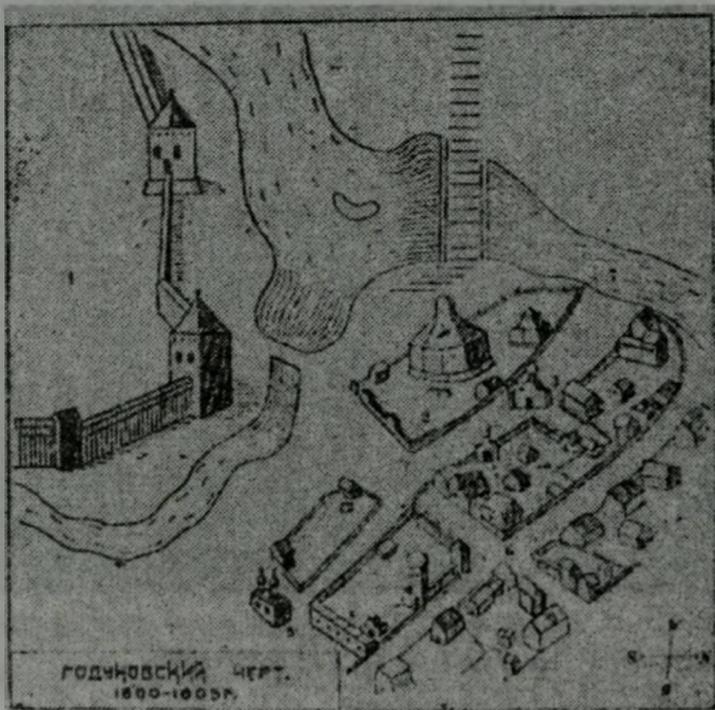
Впервые название «Пушечный двор» записано в 1535 г. в связи с постройкой Китай-городской стены и ее башен: «...да другую стрельницу, ворота Троицкие с тое же улицы к Пушечному двору»¹⁰⁵. Это известие уточняет положение завода в районе Троицких (иначе Неглинских) ворот.

*Московский Пушечный двор на реке Неглинной.
С картины А.М.Васнецова.*

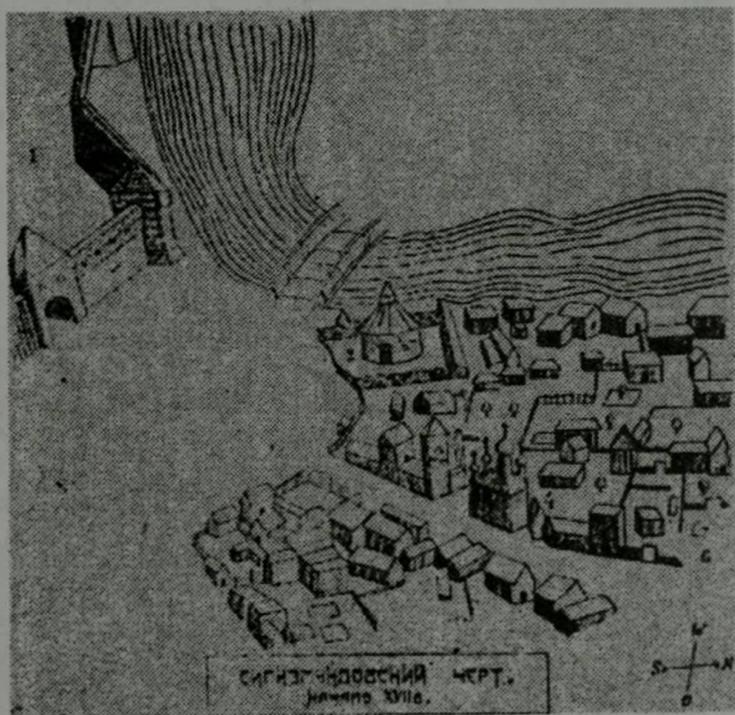
Вторая запись о Пушечном дворе относится к 1547 г. и связана с пожаром, во время которого «погорели за городом большой посад возле Неглимну, Пушечный двор, храм... Иоакима и Анны, Рождественская улица и монастырь Рождественской»¹⁰⁶. Сгоревший Пушечный двор был восстановлен. Г.Штаден¹⁰⁷, находившийся на русской службе в середине XVI века, в своих записках указывает, что в городе есть «заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки»¹⁰⁸. В пожар 1591 г. Пушечный Двор сохранился¹⁰⁹. Находился он в это время в том же месте — в «Занеглименье» около «Трубы» в пределах Белого города.

Пушечный двор, будучи главным арсеналом и одновременно школой, готовившей кадры русских литейщиков, всегда пользовался особым вниманием иностранных путешественников. Это усиленное внимание объяснялось тем, что иностранные сообщения о Руси служили, прежде всего, целям разведки, и в первую очередь в них, естественно, уделялось наибольшее внимание военным объектам¹¹⁰. Московское правительство, очевидно, умело хорошо охранять свои секреты, так как подробного плана русского пушечного завода никому из иноземцев представить не удалось, а выкопировка из плана Сигизмунда 1610 г. наглядно показывает, что набросок этот был сделан, скорее всего, по памяти.

Московский
Пушечный двор.
«Годунов» чертеж Мос-
квы начала XVII века.
Выкопировка.

Таким образом, ни от одного из посещавших Москву иностранцев не ускользал из внимания стоявший на реке Неглинной внушительного вида Пушечный двор. На протяжении всего XVII столетия иностранцы, посещавшие Москву, в своих записках обязательно его упоминали, но, несмотря на то, что он притягивал их чрезмерное любопытство, они ничего не могли о нем написать, кроме нескольких скудных слов об общем его виде и производстве. Так, Петр Петрей¹¹¹ в начале XVII века пишет: «При реке же Неглинной, протекающей в городе, стоит и великокняжеская литейная, где льют большие орудия и колокола»¹¹². А. Олеарий в главе «Царь-город. Поганый брод» повествует: «Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганым бродом, на реке Неглинной; здесь они льют много металлических орудий и больших колоколов»¹¹³. Это же подчеркивал и Стрюйс¹¹⁴ в 1688—1670 гг.: «Здесь, на реке Неглинной, у его величества большой литейный завод для литья пушек и колоколов»¹¹⁵; и Ван-Кленк¹¹⁶ вторит ему в 1675 г.: «У его величества здесь (в Белом городе. — А.Б.) литейный завод для пушек и колоколов, которые отливаются в большом числе»¹¹⁷. Б. Таннер в 1678 г. пишет: «Близ реки Неглинной стоит большой литейный завод, где льют колокола и пушки»¹¹⁸. Сохранились свидетельства и других иностранцев.

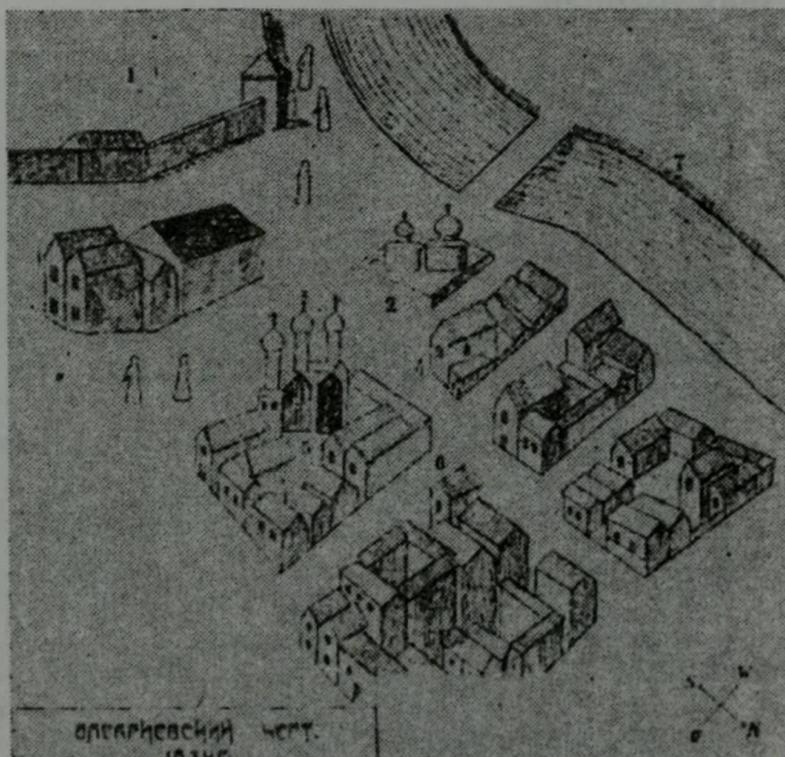
Московский
Пушечный двор.
«Сигизмундов» чертеж
Москвы начала XVII в.
Выкопировка.

Не случайно на всех планах Москвы XVII века, оставленных иностранцами, местоположение Пушечного двора отмечается всегда особо: на *Годуновском плане* и на чертеже Исаака Массы начала XVII века, на *Сигизмундовом чертеже* Москвы 1610 г., на чертеже Олеария 1634 г., Мейерберга 1662 г.

На древнейшем плане Москвы — *Годуновском* (1600—1605 гг.) Пушечный двор изображен в виде двух разной величины конусообразных башен и нескольких мастерских, обнесенных стеной. Более подробно изображен он на *Сигизмундовом* плане, где его северная стена показана как сплошное строение с двускатной крышей, заключающее в себе мастерские.

Историк, московский краевед Петр Васильевич Сытин считал, что в то время Пушечный двор занимал значительное пространство: «современный квартал между Театральным проездом и Пушечной улицей, Неглинной и Рождественской. Только дома, ныне выходящие в Театральный проезд не были в составе Пушечного двора, а на их месте был проезд между Пушечным двором и рвом Китай-города»¹¹⁹.

С 1620-х гг. в связи с введением в производство новшеств, здания Пушечного двора перестраиваются, начинается его расширение. Так, в 1623 г. к уже существующим кузницам, в

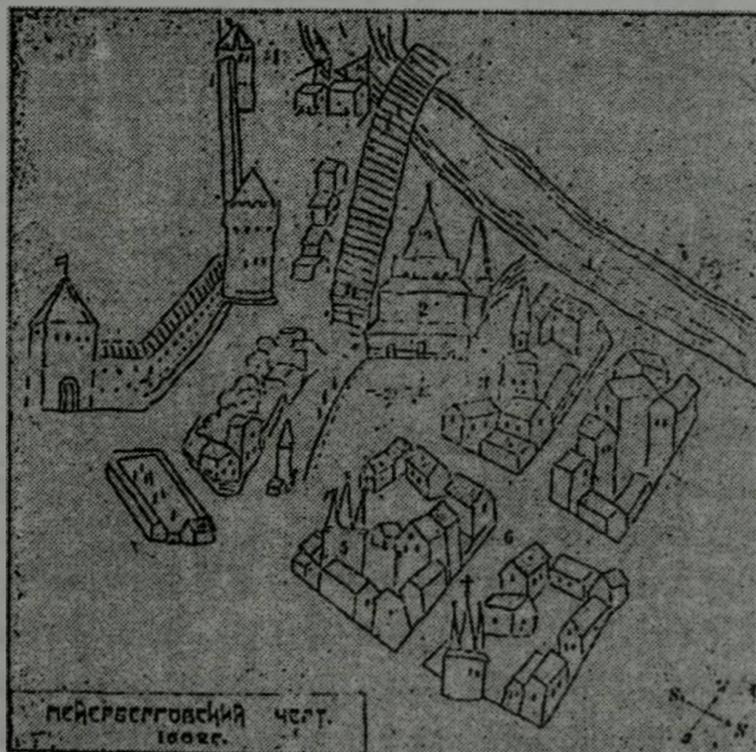
Московский Пушечный двор. «Олеариевский» чертеж Москвы, 1634 г.
Выкопировка.

которых помимо прочих работ ковались крепи и другие необходимые снасти для изготовления колоколов, три иноземца — «кузнечной мельницы мастера» — построили новую кузницу, которая работала при помощи водяного двигателя. Это видно из документа, датируемого январем 1624 г., согласно которому царь Михаил Федорович пожаловал устроителям по 4 аршина сукна за то, что они «поставили кузнечную мельницу и учили железо ковать водою»¹²⁰.

Это был первый известный случай применения в Москве водяной энергии в металлургии.

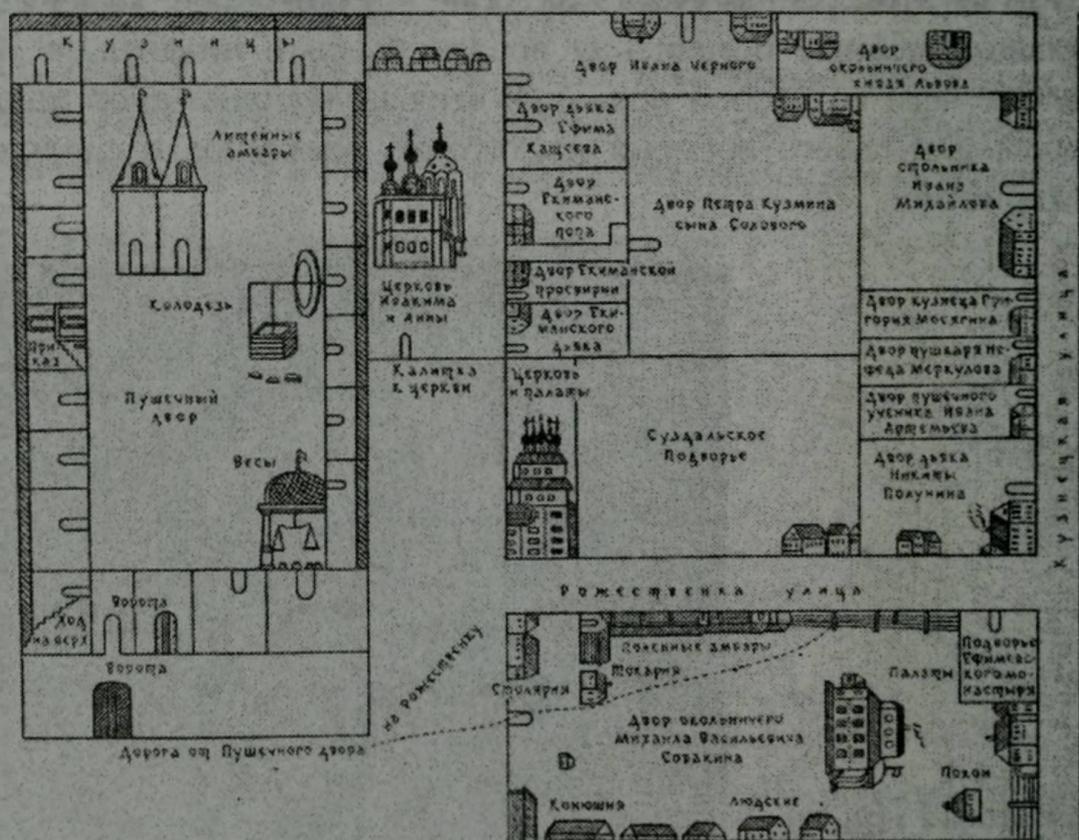
В начале 1640-х гг. деревянные здания и амбары Пушечного двора были заменены каменными, между тем как стены Кремля все еще стояли обветшалыми — доказательство того, какое значение придавалось ему правительством. Царь Михаил Федорович «полату превелику создал, где большое оружие делаху, еже есть пушки, и на ней постави своего царского величества знамя — орел позлащен»¹²¹.

Но на этом расширение завода не остановилось: каменные производственные помещения воздвигались и позднее, в результате чего во второй половине века Пушечный двор представлял для своего времени достаточно обширное и сложное предприятие.

Московский Пушечный двор. «Мейерберговский» чертеж Москвы, 1662 г.
Выкопировка.

Это хорошо видно на дошедшем до нас, помимо общих чертежей Москвы XVII века, специальном чертеже, помещенном в книге В.И.Ламанского¹²². Исследователь Пушкинского приказа А.П.Лебедевская предполагает, что он исполнен чертежником этого приказа. На нем Пушечный двор изображен в виде прямоугольника, но прямоугольная форма — только схема, на самом же деле это неправильной формы четырехугольник. Пушечный двор лежал на левом берегу реки Неглинной, у ее поворота на запад, севернее переброшенного через нее деревянного моста и располагался между рекой Неглинной и «дорогой на Рождественку». Двор окружен стеной, к которой со всех сторон примыкают одно- и двухэтажные строения — служебные, мастерские и склады. По северной стене их 6, по западной — 4, по южной — 8, и посередине него — «Приказ» в два этажа с крыльцом и лестницей. На восточной стене — двое ворот. Помимо зданий

Чертеж московского Пушечного двора второй половины XVI в.
Из кн. В.Ламанского «Сборник чертежей Москвы и Пскова».

общего назначения, на чертеже в центре двора изображены две башни конусообразной формы значительно более высокие, чем окружающие их строения, с надписью «литейные амбары». В них помещались литейные ямы — «тчаны», в которых производилась отливка колоколов и пушек. Над каждой ямой располагался подъемный блок — «векша», при помощи которой отливки извлекались из ямы. У северной стены на чертеже виден колодезь с колесами, в северо-восточном углу — большие весы под куполообразным навесом. На свободном пространстве посередине чертежа заметна надпись «Пушечный двор». В то время его размеры были таковы: «по мостовой 88 сажен, по другой стороне от Суздальского подворья 82 сажени, поперек со стороны реки Неглинной 48 сажен и со стороны проезда 27 сажен». Таким образом, площадь Пушечного двора во второй половине XVII века составляла 13 686 квадратных метров (1,37 га). Пушечному двору, вероятно, принадлежала и часть земли к востоку, за улицей Рождественкой, на ней стояли мелкие строения. Вдоль северных стен Пушечного двора от Рождественки шла улица к реке Неглинной, на которой посередине стояла церковь Иоакима и Анны.

В 1670-х гг. из Кремля на Пушечный двор был переведен Пушкарский приказ, для которого было построено специальное здание с отдельными воротами. Это здание заняло часть проезда на Рождественку. В документах конца XVII века изредка встречается название «Пушечный двор на Лубянке»¹²³, однако, это не второй пушечно-литейный двор, а второе название старого, получившего дополнительное земельное пространство, которое доходило до Лубянки (мнение П.Сытина. — А.Б.)¹²⁴. Таким образом, территория Пушечного двора значительно увеличилась к востоку до нынешнего Лубянского проезда.

Отчет И.А.Власова¹²⁵ о пожаре 26—27 июля 1699 г. называет следующие здания Пушечного двора: приказные палаты, каменный и деревянный литейный амбары, кузницы, сверильные амбары, каменные и деревянные амбары — склады, деревянные сараи, плавильный деревянный амбар, мастерские избы по склону берега («под горою»), токарный амбар, паникадильный, кузнечные амбар и сарай подле реки Неглинной.

Кроме них, могли быть и другие уцелевшие от пожара, и поэтому не упомянутые, сооружения. На Пушечном дворе также сгорело «государево место» — какое-то сооружение, с которого царь, видимо, мог наблюдать за литьем колоколов и орудий¹²⁶. Таким образом, московский Пушечный двор к концу XVII века представлял значительных размеров литейный завод со всем присущим такому предприятию комплексом сооружений и вспомогательных мастерских.

Среди администрации и мастеровых приказа было немало образованных людей, знакомых и с западноевропейскими техническими руководствами. В приказе была своя библиотека, богатая научно-техническими изданиями. Показательно, что в 1637 г. по указу боярина Б.И.Морозова из нее во дворец для обучения царевича Алексея Михайловича взяли 29 иностранных книг, среди которых были книги по геометрии, арифметике, астрономии, градостроению.

Историк С.К.Богоявленский¹²⁷ в своем исследовании по истории Приказа приводит полный их список, но отмечает, что в список не включены книги по ремеслам, находившиеся в компетенции самого Приказа. Учёный приходит к выводу, что такие книги «должны были оставаться в библиотеке приказа, начальники которого и мастеровые различных производств были, очевидно, достаточно образованы, чтобы воспринять и применить к делу западноевропейскую науку»¹²⁸. В доказательство он сообщает об известных по другим источникам двух книгах, присланных в Пушкарский приказ из приказа Тайных дел: «О Оружейном дому, в чем были устроенными наряду и всяким ратным припасом» и «Книге о наряде и о огнестрельной хитрости». В числе руководств в библиотеке хранилась также «Роспись образцовым артиллерийским пушкам со всякими запасы, что к тому строению надобно и почему те пушки ценою стали». Были, вероятно, и подобные руководства по литью колоколов. Следовательно, мастера могли широко использовать письменные рецепты.

Не подлежит никакому сомнению то, что русский мастер XVII века в совершенстве владел *колокольным и пушечным рецептом*, и, соответственно, определенными знаниями в математике, металлведении и навыками во многих других облас-

тях. Важнейшую роль в этом играл метод, лежавший в основе подобных *рецептов*, позволявший справляться с огромным объемом числовой информации. Очевидно, он был столь универсальным и совершенным, что даже в случае если мастер не умел читать и писать, он все равно мог создавать произведения пушечного и колокольного искусства. Именно такими достоинствами обладал издавна применявшийся в практике проектирования колоколов *модульный метод*¹²⁹. Основанная на нем «колокольная геометрия» имела материальное воплощение в виде шаблонов, при помощи которых создавались формы для отливки колоколов и которые могли быть сохранены в Приказе и после окончания работ.

Более-менее определенное представление о производственной мощности Пушечного двора можно составить по наличию занятых в нем мастеров, их учеников и вспомогательных рабочих, но, к сожалению, такие сведения мы имеем лишь в виде отрывочных, случайных данных, так как сохранившийся архив Пушкарского приказа дошел до нас в виде разрозненных документов.

Число лиц в каждой конкретной должности было определено специальным *положением*, и новый служилый человек мог поступить в обычное время только на «убылое», иными словами на освободившееся место. Комплектовались кадры Приказа, прежде всего, «детьми и племянниками» (то есть родственниками. — А.Б.) служащих из своих, а затем уж из «вольных», «охочих», «гулящих» и других людей.

Все работники Пушкарского приказа входили в кадровый состав «служилых» людей, в силу чего были освобождены от *тягла*, получали в ведомственных слободах землю «под дворовые и хоромные строения» да двойное жалованье: «денежное» — то есть заработную плату и «хлебное» — натуральными продуктами. Последняя часть иногда выдавалась деньгами по государственным расценкам. В свободное от работы время литейщики занимались ремеслами и торговлей, не платя за *свободный труд* никаких налогов. Эта свобода торговли и ремесла служилых людей вызвала протест со стороны населения торгово-промышленного посада. Когда «Соборное Уложение» 1649 г. стало закреплять посадских людей¹³⁰ за своими

посадами и возвращать ушедших из тягла, то встал вопрос о служилых людях Пушкарского приказа. Им предложено было выбрать между государевой службой, с одной стороны, и ремеслом, с другой¹³¹.

Служащие Пушкарского ведомства считали себя подчиненными только своему Приказу и не выполняли общих распоряжений, не подтвержденных им непосредственным начальством. В 1638 г. при очередной переписи всех жителей Москвы, способных носить оружие, некоторые пушкарские и другие мастеровые люди Пушкарского приказа, жившие в Пушкарской слободе, не дали переписать свои дворы: «Да недописаны Пушкарские слободы многие дворы за их ослушаньем, что они Государева указу не послушали, учинились сильны, дворов своих писать не дали и имен своих и ружья не сказали, и ис слободы Андрея Молвянинова и подьячего Федора Посникова выбили»¹³². Свое поведение они объяснили заявлением, что слушают лишь «своего Приказа пушкарского». В особых случаях представители от «всего пушкарского чина» являлись к царю с поздравлениями и подносили ему «хлеб».

Начальником производственных заведений Пушкарского Приказа был *голова*¹³³. Помимо прочих обязанностей, он должен был быть «у пушечного, у колокольного и у всяких литейных дел беспрестанно». Идеал пушкарского головы дан Анисимом Михайловым в его «Воинской книге»: пушкарский голова должен был быть «тутошней земли уроженец, доброй сын боярской или дворянин», обязательно «воинской человек», грамотный и «искусный»¹³⁴.

Необходимо отметить, что в штате Пушкарского приказа было лицо, занимавшее особое положение и носившее звание *пушкарских дел мастера*¹³⁵. Это не пушкарь-артиллерист и не пушечный мастер, а своего рода «научный работник» Пушкарского приказа, ведавший вопросами теории и практики. Им был «Анисим Михайлов сын Радишевского», занимавший эту должность в 20-е гг. XVII века. Радишевский известен и как печатный мастер, напечатавший в Москве в 1606 г. издание «Евангелия», а в 1610 г. — «Устав церковный», который сам и составил.

Анисим Михайлов Радишевский — происходивший из служилых людей Пушкарского приказа — является составителем «Воинской книги» («Устав ратных пушечных и иных дел, касающихся до воинской науки»). Разнообразны сведения об этом интересном человеке. Так, в 1620 г. в Пушкарской слободе находился двор «колокольника Онисима Радушевского»¹³⁶. Из архивных дел узнаем, что в 1622 г. при возобновлении укреплений в Путивле тайник и колодец устраивал «пушкарских дел мастер» Анисим Радишевский¹³⁷. В 1623 г. он же руководил устройством прудов в дворцовом селе Рубцове, причем, в записи о награде за это дело назван «книжного печатного дела мастером Онисимом»¹³⁸. Какого-либо другого «пушкарских дел мастера» после 1629 г. в составе Приказа не было.

На первом месте среди специалистов Пушечного двора стоял *пушечный и колокольный мастер*, который являлся знатоком и техническим руководителем всего производства. В начале столетия он один носил звание «мастера», а следующие за ним мастера назывались *литцами* — пушечные литцы, пушечные и колокольные литцы. Руководитель всем литейным процессом должен был знать и то, и другое. Это был старший, ведущий специалист, возглавлявший всех литейщиков.

В начале XVII века мастер является одновременно плавильщиком, формовщиком, специалистом по кладке печей и подыскиванию формовочных материалов. В период до середины XVII века литье колоколов и пушек осуществлялось одними и теми же мастерами, четкого разделения на пушечных и колокольных литцов не существовало. В случае нужды, пушечники могли отливать и колокола, а колокольники, наоборот, — пушки.

В начале столетия обе ветви одной отрасли возглавлял знаменитый Андрей Чохов имевший учеников-пушечников и учеников-колокольников. В документах он назывался либо «пушечным мастером», либо «пушечным и колокольным мастером». А. Чохов с честью занимал эту должность в течение первых 30 лет XVII века. К сожалению, о колоколах, отлитых мастером, документальных материалов гораздо меньше, чем об отлитых им пушках.

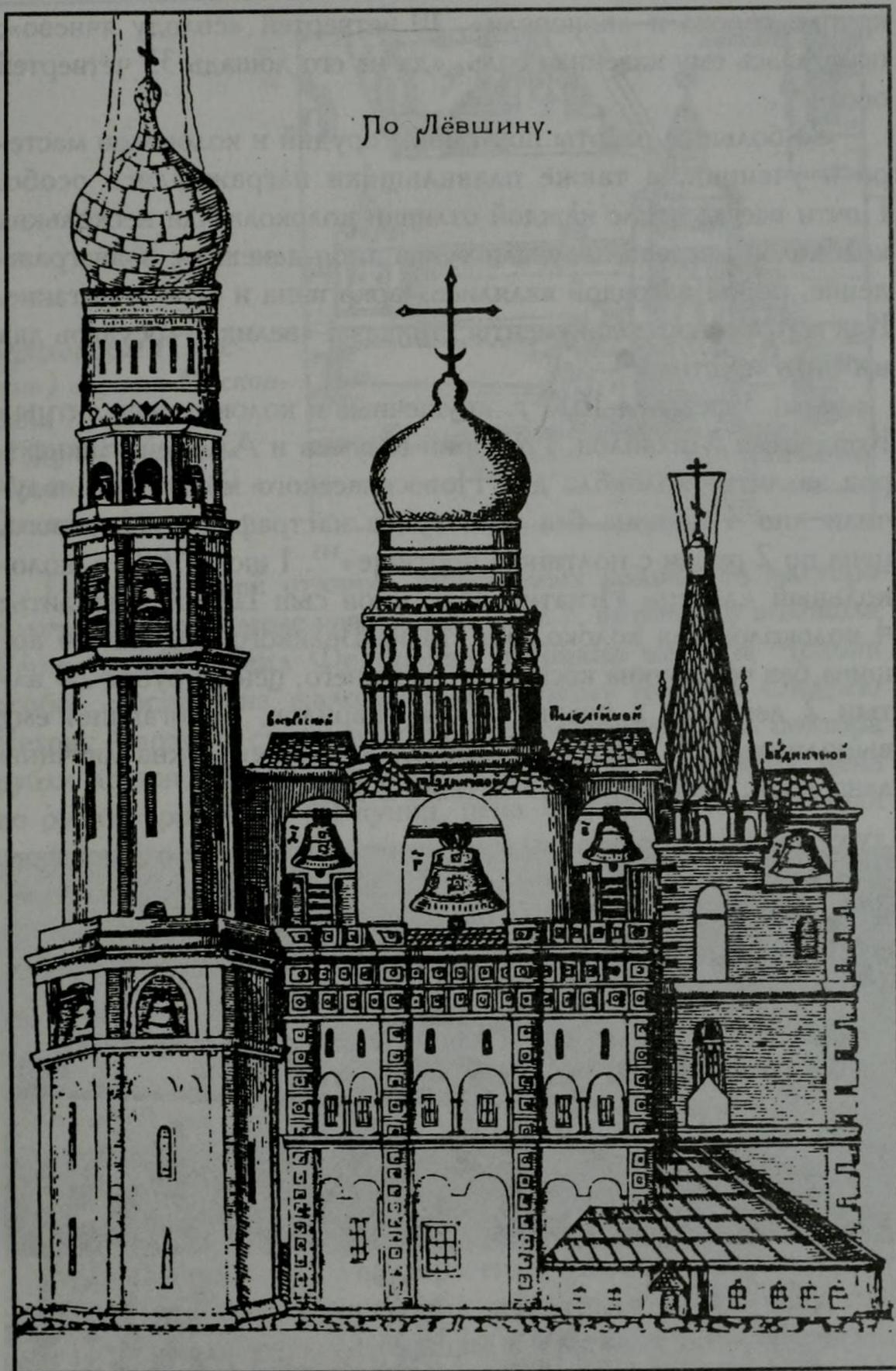
Среди производственников Пушечного двора ведущей рабочей группой были *литцы*, или *литейщики* — пушечники и колокольники, которые подчинялись мастеру и являлись основными специалистами по литью и пушек и колоколов. Каждый из них, подобно мастерам, должен был знать технику отливки и тех и других. Для XVI и начала XVII вв. это было естественным, так как литейщиков было немного.

С развитием мануфактуры универсализм старых мастеров-литейщиков постепенно становится ненужным и слишком дорогим. Однако, объем необходимых знаний, оставался весьма обширным, так как отливка и пушек и колоколов происходила централизованно.

В 1637 г. штат литейщиков уже не возглавлялся общим техническим руководителем, носившим в начале XVII века звание «пушечного и колокольного мастера» и стоявшим над «литцами». Название «литец» осталось лишь за одним специалистом. Старшие же пушечники и колокольники носили общее название «мастер», но различались окладами. Отныне они — самостоятельные мастера, и это обуславливалось возросшим опытом и знаниями.

Обязанностью колокольных мастеров было отливать большие и малые колокола. Значительное их количество требовалось не только для церквей и монастырей, но необходимо было отливать также и *вестовые* или *набатные*, которые в то время имелись во всех городах. Немало колоколов было отлито в это время для колокольной Ивана Великого, которая, по крайней мере, в конце XVII в. «всяким строением и колоколами» была подведомственна Пушкарскому приказу¹³⁹.

Мастера Пушечного двора получали годовые оклады и «хлебные дачи», причем оклады изменялись в зависимости от стажа, а также от различных условий. Старший, ведущий мастер, возглавлявший группу литейщиков Пушечного двора, числился первым среди мастеров и поэтому имел повышенный оклад. В конце XVI — первой четверти XVII вв. самым высокооплачиваемым специалистом был А. Чохов. Старейшая из известных нам «кормовых росписей» Пушечного двора свидетельствует, что Чохов ежегодно получал 35 рублей денег, по 30 четвертей ржи и овса, 6 четвертей пшеницы, по 2 четверти

*Колокольня Иван Великий и собор Рождества Господня
с приделом Воскресения.*

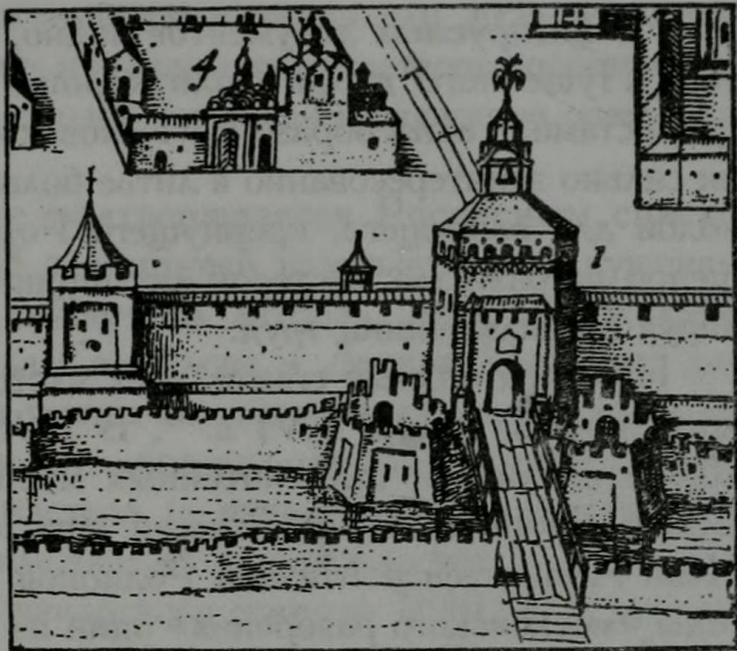
крупы, гороха и «конопели», 10 четвертей «солоду ячнево»; полагалась ему казенная соль, «да на его лошадь 35 четвертей овса»¹⁴⁰.

За большие работы по отливке орудий и колоколов мастера и ученики, а также плавильщики награждались особо. Почти всегда после каждой отливки колокола или нескольких колоколов мастера получали сукна либо денежное вознаграждение, порой наградой являлись чарки вина и особое питание. Как о том говорят документы Приказа: «великий государь дал им пить и есть».

Так, 3 февраля 1617 г. «пушечные и колокольные литцы» Кондратий Михайлов, Григорий Наумов и Алексей Никифоров за литье колокола для Новоспасского монастыря получили «по 4 аршина без чети сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище»¹⁴¹. 1 июля 1621 г. колокольный «литец» Игнатий Максимов сын Шпилин за литье 4 колоколов для колокольни Ивана Великого получил «4 аршина без чети сукна кострышу тмосинего, цена 2 рубли 28 алтын 2 деньги», а ученик Илья Гаврилов, помогавший ему выполнить эту работу, заработал «5 аршин сукна лятчины лазоревой, цена рубль 23 алтына 2 деньги»¹⁴².

Ново-Спасский монастырь.

Фроловские (Спасские) ворота Московского Кремля.

«Годунов» чертеж
Москвы нач. XVII в.
Выкопировка.

После удачной отливки уникальных колоколов мастера получали специальные награды. В 1622 г. за отливку колокола *Реут* царь Михаил Федорович наградил мастера Чохова особо: «государева жалованья пушечному мастеру Ондрею Чехову 4 аршина сукна лундышу, маковой цвет, цена полтора рубли аршин; да 10 аршин камки куфтеру червчатого, цена по рублю аршин, да 40 куниц, цена 12 рублей; а пожаловал государь его за службу, что он перелил старой большой *Реут* колокол» (приложение №20). Награды сукнами получили и другие участники работы: ученики мастера и рядовые литейщики Пушечного двора. Правда, награды эти были гораздо скромнее.

Каждый год, помимо хлебных дач и разовых наград, мастеров жаловали сукнами или их денежным эквивалентом: «Октября в 20 день (1624 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича) указу, по памяти за приписью диака Ондreja Вареева, Государева жалованья колокольному литцу Кирилу Самойлову 4 аршина сукна кострышу тмосинего, цена 3 рубли, а пожаловал Государь его за колокольное литейное дело, что он с учениками своими, в прошлых, во 131 году и во 132 году, слили в разные города вестовых и по монастырем 11 колоколов, да на Фроловские ворота к часам 13 колоколов, а учеником его четверем человеком дано за сукна деньгами, по 2 рубли человеку» (приложение №21).

Из цитируемых документов видно, что колокольные мастера Пушечного двора были хорошо оплачиваемыми специалистами. Таким образом, Московское правительство, будучи сильно заинтересованно в литье большого количества колоколов для растущего, крепнущего Российского государства, щедро награждало мастеров-литейщиков, тем самым, стимулируя их дальнейший труд.

Известен полный список всех мастеровых людей Пушечного приказа конца XVI в.¹⁴³. В 1598-89 г. на Пушечном Дворе числилось три «литейных мастера»: Андрей Чохов, Семен Дубинин, Русин Евсеев, два «колокольных литца»: Иван Афанасьев и Михаил Родионов и 12 их учеников. За годы «московского разорения» одни из них погибли, а другие пережили их и стали основным ядром производственников Пушечного двора.

Следующий известный ныне именной список мастеровых людей Пушкарского приказа относится к 1617-18 г.¹⁴⁴ Он включает всего 49 имен и перечисляет следующих интересующих нас специалистов: «пушечный и колокольный мастер» — 1 (А.Чохов), «литцы» — 3 (К.Михайлов, Г.Наумов, А.Екимов), «пушечный и колокольный литец и медяный плавильщик» — 1 (Ф.Григорьев), «колокольный литец» — 1 (имя не указано). Возможно этим «колокольным литцом» был Иван Тарел — мастер явно не русского происхождения. Его имя встречается в сохранившихся документах лишь однажды, в 1623 г., в связи с выдачей ему государева жалованья «за колокольное дело» (приложение №22).

При росте производительных сил в отрасли, естественно, росли кадры Пушечного двора. С течением времени все ярче начинает проявляться дифференциация его специалистов в соответствии с видом производимой продукции, родом деятельности, а именно: артиллерии, колоколов, паникадил. Однако по-прежнему каждая группа продолжала выполнять подготовительную, литейную и отделочную работы по изготовлению начатого ими изделия.

В конце 1630-х гг. на Пушечном дворе уже числилось 5 пушечных мастеров, их учеников — 37; колокольных литцов — 2, их учеников — 14. Таким образом, колокольные

литейщики со своими учениками составляли 30%. Из такого соотношения пушечных и колокольных мастеров хорошо видно, что производство колоколов было для государства очень важным делом.

Это соотношение подтверждается Росписным списком города Москвы 1638 г., который называет трех «пушечных мастеров», четырех «пушечных литцов», двух «колокольных мастеров» — Кирилла Самойлова и Данила Матвеева; двух «колокольников» — Степана Евдокимова и Савку колокольника¹⁴⁵. (Автор считает, что «колокольниками» в данном случае назывались частные мастера, не входившие в штат Пушечного двора, поэтому не включает их в свой подсчет. — А.Б.).

В документах Пушкарского приказа 1640/41 г. названы имена четырех русских мастеров — Алексея Якимова, Давыда Кондратьева, Михаила Иванова, Никифора Баранова, между которыми государственное задание по отливке колоколов распределялось поровну. Пятым мастером в эти годы был единственный среди мастеров иностранец Иван Фальк. В XVII веке, в отличие от предыдущих столетий, правительство лишь изредка приглашало мастеров из-за границы для ознакомления с новыми приемами в литейном искусстве. Уроженец Нюрнберга, Ганс (в русской транскрипции Иван) Фальк работал в Москве в 1630-х — 1650-х г. После смерти А. Чохова он стал главным пушечным и колокольным мастером Пушечного двора. Фальк был искусным мастером, но человеком неискренним, потому очень неохотно передавал свое мастерство представленным к нему ученикам. В январе 1641 г. подмастерье-иностранец Иван Иванов, работавший вместе с Фальком, в своей челобитной на имя Великого Государя попросил перевести его к русским мастерам¹⁴⁶. В 1651 г. Фальк вступил в острую конкурентную борьбу за переливку Воскресного колокола Успенской звонницы Кремля с русскими мастерами и проиграл ее (приложение №23). Царь Алексей Михайлович поручил отливку Данилу Матвееву с сыном Емельяном. Об опытности, умелости Фалька русские мастера не без иронии отзывались так: «Иван Фальк многие колокольные дела делывал не по однажды: лил он колокол в Казань в соборную церковь в 500 пуд... и тот колокол переливал он трижды»¹⁴⁷.

Максимальное количество пушечных и колокольных мастеров литейщиков зарегистрировано в 1683 г. «Расходная книга» Приказа за этот год перечисляет их поименно: «Пушечные мастера Мартьян Осипов, Яков Осипов Дубинин, Харитон Иванов, Пантелей Яковлев, Осип Иванов, Евсевий Данилов, Прохор Иванов, Яков Левонтьев; ...колокольные мастера Федор Дмитриев, Василий Левонтьев, Яков Левонтьев»¹⁴⁸. Таким образом, не смотря на то, что во второй половине XVII века некоторые колокольные мастера вышли из состава Пушечного двора и организовали свои частные литейные предприятия, процентное соотношение пушечных и колокольных мастеров на государственном предприятии изменяется в сторону увеличения числа специалистов, отливающих колокола. От количества *пушечников* они составляют уже 40%.

Необходимыми сотрудниками всех литейщиков являлись *плавильные мастера*. Вероятно, каждый литейщик на определенном этапе проходил должность *плавильщика*. Так, колокольный мастер Кирилл Самойлов в 1618 г.¹⁴⁹ был плавильщиком при известном плавильном мастере Филиппе Григорьеве. В задачи плавильщиков входило приготовление сплава для отливки колоколов — бронзы, а также извлечение из земли залившейся в литейные ямы меди и ее переплавка. В 1621 г. 16 сентября был награжден сукном пушечный и колокольный плавильщик Филипп Григорьев с учеником «Еремкой Кузьминым и Фомкой Филиповым (возможно, сыном. — А.Б.) за то, что они вымыли из земли старых крох и выплавили чистой меди 38 пудов и 4 гривенки»¹⁵⁰.

Большой подсобный отдел производственников составляли *кузнецы*. Хотя они не изготавливали колоколов, но для их производства нужно было много поделок и снастей из железа: крепеж для отливки и подъема колоколов, оковок для станков, языки к колоколам и многое другое (приложение №24). Работали «пушечные кузнецы» в кузницах на Пушечном дворе. Московские «казенные пушечные кузнецы», как они назывались иногда, были организованы в отдельную рабочую структуру и имели своего представителя — «кузнецкого старосту». В середине XVII века таким кузнецким старостой являлся Тимофей Утинок¹⁵¹.

К металлистам Пушкарского приказа относились также *паяльники*, *пильники* и *чищельщики*¹⁵². Первые припаивали к изделиям отдельно изготовленные украшения, *пильники* делали пилы и зубила для чистки колоколов после отливки¹⁵³, чем и занимались *чищельщики*. Должность *чищельщиков*, по-видимому, поручалась и нерадивым пушечным ученикам. Сохранилось свидетельство в одном архивном документе о том, что ученик А. Чохова П. Захаров, переведенный в пушкарю, при чистке потерял глаз¹⁵⁴.

В производстве изделий Пушечного двора с течением времени появляются новые черты, свидетельствующие о развитии самой организации труда на последнем этапе производства — отделке и украшении вылитых изделий. Соответственно этому в штат Пушечного двора, во всяком случае, к концу первой четверти XVII века, включаются новые специалисты — *резцы всяких дел*, *знаменщик*, или художник и *чертещик*, или *чертежник*¹⁵⁵.

Многие работы в Приказе требовали графического предварительного оформления и граверных украшений, которые и выполняли «*чертещики*», «*знаменщики*» и «*резцы-граверы*». В Приказе их было обычно 3—4 человека. Чертещики составляли чертежи колоколов. Знаменщики изготавливали эскизы надписей и украшений на них. Так, литейщик В. Борисов заявлял, что «*слова де и травы напишет знаменщик, а он те слова и травы на колокол положит*»¹⁵⁶. Резцы-граверы выполняли на колоколах резные надписи. В документах 1624 г. упоминается резчик Ф. Тарасов, который был «*у колокольного у резного дела*»¹⁵⁷.

Колокола часто украшались различными изображениями, поэтому при Пушкарском приказе состояли *иконописцы*. В 1672 г. иконописец Иван Максимов был взят из Пушкарского приказа в Посольский, чтобы писать «*персоны*» в «*Титулярнике*» и в «*Книге об избрании на царство Михаила Федоровича*». Только в 1677 г. он вернулся к своим занятиям в Пушкарском приказе¹⁵⁸.

Было бы несправедливо не упомянуть такую категорию служилых людей Пушкарского приказа как *пушкарю*. Многие работы на Пушечном Дворе выполнялись московскими пушкарями, которые состояли «*при наряде*» в качестве «*служилых*

Патриарх Иов. Из «Титулярника» 1672 г.

людей» и не были в штате данного предприятия. Необходимость в большом количестве подсобных работников, прикомандированных к специалистам, коих было совсем немного, обуславливалась характером самой продукции (приложение №25). Громоздкие, тяжелые пушки, колокола при отливке требовали кооперации физических сил на каждом этапе их производства: выработке модели из глины, обмазывании ее воском, самом литье при стоячем положении модели, удалении воска и отделке орудия снаружи и внутри. При этом, от мастерового люда требовалась не просто физическая сила, но соответствующие навыки в этом тяжелом и порой даже опасном деле. Такие подготовленные рабочие имелись на Пушечном дворе уже в середины XVI века. В круг общих обязанностей пушкарей входила «пушкарская служба всякая зимняя и летняя, годовая и временная, походная и посылочная и где его Государь царь пошлет на свою царскую службу»¹⁵⁹. Они служили на Пушечном дворе на *зелёных мельницах*, где делали «всякие пушечные, и колокольные, и плавильные, и зелёные, и фитильные дела»; бывали «на службах» в полках,

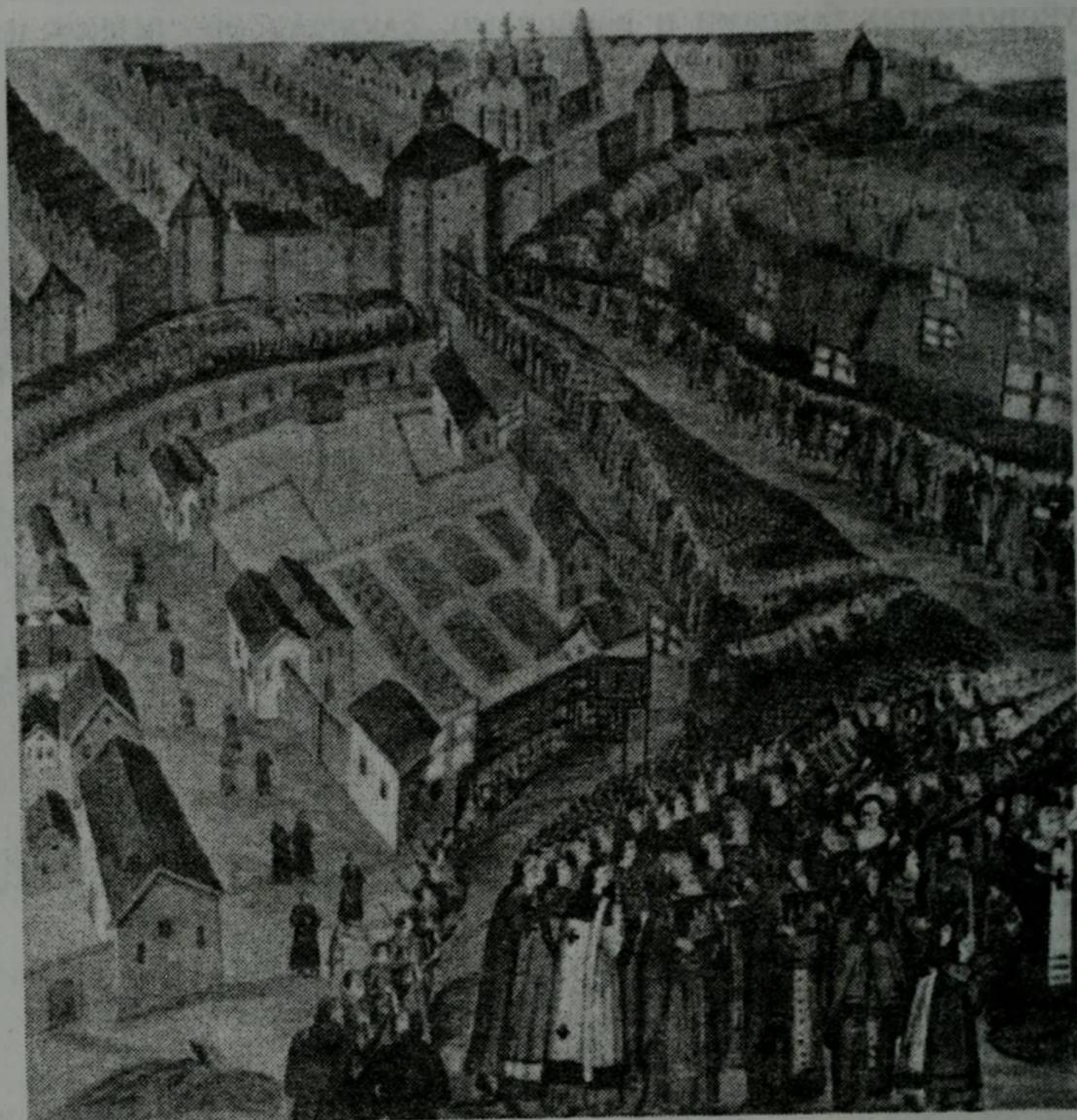
руководимых боярами и воеводами, служили «во всяких посылках», стояли на караулах¹⁶⁰.

И, наконец, к самым различным «черным» работам привлекались в значительном числе *ярыги*, которые секли дрова, мяли глину, ковали «крепи», носили землю, устраивали литейные ямы, топили печи, чистили колокола.

Практически все мастеровые люди Пушечного двора жили в Пушкарской слободе. Находилась она в Земляном городе за Сретенскими воротами и занимала обширное пространство, ограниченное рекой Неглинной, Белым городом, Большой улицей, по которой шла большая дорога во Владимир, и Стрелецким слободами. В слободе были две улицы — Большая или

Миниатюра из «Книги об избрании на царство
Михаила Федоровича». 1672—1673 гг.

Сретенские ворота, за которыми хорошо просматривается Пушкарская слобода. Миниатюра из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича». 1672–1673 гг.

Сретенская и Сергиевская (от церкви Сергия в Пушкарях) семь переулков, из которых только один назывался Сергиевским, а остальные шесть были пронумерованы от «первого» до «шестого» и по ним получили свои названия¹⁶¹, ныне это Сретенка и примерно следующие переулки: слева — Печатников, Колокольников, Большой и Малый Сергиевские, Пушкарей, Большой Головин; справа — Рыбников, Ащеулов, Луков, Провирухин, Малый Головин, Селиверстов, Даев и Панкратовский.

Пушкарский приказ имел несколько складов, на которых хранились различные «припасы» для литья колоколов и пушек. Самое необходимое находилось на складе, расположенном в

территории Пушечного двора, а все недостающее выписывали с центральных складов Приказа. Главными складами Пушкарского приказа в XVII веке были Цареборисовский¹⁶² и Мстиславов дворы и Васильевский лужок. Цареборисовский двор был передан Пушкарскому приказу в 1635 г.¹⁶³ Находился он в центре Кремля и занимал «более чем треть Троицкой улицы и выходил углом на Никольскую улицу, по которой также простирался почти до соборной площади»¹⁶⁴. Его каменные подвалы и большое пространство давали возможность хорошо разместить хозяйство. А расположение внутри Кремля гарантировало сохранность таких ценных металлов как медь и олово. Содержание склада помимо запасов металла составляли и другие материалы, а также всякого рода оборудование — «снасти»¹⁶⁵. Всему имуществу вели точный учет. Необходимые материалы с Цареборисовского двора по требованию отпускались на Пушечный двор. Ценные металлы — медь, олово, как правило, поступали со складов приказа Большой казны: «О тех деньгах, меди и олове *память* в приказ Большой казны послана, а по той памяти по се число денег и меди и олова ничего не отпущено»¹⁶⁶. Своих складов Пушкарскому приказу было недостаточно, и он снимал соответствующие помещения у других ведомств — подвалы в Вознесенском монастыре в Кремле¹⁶⁷ и подклеты Покровского собора на Рву, а также помещения во дворе боярина Никиты Романова, которые опечатывал своей «печатью пушечных запасов»¹⁶⁸. Иногда источником получения металла являлись запасы старых орудий, часть колоколов, крупных медных квасо- и медоваренных чанов, винокурных кубов и медной посуды из архиерейских домов и монастырей.

Объем производства колоколов на Пушечном дворе, насколько можно судить по сохранившимся документам, никогда не был строго регламентирован и зависел от заказов на те или иные литейные работы. Организацию производства колоколов можно проследить на всех ступенях их изготовления: от заказа правительством до приемки и хранения или отпуска. Производственная цепочка была такова: заказ, смета, подготовительные работы, заготовка «образца» (формы. — А.Б.), отливка, чищение и отделка.

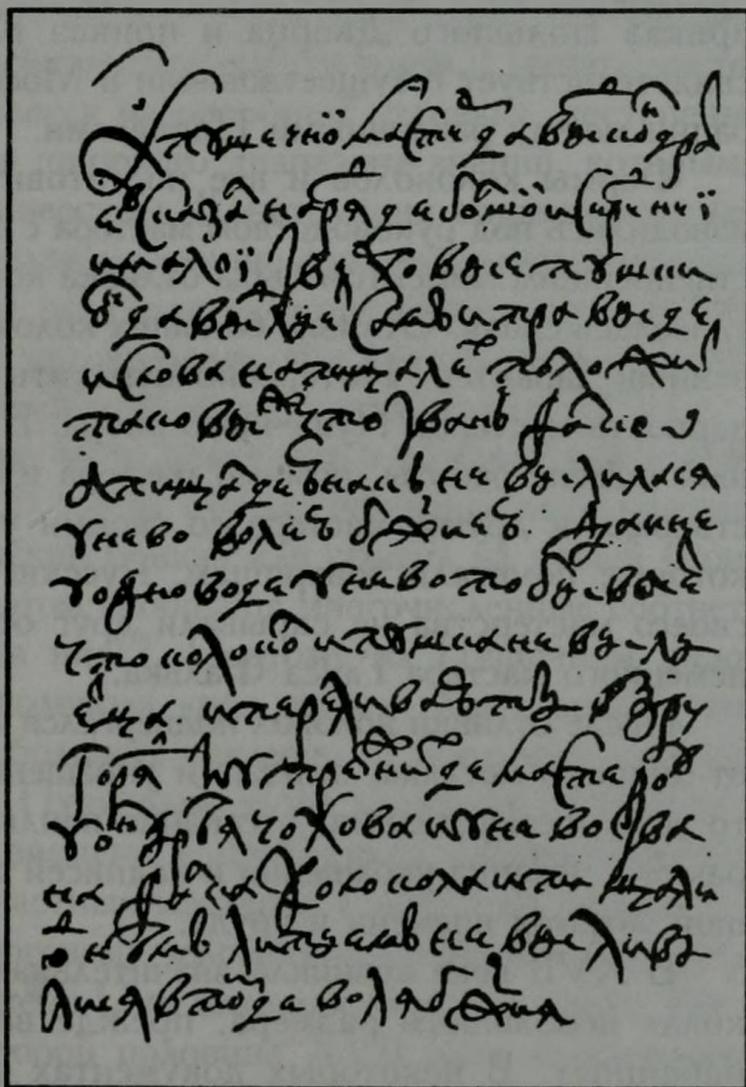

*Покровский собор.
Из книги А.Олеария
«Путешествие в
Московию».*

Пушечный приказ получал заказ отлить определенное число колоколов конкретного веса и размера, иногда с указанием мастера, которому поручалась работа. «175 (1666 г. — А.Б.) по указу великого Государя велено колокольному мастеру Федору Дмитриеву к Покрову Пречистой Богородицы, что на рву, сделать колокольный образец... во 150 пуд, вылить»¹⁶⁹. Заказ доводился до сведения мастера, который, получив заказ, должен был за своей подписью составить смету («сказку», «роспись») на необходимые для выполнения заказа материалы и приспособления: «...и апреля в 26 день по сказке колокольного мастера Федора Дмитриева в то колокольное литье дано колокольные меди... 200 пудов с полупудом».

При составлении таких смет мастера основывались не только на своем опыте, имевшем, безусловно, первостепенное значение, но также пользовались соответствующими справочниками и руководствами Пушкарского приказа, имевшем собственную техническую библиотеку. К сожалению, эти руководства до нас не дошли, но сохранившаяся «Роспись образцовым артиллерийским пушкам со всякими запасы, что к тому строению надобно и по чему те пушки ценою стали»¹⁷⁰ позволяет высказать предположение, что были подобные справочники и по изготовлению колоколов.

Отливке колокола предшествовали длительные и сложные подготовительные работы по изготовлению формы — «образца» и разных приспособлений по устройству литейных ям и печей: рытье ямы, кладка печи, вынимание колокола из земли. Для их устройства Пушкарский приказ вызывал гончаров,

«Сказка» мастера
Давыда Кондратьева
об отливке большого
колокола, 1651г.

Обработка колокола после литья.

Фрагмент миниатюры из рукописи XVI в. «Лицевой летописный свод Ивана Грозного».

каменщиков и кирпичников из других приказов, таких как приказ Большого Дворца и приказ Каменных дел¹⁷¹. Это свидетельствует о существовании в Москве XVII века кооперации между различными Приказами.

Формы колоколов и все подготовительные работы производились под руководством мастера с его учениками. Ответственным моментом была отливка колокола. Она не всегда удавалась сразу. Отливка больших колоколов носила торжественный характер. Интересно отметить товарищескую солидарность мастеров Пушечного двора. В наиболее ответственный момент работы, помимо мастера и его учеников, присутствовали и другие мастера со своими учениками и пушкари, которые помогали товарищам. Русские литейщики секретов своего мастерства не скрывали друг от друга, в отличие от немецкого мастера Ганса Фалька.

После отливки колокол подвергался «чищению» — очистке от лишнего металла, отделке и украшению. Отделка отливок, то есть чистка пилами, отсекание наплывов («прибыли оттирают»), чеканка украшений и надписей также требовала большой затраты времени и труда.

В XVII веке возникла значительная потребность в колоколах небольшого размера, прежде всего в вестовых или набатных. В некоторых документах они называются «по-

вестками»: по их голосу в городах-крепостях собирались все служилые люди. В XVII веке существовал определенный стандарт на вестовые колокола, который точно регламентировал их вес и размер. В этом случае шаблон, раз заведенный, мастера могли использовать многократно. Такие колокола часто формировались целыми партиями: «...велено колокольным мастерам Ивану Иванову да Петрушке Степанову завести к вестовым 19 колоколам образцы, 2 колокола по 10 пуд, 5 колоколов по 15 пуд, и больше, 5 колоколов по 15 пуд, 7 колоколов по 12 пуд...»¹⁷²

Серийные отливки вестовых колоколов производились сразу по несколько штук в одной литейной яме, так, 3 июля 1657 г. «...колокольный мастер Харитон... вылил 6 колоколов, а лил те колокола из одной печи, а образцы были в одной яме... всего в вестовых колоколах весу 173 пуда 26 гривенок»¹⁷³. Отливка колоколов партиями, безусловно, способствовала более высокой производительности труда. Однако, мастера, специализировавшиеся на подобных отливках, постепенно теряли что-то из того широкого диапазона знаний, которыми обладали мастера-универсалы. Конструкции оправдавших себя на практике колоколов тщательно фиксировались в подробных описях и мастера получали задание вновь отлить по образцу: «...те вестовые колокольные образцы велеть изготовить против прежних памятей и колокола слить тотчас...»¹⁷⁴

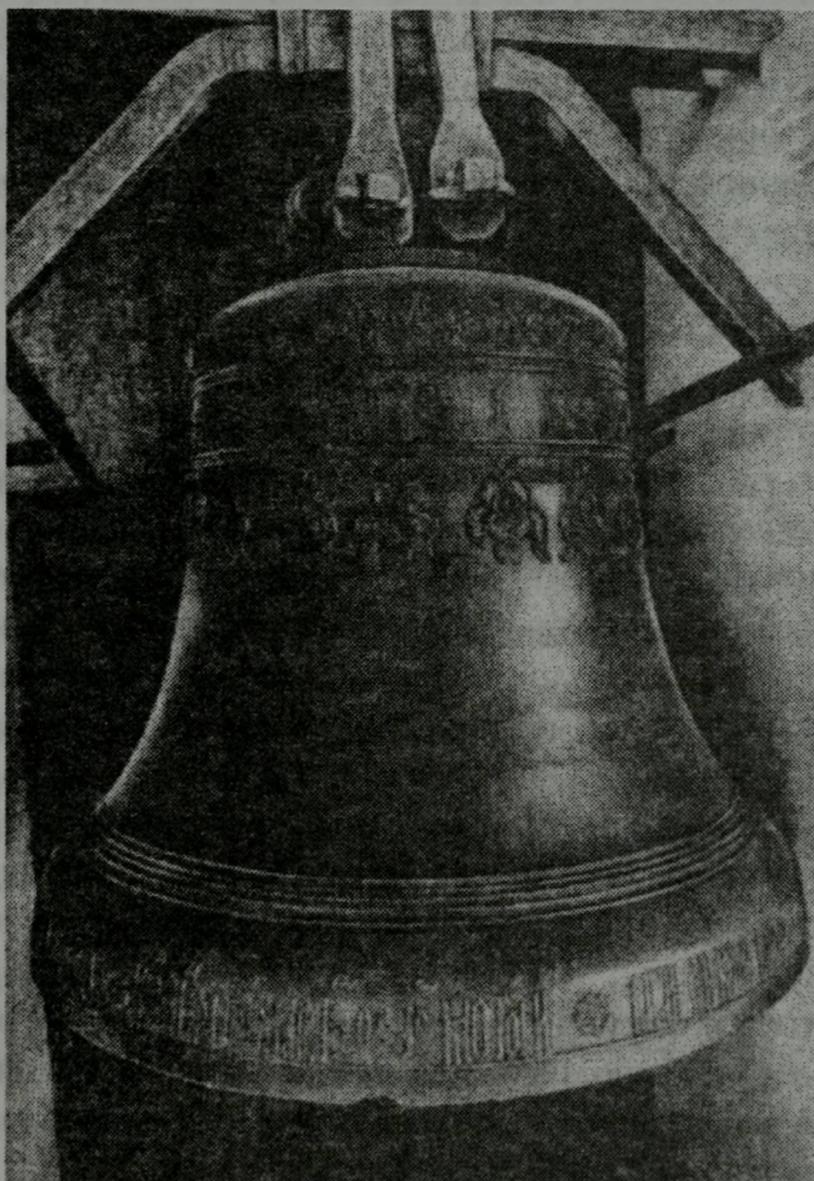
Колокола довольно часто плавилась в пожарах или разбивались при падении. В таком случае, поврежденный колокол привозили в Пушкарский приказ для обмена на новый (приложение №26). Об этом сообщают многочисленные соответствующие надписи на них¹⁷⁵. Поэтому на Пушечном дворе отливались также и колокола «про запас». Как правило, они были относительно небольших размеров. В некоторых случаях, в виду отсутствия на Пушечном дворе запасных колоколов и в условиях нехватки времени у литейщиков, Приказ покупал нужные колокола у частных мастеров в обмен на медь с доплатой за работу: «торговому человеку колокольного ряда Федору Турчанину уплачено 12 пудов меди вместо готового колокола»¹⁷⁶. Когда во второй половине XVII века колокольные мастера стали все чаще и чаще работать на себя и продавать

свои изделия в Колокольном ряду, покупка колоколов шла уже не через Пушкарский приказ, а напрямую у конкретного мастера в торговом ряду. Так, в 1664 г. приказ Тайных дел купил в Колокольном ряду для церкви Рождества Христова в Измайловской слободе у А. Григорьева три колокола и у М. Иванова два колокола общим весом чуть более 20 пудов (приложение №27).

Часто отливка колоколов, особенно больших, проходила за пределами Москвы. Пушечный двор не мог справиться с заказами на литье общего и особенно ремонтного характера. Из-за этого, а также вследствие транспортных затруднений, отливку колоколов для церквей и монастырей в других городах страны Пушкарский приказ иногда организовывал на местах, высылая туда мастеров с учениками и необходимые снасти¹⁷⁷. Так, колокольный мастер Федор Моторин со своими учениками был в четырех *посылках*. В 1654 г. — посылали его в Новгород, где совместно с А. Григорьевым он отлил для Софийской звонницы колокол весом 1 000 пудов. Причем, эта поездка в определенном смысле спасла жизнь обоим мастерам, так как в Москве в это время свирепствовала чума. Когда мастера вернулись в Москву, они нашли ее опустевшей, в живых никого из ведущих литейщиков не осталось. Двумя годами позже Ф. Моторин с А. Григорьевым посылаются на Валдай в Иверский монастырь, где «он же Федор с Александром ж Григорьевым... вылили колокол в 69 пудов»¹⁷⁸. Затем следуют поездки в Смоленск (1668 г.), в Саввино-Сторожевский монастырь (1672 г.), в Троице-Сергиев монастырь (1684 г.), где Моторин отливает ряд колоколов, к сожалению, не дошедших до наших дней. Всего по документальным материалам за пределами Москвы он отлил шесть колоколов. В 1674 г. колокольный мастер Харитон Иванов был отправлен с четырьмя учениками в Казань для отливки колоколов для соборной церкви¹⁷⁹. В 1677 г. в Великом Новгороде братья Леонтьевы — мастера Василий и Федор и колокольный литец Яков отлили два колокола: «один в 40, другой в 100 пудов»¹⁸⁰. В 1690 г. для отливки колокола в 1 000 пудов в Новгород был послан Никифор Баранов с четырьмя учениками. Таким образом, колокола московских литейщиков звучали во многих

уголках России. Хотя небольшие литейные мастерские возникали по мере надобности в различных пунктах Московского государства, техника колокольного литья в XVII веке вне Москвы зачастую была не на достаточно высоком уровне. Это хорошо видно из *отписки*, посланной в июне 1675 г. казначеем вологодского архиерейского дома к отсутствующему в тот момент архиепископу, по поводу неудачного опыта — прилить к колоколу уши (приложение №28).

Сохранившиеся источники говорят о том, что некоторые мастера Пушечного двора имели на своих дворах небольшие литейные мастерские, на которых они производили отливку колоколов главным образом на сторону. Так, колокольный мастер Ф.Дмитриев на вопрос *пушкарского*: «как у него

Колокол 1679 г.
«Даниловский».
Мастер Федор
Моторин. Мос-
ковский Кремль.

колокольный образец поспеет и колокол из литья выйдет», ответил: «колокольный де образец готов будет марта к 1 числу... а тот де колокольный образец заведен у него дома»¹⁸¹.

Рост имущественного и социального расслоения в среде посадских ремесленников постепенно приводит к превращению некоторых из них в частных предпринимателей, а других — в наемных работников у своей «братии». Литейное ремесло становится наследственным, и эти наследственные мастера со временем становятся собственниками сначала небольших кустарных мастерских, а потом, при благоприятных обстоятельствах, более-менее крупных заводов. Таким образом, в допетровской Руси зарождалась масса литейных производств на дому.

В XVII веке правительство поощряло заводское строительство. Это выражалось в том, что организуемые предприятия на первых порах освобождались от уплаты налогов. Политика протекционизма быстро дала результаты. Уже со второй половины XVII века в Москве, помимо государственного Пушечного двора, существовал и частный литейный завод, основанный Федором Ивановичем Моториным.

Первоначально Ф.Моторин работал на Пушечном дворе, куда был принят в 1651 г. В 1670-х гг. он был его ведущим специалистом и осуществлял руководство производимыми отливками. Помимо литья колоколов, Ф.Моторин обладал еще и предпринимательским талантом, и, будучи высокооплачиваемым специалистом Пушечного двора, скопив некоторый капитал, с 1660-х гг. начинает приобретать земельные владения и недвижимость. Это преимущественно постройки его коллег — колокольных мастеров «со всяким колокольным заводом и с подъемными снастями и с колокольными образцами». В актах зафиксировано шесть крупных приобретений мастером земель и строений в Пушкарской слободе, на Большой Сретенской и Сергиевской улицах. Так сложился первый в Москве частный колокольный завод, владельцем которого с 1686 г. значился Ф.Моторин. На этом заводе, расположенном в Пушкарской слободе в районе Сретенских ворот, выполнялись взятые у церквей и монастырей подряды, а также отливались колокола небольших размеров для продажи в Колокольном ряду.

В целом, организацию литейного производства колоколов в Москве в XVII веке можно разделить на несколько периодов:

i) 1600—1605 гг. — период, когда Пушечный двор представлял собой скорее промышленное предприятие типа простой кооперации, чем мануфактуру, но с большей концентрацией средств производства и подсобной рабочей силы. Период, характеризующийся низкой производительностью труда, когда основные этапы работы по изготовлению колокола выполнялись одним небольшим производственным коллективом, а мастер Пушечного двора являлся одновременно плавильщиком, формовщиком, специалистом по кладке печей, подыскиванию формовочных материалов и т.п.;

ii) 1605—1613 гг. — нарушение деятельности Пушечного двора в связи со Смутой и польско-литовской интервенцией;

iii) 1614—1629 гг. — восстановительный период. Внедрение научной основы для повышения интенсивности производства, применение действия водяного колеса в кузнице, что вело к качественно новому уровню работы Пушечного двора уже как литейного завода. Под руководством ведущего мастера работает целая плеяда высококвалифицированных мастеров-универсалов;

iv) 1630—1654 гг. — рост производительности труда, связанный с накоплением опыта, с улучшением организации работ, с повышением мастерства исполнителей, особенно в отделке продукции. Отмирание универсализма отдельных мастеров Пушечного двора вследствие развития мануфактуры при весьма обширном объеме знаний литейщиков. Разделение специализации пушечных и колокольных мастеров;

v) вторая половина XVII века — окончательное разделение труда на Пушечном дворе. Широкая организация частных литейных мастерских по производству колоколов, работающих на рынок. Основание первого частного колокололитейного завода. Постепенный переход Пушечного двора на чисто военную специализацию.

Глава 3.

ОБУЧЕНИЕ КОЛОКОЛЬНОМУ РЕМЕСЛУ

В XVII веке российское правительство проводило протекционистскую политику в отношении ремесел и мануфактурной промышленности. В частности, оно продолжало начатое еще в предыдущем столетии пополнение состава ремесленного населения Москвы за счет вызова мастеровых из других городов, а также за счет приглашения иностранных мастеров на государеву службу. Правда, уже с середины XVI века начало намечаться явное преобладание своих, отечественных специалистов-литейщиков, достигших высокого мастерства.

Показательно в этом отношении свидетельство А.Олеария, отмечавшего, что «русские

очень способны к различным ремеслам и легко перенимают все, что увидят у немцев... теперь, впрочем, — добавляет он, — русские уже сами умеют лить и большие пушки и колокола. И в минувшем 1653 году ученик... Ганса Фалька отлил большой колокол, который, будучи очищен, весил 7 700 пудов (126 тонн. — А.Б.)»¹⁸².

Характерной особенностью развития ремесленной промышленности России в XVII веке явилось то, что пополнение кадров ремесленных мастеров велось путем их обучения и передачи навыков мастерства отечественными специалистами, полностью учитывавшими русскую традицию. Таким образом, еще до своего юридического оформления, в Московской Руси возникла и эффективно действовала национальная школа литейного мастерства. Самостоятельное творчество московской школы литейщиков сказалось в последовательном совершенствовании технологического процесса производства колоколов, начиная со знаменитого Годуновского колокола, отлитого Андреем Чоховым в 1600 г., до отливки Иваном Федоровичем Моториным знаменитого Царь-колокола в 1735 г. Колокольное ремесло, по общему мнению исследователей, справедливо считается одним из самых сложных ремесел. Колокольного мастера в Древней Руси считали мастером из мастеров, ставя его искусство выше искусства зодчего.

Часть плана Московского Кремля. Под №25 обозначена деревянная колокольня с Годуновским колоколом Андрея Чохова. «Годунов» чертеж Москвы начала XVII в.

В ряде источников неоднократно встречаются упоминания об учениках того или иного мастера-литейщика. Особенно большое количество сведений об ученичестве сохранили источники за время царствования Михаила Федоровича, то есть за годы, непосредственно следовавшие за «Великой московской разрухой», когда интервенция нанесла тяжелый урон всему народному хозяйству Руси, в том числе и литейному делу.

В XVII веке развитие русской национальной литейной традиции достигло своей наивысшей точки, когда были созданы редкостные по красоте звучания колокола весом в 8 000 пудов: Большой Успенский колокол Емельяна Данилова 1654 г. и колокол с таким же названием Александра Григорьева 1655 г., а замечательные колокола в 1—2 тысячи пудов насчитывались десятками. Столь высокий общий уровень ремесла был обеспечен устойчивой и эффективной системой подготовки кадров литейщиков.

Пополнение кадров мастеров литейного производства в Московской Руси XVII века осуществлялось главным образом за счет системы ученичества. Учеников имели практически все специалисты, и обучение ремеслу было повсеместно распространенным явлением.

В царствование Михаила Федоровича мы имеем, кроме отдельных документов, показания переписной книги города Москвы 1638 г.¹⁸³, впрочем, далеко не полные, так как в ней отмечено только взрослое население столицы, годное к несению воинской повинности, между тем большинство учеников было малолетними¹⁸⁴. В переписи в числе лиц, обязанных выйти в случае нужды с пищалью или рогатиной, названы ученики мастеров различных специальностей.

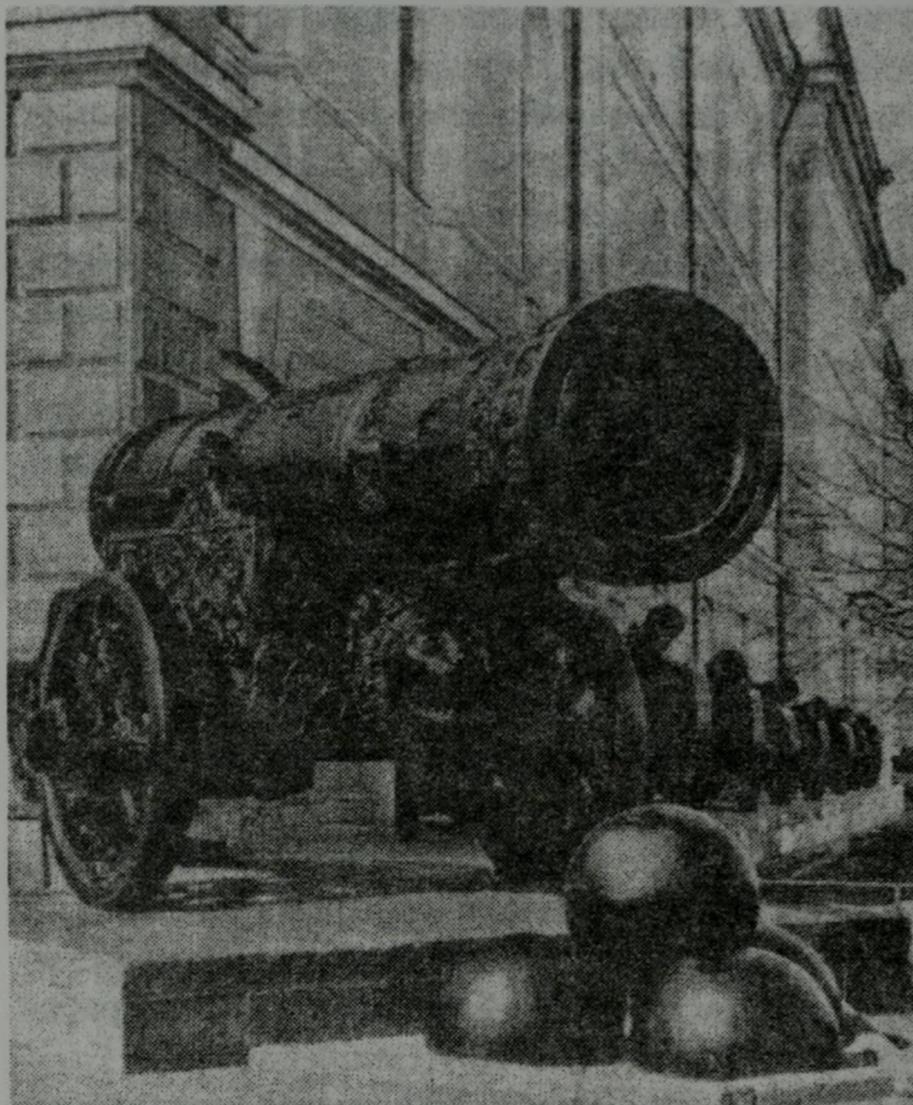
Несмотря на широкое распространение в XVII веке интересующего нас института ученичества, изучение его представляет некоторые трудности вследствие разбросанности и случайности материала¹⁸⁵. Об обучении ремеслу в XVII веке мы можем судить по отдельным делам, преимущественно касающимся либо побегов учеников от мастеров, либо, наоборот, злоупотреблений самих мастеров, и по сохранившимся ученическим записям, то есть договорам на обучение. Все это разбросано в массе других документов различных приказов.

В то время как на Западе организующее начало ремесленного производства было сосредоточено в цехах, в России XVII века в роли организатора ремесел и ремесленного ученичества выступало само правительство. Оно особенно заботилось о подготовке квалифицированных ремесленников путем обучения учеников мастерами Оружейной, Золотой, Серебряной палат, а также Пушкарского и других приказов. Замечательные мастера этих палат и приказов, среди которых были и специалисты колокольного дела, руководили школами ученичества. Таким образом, фактически это были государственные школы, соединявшие теоретические занятия с практикой.

В XVII веке в Московском государстве существовали две формы обучения колокололитейному ремеслу: государственная и частная. Главной государственной школой, готовившей кадры русских литейщиков — пушечных и колокольных мастеров, а также их учеников, — был московский Пушечный двор, находившийся в ведении Пушкарского приказа. Частная школа окончательно оформилась во второй половине XVII века, когда обучением колокольному ремеслу занялись вышедшие из состава Пушечного двора мастера-литейщики, которые на своих дворах основали частные литейные мастерские и работали на рынок.

Система обучения колокольному ремеслу на московском Пушечном дворе опиралась на русскую традицию, вершиной которой в предшествующий период было творчество выдающегося литейщика Андрея Чохова. Более 60 лет А.Чохов являлся «придворным» пушечным и колокольным мастером пяти государей, начав работать на московском Пушечном дворе в 50-х гг. XVI века учеником талантливого мастера немецкого происхождения Кашпира Ганусова. С 1570-х гг. А.Чохов занимал ведущее положение среди московских литейщиков.

За годы работы на Пушечном дворе Чохов сумел ознакомиться со многими отраслями технических знаний того времени, в совершенстве овладел пушечным и колокольным литьем и изготовил ряд прославленных пушек и колоколов, получивших широкую известность. Это знаменитая Царь-пушка, отлитая в 1586 г., стоящая сегодня в Московском

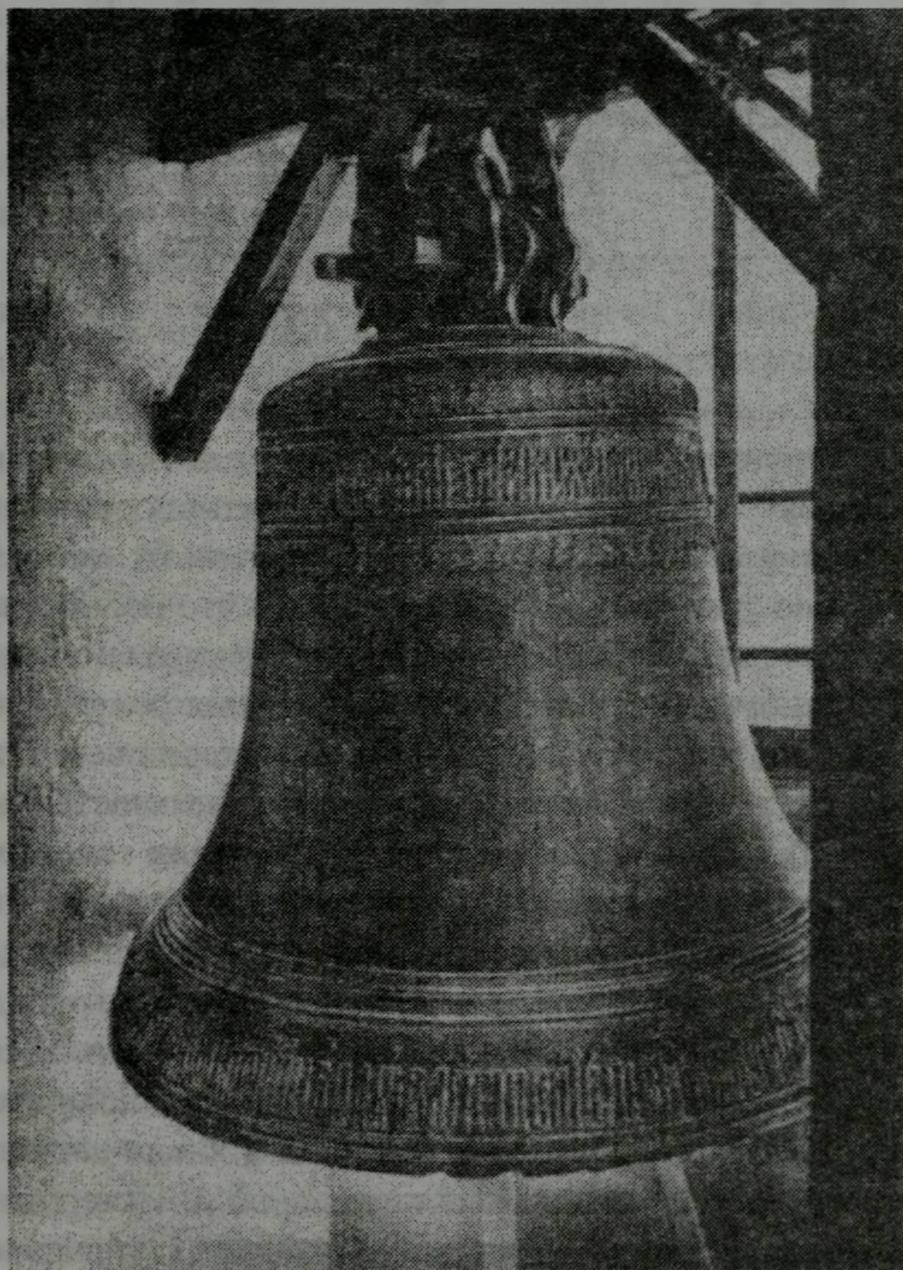

*Царь-пушка
Андрея Чохова
в Московском
Кремле.*

Кремле. Там же на Успенской звоннице находится второй шедевр мастера — колокол Реут весом 1 200 пудов (20 т), вылитый в 1622 г. Это один из грандиозных и самых красивых колоколов, дошедших до наших дней. Еще больший колокол А. Чохова, весом 2 450 пудов (около 40 т), отлитый по повелению Бориса Годунова в 1600 г., не сохранился. Так называемый Годуновский, он же Старый Успенский (с 1654 г.), он же Воскресный (с 1679 г.) прожил 100 лет, погиб при пожаре Кремля 1701 г.

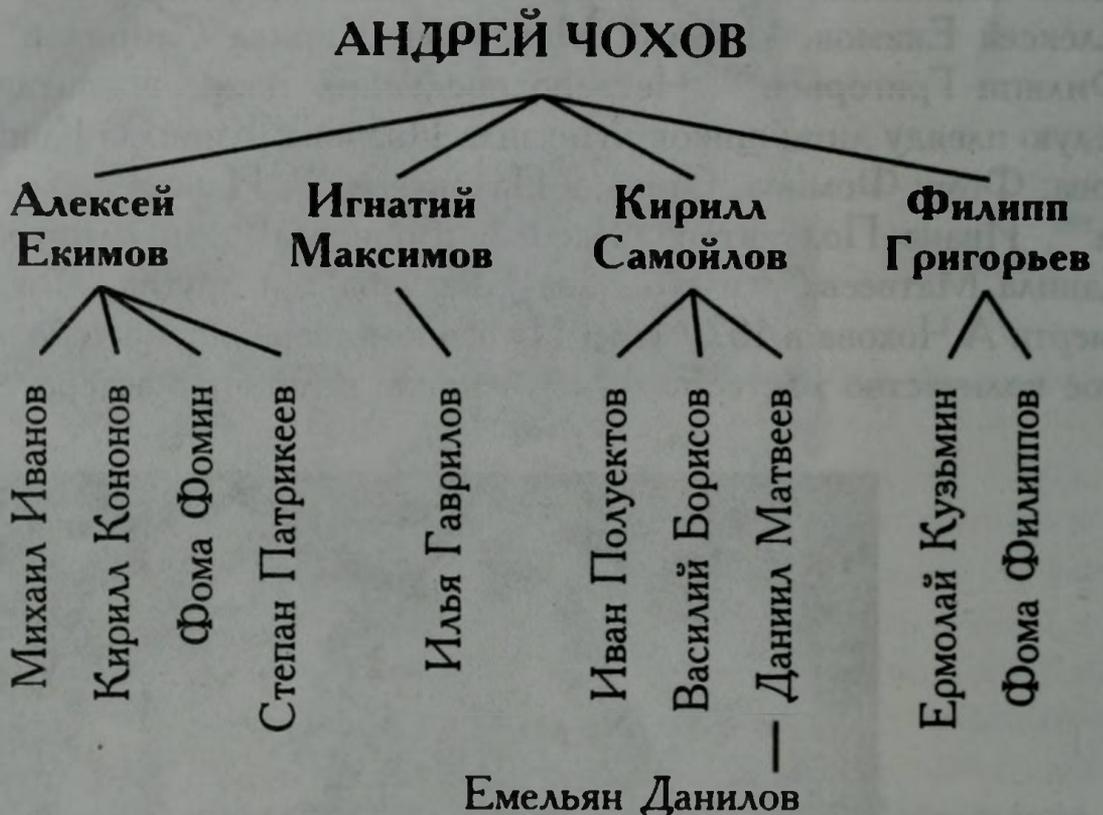
О мастерстве А. Чохова говорит то, что за 60 лет работы он не допустил ни одной ошибки в расчетах колоколов и пушек, и воспитал множество учеников, трудившихся на московском Пушечном дворе. В период от 1600 до 1654 гг. на Пушечном дворе успешно работала группа литейщиков, прошедшая обучение у пушечного и колокольного мастера Андрея

Чохова. Это были его ученики, впоследствии ставшие самостоятельными пушечными и колокольными литцами: Кондратий Михайлов, Григорий Наумов, Алексей Никифоров¹⁸⁶, Алексей Екимов, Игнатий Максимов, Кирилл Самойлов¹⁸⁷, Филипп Григорьев¹⁸⁸. Четверо последних также воспитали целую плеяду литейщиков: Михаила Иванова, Кирилла Кононова, Фому Фомина, Степана Патрикеева¹⁸⁹, Илью Гаврилова¹⁹⁰, Ивана Полуектова, Василия Борисова¹⁹¹, знаменитого Данила Матвеева¹⁹² и его сына Емельяна¹⁹³ и других. После смерти А. Чохова в 1629 г. на Пушечном дворе осталось большое количество мастеров — выучеников великого мастера.

Колокол
1647 года.
Московский
Кремль.

Ниже приведено несколько цепочек «учитель — ученик», вышедших из чоховской школы:

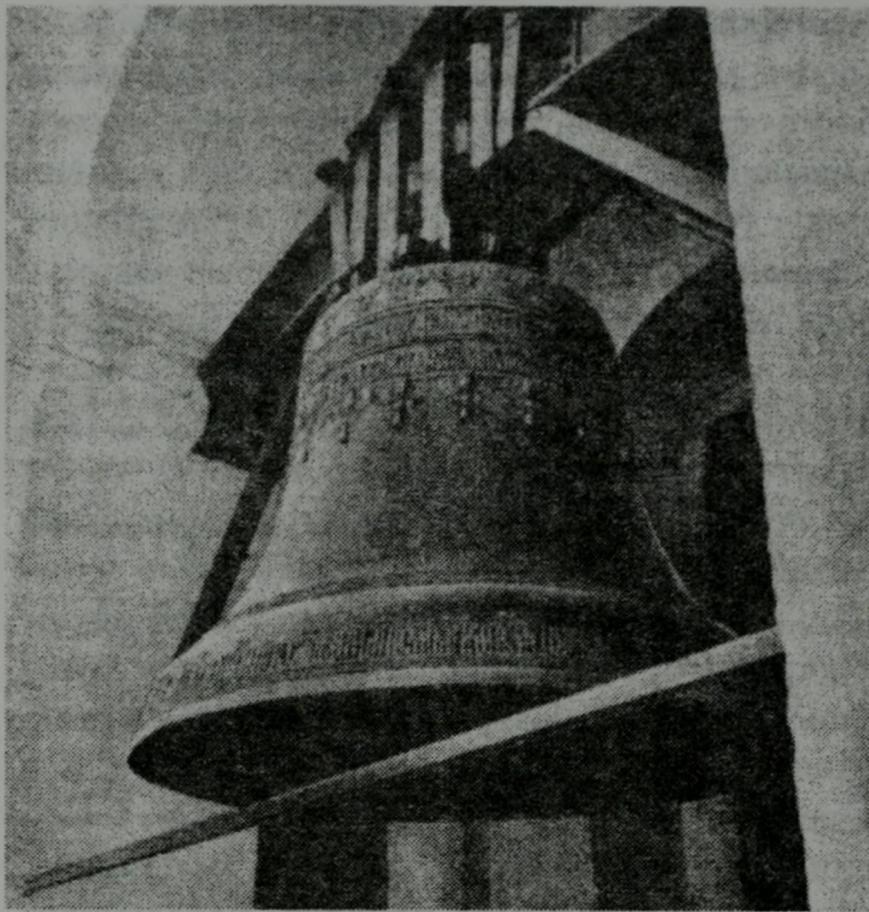
Анализ сохранившихся документов Пушкарского приказа позволяет сделать вывод, что эффективность обучения в первой половине XVII века на Пушечном дворе составляла: каждые 5 лет — 1 литейный мастер, что полностью соответствует пятилетнему сроку обучения, закрепленному в 1649 г. в Соборном уложении. Система обучения ремеслу на Пушечном дворе носила государственный характер, так как именно государство в лице Пушкарского приказа полностью взяло на себя заботу о формировании кадров литейных специалистов, обеспечив довольно четкую систему ученичества.

Ученики Пушечного двора набирались из людей, не состоявших в *тягле*: третьих сыновей тяглецов, детей служилых людей *по прибору* — пушкарей, стрельцов и др. Основной категорией населения, из которого набирали колокольных учеников, как свидетельствуют документы, были дети «пушкарского чина людей» — московских пушкарей и мастеровых различных специальностей, состоявших в ведении Пушкарского приказа.

Пушкарки и мастеровые представляли сословие «младших государевых служилых людей», получавших за службу, кроме денежного и хлебного жалованья, наделы земли под дворовое и хоромное строение во временное пользование при условии исправного несения службы. Поэтому люди «пушкарского чина», стараясь сохранить за собой свои дворовые места в Пушкарской слободе, неохотно отпускали своих детей служить в какое-либо другое ведомство¹⁹⁴. Эта заинтересованность подкреплялась политикой правительства в закреплении кадров литейщиков. Правительство зорко следило за тем, чтобы «земля из службы не выходила». Оберегая традицию, указ царя Алексея Михайловича предписывал: «Которые пушкарские и пушечных и колокольных мастеровых людей Пушкарского приказу дети, и братья, и племянники, и тем пушкарским и мастеровым детям, и братьям и племянникам мимо Пушкарского приказа в иные Приказы ни в какой чин в службу ставиться не велено»¹⁹⁵.

Для подготовки высококвалифицированного литейщика, хорошо знающего производственный процесс, владеющего основами математики, металловедения, способного самостоятельно решать задачи художественного оформления колоколов, нужны были многие годы. Срок ученичества в этом случае мог быть чрезвычайно продолжительным. Правительство, заинтересованное в том, чтобы ускорить процесс обучения ремеслу, пыталось, прежде всего, закрепить семейную традицию. Где, как не в семье, от отца, старшего брата будущий мастер мог лучше узнать обо всех тонкостях и секретах ремесла?

Поэтому в значительной своей части учениками были сыновья или родственники пушечных и колокольных мастеров, пушкарей, которые под руководством своих отцов, дядьев и других родственников с малолетства присматривались к работам старших, постепенно овладевая тайнами мастерства. Этим объясняется устойчивость ремесленных династий литейщиков: Даниловых, Осиповых, Моториных в Москве, Андреевых в Пскове, Матвеевых в Новгороде. Кроме семей, основным резервом пополнения кадров Пушечного двора были другие жители Пушкарской слободы, которая лежала в непосредственной близости от Пушечного двора, в приходах церквей

Колокол Филиппа Андреева 1687 года. Московский Кремль.

Сергия и Преображения «в Пушкарях». Количество слободского населения, как и количество населения всей Москвы не может быть определено с достаточной точностью, за отсутствием документальных данных, но по описи 1638 г. в Пушкарской слободе числилось 372 двора «московских пушкарей и пушкарского чину людей»¹⁹⁶.

Тесная связь слободы с производством, в том числе и территориальная, имела принципиальное значение в организации начальной стадии ученичества — того явления, которое позже стало называться «предученичеством». Обычно, такая подготовка проходила непосредственно в Пушкарской слободе, где мальчики с малых лет постигали азы ремесла и грамоты. Дети, выросшие в Пушкарской слободе, сызмальства становились свидетелями, а затем и участниками больших колокольных работ. Пополнение мастеров Пушечного двора осуществлялось также и за счет привлечения учеников частных мастеров, имевших свои мастерские и выполнявших частные заказы на литье, которые почему-либо не могли быть выполнены на Пушечном дворе.

Таким образом, обращает на себя внимание следующая особенность обучения колокольному ремеслу: учеником становился не мальчик, приведенный родителями за руку в дом мастера-хозяина, как это обычно было во многих других ремеслах, а юноша, сознательно выбравший себе профессию.

Само ремесло предполагало, что новоявленный ученик придет к мастеру с каким-то определенным запасом трудовых навыков и знаний.

Так как правительство было заинтересовано в подготовке квалифицированной рабочей силы, оно платило ученикам так называемый «поденный корм» (говоря современным языком — стипендию), который составлял от 3 до 5 денег в день. Время, уделяемое мастером на обучение учеников, подлежало дополнительной оплате. А раз мастера Пушечного двора получали за обучение своих учеников определенную плату, это заставляло их добиваться того, чтобы к ним было прикреплено возможно большее количество учеников. Так в 1640 г. мастер Михаил Иванов в своей челобитной просит дать ему двух новых учеников, взамен двух учеников, переданных от него мастеру И.Фальку, указывая при этом, что у него осталось только пять учеников, в то время как у других мастеров было по восемь. Просьба его была удовлетворена.

Нередко практиковалось, что ученики сами выбирали себе учителя. Для этого от них требовалась специальная челобитная. Так, в 1670 г. пушкарский сын Иван Денисов обратился в Приказ с челобитьем пожаловать его в ученики к государеву мастеру А.Григорьеву. Сын московского пушкаря, прослужившего 40 лет, Иван Денисов рано осиротел и пошел в обучение к своему дяде — шорнику. В челобитье он подчеркивает, что ушел от дяди «по доброте», ни в какой службе не бывал, «в холопстве ни у кого не служивал» и «кабал никаких и крепостей на себя не давал». При расспросе колокольный мастер А.Григорьев сказал: «Ивашко де Денисов сын Скворцов ему, Александру, в ученики годен и с колокольное дело иво будет». Так же, как когда-то сам мастер, колокольный ученик пушкарский сын Иван Денисов брал на себя обязательства. Ученики Пушкарского приказа, присутствовавшие при этом, поручились в том, что он «дела никакого хитра

не учинит над Государевой казною и, взяв великого Государя годовое денежное и хлебное жалование, не збежит ни в немца, ни в Крым, ни в иные страны. И живучи ему, Ивану, за нашею порукою в Пушкарской слободе вином и табаком не торговать, и не играть, и корчмы... не держать, и с воровскими людьми не знатца, и никаким дурнем не промышлять»¹⁹⁷.

Таким образом, из приведенного примера видно, что при приеме на Пушечный двор ученика, несколькими мастерами заполнялась рекомандация, так называемая *поручная запись*. Она предусматривала определенные обязательства ученика по отношению к Пушкарскому приказу, а также фиксировала этические нормы поведения в Пушкарской слободе. Поручная запись существенно отличается от «учобных» или «жилых» записей на обучение ремеслу у частного мастера, которые регистрировались в Холопьем приказе¹⁹⁸.

Поручные записи, составлявшиеся на учеников Пушечного двора были иного характера. Для учеников Пушечного двора требовалась регистрация в Пушкарском приказе. Колокольный ученик адресовал свои обязательства администрации Приказа. Они касались, прежде всего, сохранности государственного имущества. Дело в том, что материалы, необходимые для отливки больших колоколов, продолжавшихся в течение нескольких месяцев, были чрезвычайно дорогостоящими.

Так, при литье Большого Успенского колокола в Московском Кремле в 1655–1656 гг. затраты только на приобретение меди, олова и на покупку вспомогательных средств, материалов и инструментов составили более 44 тысяч рублей¹⁹⁹. В поручной записи на ученика Пушечного двора, кроме того, оговаривалось, что он будет проявлять прилежание в учебе, а также всю свою жизнь посвятит Отечеству. Так, за колокольного ученика Степана Арефьева поручились 15 пушкарей в том, что он «от государева дела не збежит ни в Крым, ни в Литву... ни в немцы, ни в которые государства не отъедет, и будет вести себя, как требуется»²⁰⁰. К сожалению, названный ученик в будущем не оправдал надежд своих рекомандателей, и, нарушив поручную запись пятнадцати человек, сбежал, предпочтя работу частного лица — дьяка Пахома Лучникова²⁰¹.

В архивных выписках И.Х.Гамеля из Расходных книг Пушкарского приказа XVII века (сами книги не сохранились) находим интересные свидетельства существования школы «цифирного учения» для пушкарских детей. Из них видно, что с детства мальчики постигали азы грамоты, необходимые для мастерского. Все расходы по обучению в школе нес Приказ. Он оплачивал работу учителя — тяглеца московской Алексеевской слободы, «цифирного дела мастера» Ивана Зерцалова. Государево жалованье выплачивалось не только учителю, но и ученикам — «пушкаревым детям, которые учатца цифири» (по полтине ученику). В одной из записок встречается упоминание о числе учеников: их было 9 человек. Записи в Расходных книгах свидетельствуют и об учебных пособиях. Они фиксируют расходы на приобретение клея, левкаса, чернил и щетинных кистей для изготовления 10 досок «к цифирному учению» и покупку у кадашевца Василия Герасимова цифирной книги, переведенной на русский язык, «ценою четыре рубли с полтиною». «И та книга отдана учителю Ивану Зерцалову для научения цифири пушкарских детей. И тою книгу ему беречь. А как пушкарских детей выучит и тою книгу объявить ему в Пушкарском приказе»²⁰². Таким образом, ученики школы учились производству расчетов, которые были необходимы для будущей работы. Знакомились они также с различными руководствами, которые были широко известны и хранились в библиотеке Пушкарского приказа.

В колокольном ремесле заключены разнообразные знания о законах музыкальной акустики, о свойствах металлов, сплавов и многие другие. Колокольный мастер во время отливки тяжелых колоколов возглавлял большую колокольную дружину, насчитывавшую иногда более сотни человек. Она состояла из мастеров самых различных специальностей — каменщиков, плотников, кузнецов, подъемщиков, молотобойцев, каждый из которых отвечал за свой участок колокольных работ, и из многочисленного отряда подсобных рабочих, обычно стрельцов, которые подвозили материалы, выкладывали из кирпича литейную форму, устанавливали подъемные механизмы и т. п. Следовательно, работа литейного мастера

предполагала обладание обширными познаниями в самых разных областях, связанных с литейным процессом.

Но все же главным в обучении ремеслу было непосредственное участие в литейном деле. Производственный процесс и обучение были теснейшим образом связаны. Отсюда идет и выражение, часто встречающееся в документах того времени, — «работать в учениках». Само слово «ученик» воспринималось скорее как «помощник мастера», «подмастерье», а не как учащийся в обыденном понимании.

Поскольку ученичество было единственным способом подготовки специалистов, Пушкарский приказ закреплял за мастером учеников, выплачивая ему за обучение каждого ученика определенную плату²⁰³ и поддерживая, таким образом, заинтересованность в приобретении возможно большего их числа. Таким образом, каждый более-менее крупный мастер имел учеников. Решение вопроса о количестве учеников находилось в компетенции Приказа. Он мог закрепить за мастером двух — трех учеников, а то и более того. Так в 1659—1660 гг. у колокольных мастеров Петра Степанова, Федора Дмитриева и Ивана Иванова было по 4 ученика, а за мастером А. Григорьевым было закреплено 10 учеников²⁰⁴.

Если в 1598—1599 гг. на Пушечном дворе было всего 12 учеников литейного дела, то в середине столетия — более 20, а в конце XVII века — свыше 60. Таким образом, с увеличением объема производства закономерно увеличение и числа учеников литейного дела.

Как было сказано выше, срок обучения составлял обычно 5 лет, хотя были и более длительные, и более короткие сроки обучения. Ученичество нередко затягивалось на продолжительное время, так как мастеру выгодно было, чтобы ученики оставались в его распоряжении неопределенно долгое время. Кроме того, отсутствие свободных вакансий на Пушечном дворе искусственно удлиняло сроки ученичества.

В документах отмечены случаи, когда мастеровые «работали в учениках» всю жизнь. Например, живший в Пушкарской слободе и даже имевший там «кузнечное место» Ларион Минин звался «учеником» 48 лет²⁰⁵. Сначала он был учеником колокольного мастера Данилы Матвеева, затем его

сына — Емельяна, а умер учеником Государева пушечного и колокольного мастера Александра Григорьева. Правда, здесь, видимо, нужно иметь в виду то обстоятельство, что такие «ученики» скорее всего, считались если не мастерами, то подмастерьями.

Продолжительность ученичества зависела как от способностей ученика, так и от множества других обстоятельств. Немалую роль играла личность мастера. Известны случаи, когда мастера умышленно затягивали ученичество, выступали против желания учеников работать самостоятельно. В феврале 1677 г. колокольные ученики мастера Харитона Иванова Михаил Павлов и Яков Иванов подали в Приказ челобитную о дозволении им работать самостоятельно и завести свои литейные формы — «колокольные образцы»²⁰⁶. Каждый из них работал в учениках более 15 лет, в том числе вместе с мастером Х.Ивановым они отливали колокола за пределами Москвы, и «в посылках от иво, Харитоновой, налоги погибли и разорились в конец». В челобитной они писали, что «колокольная служба», «изготовление образцов» для них стало привычным делом: «а образцы колокольные к литью собою сделать умеем», но работать самостоятельно они боялись, опасаясь мести своего мастера. Приказ решил это дело в пользу учеников — им поручалась своего рода экзаменационная работа — самостоятельная отливка колокола под надзором известного литейного мастера Федора Моторина.

Но подобные случаи не были нормой, и не следует делать вывода о том, что срок ученичества всегда мог увеличиваться по произволу мастера. Для Пушечного двора характерно, что мастер и его ученики не являлись замкнутой корпорацией, строго оберегавшей свои секреты от собратьев по ремеслу. Начинающих мастеров и их учеников Приказ часто объединял в единую литейную артель.

Важной особенностью подготовки кадров литейного дела являлась дифференциация по уровню владения ремеслом среди учеников Пушечного двора. Все ученики вместе с мастером принимали участие, как в формовке колокола, так и в подготовительных работах. Форма обучению ремеслу была коллективной. Наблюдая за подопечными, мастер выделял среди

учеников самого опытного, своего непосредственного помощника, и ставил его во главе новичков, которые только начинали осваивать ремесло. Промежуточными звеньями между ними были две рабочие группы, состоявшие из нескольких человек.

Это деление учеников прослеживается на протяжении всего XVII века. Среди них особое положение занимали начинающий и опытный ученики. Начинающему поручали работу несложную, чтобы присматривался, оклад его был невысок. Самый высокий денежный и хлебный оклад, почти равный окладу мастера, давался опытному ученику, он был правой рукой мастера, его первым помощником. Оклады остальных были средними.

Именно так подразделялись 8 учеников А. Григорьева в 1670 г. По размеру получаемого ими годового денежного и хлебного оклада их можно разделить на 4 категории, в каждой из которой, начиная с самого высокого оклада, было соответственно один — три — три — один ученик²⁰⁷. В деле о приеме И. Денисова в колокольные ученики к Государеву мастеру А. Григорьеву указывается их жалованье: «У колокольного мастера Александра Григорьева учеников 8 человек. Великого Государя жалования им оклад: 8 рублей, хлеба 15 четей ржи, овса то же, 4 пуда соли — Корнилка Кузьмин; по 5 рублей хлеба по 12 четей ржи, овса то же, по 7 пудов соли — Степка Михайлов, Данка Микифоров, Трофимка Васильев; по 5 же рублей, хлеба по 10 четей ржи, овса то же, по 3 пуда соли — Ганка Иванов Гришевишник, Ларка Ильин, Лучка Андреев; 4 рубли, хлеба 7 четей ржи, овса то же, 2 пуда соли — Васька Леонтьев»²⁰⁸.

Деление учеников на группы было закреплено в Приказе не только размерами получаемых ими денежных и хлебных окладов, но также суммами вознаграждений за успешное выполнение государственных заказов. Так, ученики колокольного литца Кирилла Самойлова Данилка Матвеев, Ивашка Полуехтов и Васька Борисов в 1621 г. за отливку 7 колоколов получили государева жалованья по «4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище» (приложение №29); годом позже ученики Андрея Чохова Дружина Богданов и Василий Ондреев Ноугородец за пере-

ливку старого колокола Реут получили «по 4 аршина сукна аглинского лазоревого, цена по 20 по 6 алтын по 4 денги аршин», а 4 других его ученика за эту же работу получили меньше — «по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище» (приложение №30).

В документах XVII века четко прослеживается дифференциация государева жалованья колокольным ученикам за выполненную работу. Ее оценка зависит не столько от ее объема, сколько от участия в ней конкретного ученика соответственно его квалификации.

Размеры окладов учеников приведены в таблице:

Год	Рублевое	Натуральное
1598/99	от 7 до 4,5	- данных нет -
1627	- данных нет -	по 20 четвертей ржи и овса, по 4 пуда соли
1644/45	от 7 до 5	по 20 четвертей ржи и овса, по 4 пуда соли
1670	от 8 до 4	от 15 до 7 чети ржи и овса, от 7 до 2 пудов соли
1689	от 6 до 5	по 10 четвертей ржи и овса, по 3 пуда соли

В результате анализа имеющихся данных, автором установлено, что в начале XVII века средний размер государева жалованья ученикам составлял 50% от среднего размера жалованья мастерам, а во второй половине столетия он увеличился до 80%. Это свидетельствует о том, что по сравнению с началом века объем литейного производства в государстве возрос, и это повлекло за собой потребность в привлечении большего количества учеников для литейного процесса. Для

этого, помимо приведенного выше Указа Алексея Михайловича, государство стремится заинтересовать учеников материально.

По окончании ученичества, освоив ремесло и почувствовав, что может работать самостоятельно, ученик для того, чтобы перейти в мастера или литцы, подавал челобитную в Приказ и на ее основании допускался к испытаниям, то есть к выполнению пробной работы «на образец». «164 (1656. — А.Б.) года июня 13 бил челом колокольного мастера Александра Григорьева ученик Федька Дмитриев Колесников, чтоб быть ему мастером, и июня 14 велено быть, и велено Живона-чальныя Троица Колесниковы пустыни разбитой колокол, что прислан (...) в Пушкарский приказ весом в 44 пуда перелить. И в 166 (1657. — А.Б.) году декабря 22 перелил в 30 пуд 30 гривенок. И четверть прибавлено жалованье»²⁰⁹.

К экзаменам обычно допускались ученики, хорошо зарекомендовавшие себя в деле. Так, отличившийся при отливке Большого Успенского колокола Петр Степанов через год был допущен к испытаниям и стал мастером. Сохранился документ, написанный вскоре после производства его в мастера, в котором описка дьяка наглядно показывает разницу в социальном положении мастера и ученика, сказавшуюся в разном обращении к тому и к другому. Подьячий в указе по привычке написал: «велено колокольному мастеру Ивану Иванову и колокольному ученику Петрушке Степанову завести к вестовым образцы к 12 колоколам», а затем исправил себя — «мастеру Петру Степанову»²¹⁰. Оценка выполненной пробной работы производилась мастером ученика в присутствии других приглашенных специалистов. Ученики, сдавшие успешно экзамен по самостоятельной отливке колокола того или иного веса, при наличии свободных вакансий, переводились в литцы. При этом, в зависимости от квалификации, повышался их оклад и количество продовольствия.

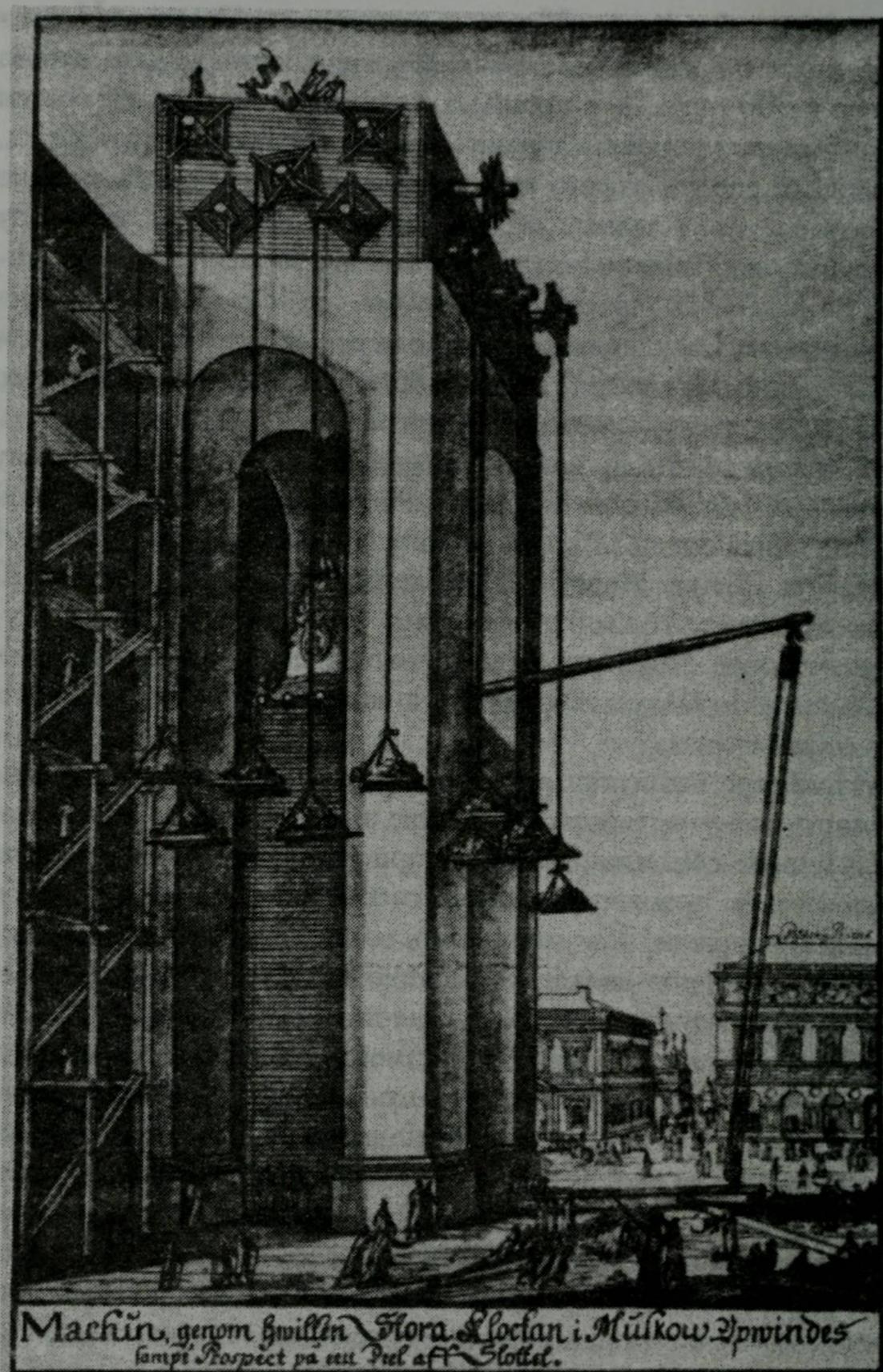
Бывало, что ученикам Пушечного двора поручалась самостоятельная отливка колоколов. Так, ученики Василий и Яков Леонтьевы были направлены в Великий Новгород для колокольного дела «бес колоколного опыту» (то есть без испытания). В их челобитной от 1680 г. о выдаче жалованья они

писали о своей работе: «И мы, холопи твои, в Великом Новгороде заводили два колоколных обрасцов, один во сто пуд, а другой в 300 пуд... А в прошлых, государь, годех нашей братьи колокольным учеником даваны опыты по 10 и по 15 и 20 пуд, и им за те работы твоего государева жалованья прибавливано к прежним их окладом... а нам, холопом твоим, за тое нашу работишку прибавки к окладам нашим ничево нет и в приказ ничево не дано. А в нынешнем, государь, во 188-м году по твоему, великого Государя указу вылили колокол к соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы в 300 пуд...» Им было выдано за работу «по портищу сукна полукармазину»²¹¹.

С неспособными или почему-либо не угодившими ему учениками мастер обычно не церемонился и выгонял. Такой случай описан в челобитной царю Михаилу Федоровичу от иноземца Ивана Иванова, подмастерья пушечного и колокольного дела. Жалобщик заявил, что он работал на Пушечном дворе с пушечным и колокольным мастером Иваном Фальком. Но Фальк «неведомо в чем» разгневался не него и «от себя отказал».

Наиболее талантливые ученики имели возможность раньше проявить свое мастерство. Об этом, в частности, говорят многочисленные сведения, указывающие что молодые мастера самостоятельно производили ответственные отливки в раннем молодом возрасте. Так, например, в 1654 г. 24-летний мастер Емельян Данилов взялся и успешно выполнил отливку колокола в 8 000 пудов, а в 1655 г. мастер Александр Григорьев, которому не было еще и 20 лет, самостоятельно отлил колокол, того же веса. Выполнение такой ответственной работы свидетельствовало о высоком уровне подготовки литейных кадров. Для того, чтобы получить задание на производство этих ответственных отливок, необходимо было предварительно зарекомендовать себя опытными мастерами.

Но не все ученики переводились в «литцы», даже не все ученики получали право на сдачу экзамена. Имеются данные о том, что некоторых учеников-литейщиков переводили от одного мастера к другому и, наконец, к мастеру по другой специальности. Таким образом «литцами» становились лишь наиболее старательные и способные. Поэтому звание

Подъем Царя-колокола А. Григорьева на Успенскую звонницу Московского Кремля. Из книги Э. Пальмквиста «Путешествие в Московию. 1673 г.»

«колокольный и пушечный мастер» было синонимом специалиста высочайшей квалификации.

Наиболее подробно процесс обучения колокольному ремеслу в России XVII века можно увидеть на примере «Государева мастера» Александра Григорьева. Этому мастеру посвящена специальная статья В.А.Кондрашиной²¹². Судьба А.Григорьева необычна. В 1651 г. он стал «колокольным литцом» московского Пушечного двора. Это значит, что к 17 годам он не только сам в совершенстве владел одним из самых сложных ремесел, но мог уже обучать мастерству учеников. При этом необходимо отметить, что юный возраст колокольного мастера — довольно редкий случай на Руси.

8 ноября 1651 г. колокольный мастер Емельян Данилов и московские пушкарники поручились в Пушкарском приказе «своими головами» за «новоприборного колокольного литца Александра Григорьева, сына Лыкова». По обычаю, поступая на службу, А.Григорьев принес своеобразную профессиональную клятву: «Будучи у Государева у колокольного дела никаким воровством не промышлять, ни красть, ни розбивать, ни зерню не играть, и корчмы не держать, и над Государевой казною хитрости ни в чем не чинить»²¹³. Такая клятва была своеобразным кодексом чести русского мастера. «Новик 160-го (1651 г. — А.Б.) года», он был зачислен в приказе на «выбылый оклад» умершего мастера Игнатия Шпилина и получил годовое жалование, равное 8 рублям 21 копейке²¹⁴. Первыми его учениками стали Степан Евдокимов, Федор Кирьянов, Степан и Антон Васильевы, Петр Кириллов, Семен Иванов, Ларион Минин²¹⁵. Вместе с ними на Пушечном дворе он перелил благовестный колокол для церкви Антипия Чудотворца и отлил шесть вестовых колоколов «про запас» для посылки в города-крепости.

А.Григорьев стал преемником Е.Данилова в создании Большого Успенского колокола. «Во 163-м (1655 г. — А.Б.) по указу великого Государя велено вылить иной колокол колокольному мастеру Александру Григорьеву весом в 8 тысяч пудов. А в то колокольное литье и на угар дана прежнего колокола и пушечных и колокольных прежних литей медь ж с оловом... да олова в прибавку...»²¹⁶

В процессе такой ответственной отливки колокольный мастер отвечал также и за обучение приданных ему в помощь новых учеников, за что ему было прибавлено «денежное и хлебное» жалованье. Об этом сохранилась запись в документах Пушкарского приказа от 13 мая 1655 г.²¹⁷. В процессе работы ученики получали знания и указания непосредственно от мастера, который был хранителем живой, изустной традиции, а руководства и ученые трактаты в данном случае играли второстепенную роль, так как сам учитель — государев мастер А. Григорьев, в совершенстве владевший своим ремеслом, — «грамоте не умел», по его поручению подпись ставил один из его учеников²¹⁸.

Большая работа давала возможность быстрому раскрытию талантов мастеров. Она стала для них своеобразным испытанием. В большом колокольном деле каждый из них постепенно приобщался к сложному искусству колокольного литья. Сам мастер об участии учеников в колокольных работах свидетельствовал так: «164 (1655. — А.Б.) года ноября в 29 день по скаске колокольного мастера Александра Григорьева. Сказал: почели делать ученики мои 12 человек: Ларка Минин с товарищи, а почели делать у Большого колокола мая с 1 числа сентября по 15 день. А с 15 числа делали учеников девять человек ноября по 29 день. А 3 человека учеников: Ларка Федоров да Петрушка Степанов да Федька Дмитриев отданы мастеру делати Калязинский колокол»²¹⁹.

Если в 1637 г. на Пушечном дворе было всего два колокольных литца, то отливка Большого Успенского колокола выявила многих даровитых литейщиков, таких, как Петр Степанов, Харитон Иванов, Федор Дмитриев, — все они вскоре сами стали известными мастерами. В этом факте отразился и талант учителя, и свидетельство его высоких человеческих качеств. А. Григорьев следовал первой заповеди наставника — учить тому, что умеет сам «безо всяких хитростей», ничего не скрывая.

Григорьев применил новую, более совершенную литейную технологию, которая с этого времени утвердилась при отливке колоколов-гигантов и широко применялась позже, в XVIII веке. Эта технология требовала лучшей предварительной подготовки и организации производственного процесса²²⁰, а также

значительного числа непосредственных помощников мастера — учеников. Григорьев, с 1665 г. носивший звание «Государева пушечного и колокольного мастера», имел их вдвое — втрое больше, чем любой из его современников. Однако, если в 20 лет, когда он отливал Большой Успенский колокол, их было у него 12 человек, то позже, например, в 1666—1668 гг. — всего 8, а в последние годы жизни — 10²²¹. Как видим, решающим в вопросе о количестве учеников, закрепленных за мастером Пушкарским приказом, были не возраст и опыт мастера, а объем порученных ему работ, то есть производственные, а не собственно ученические задачи.

Последнее упоминание о колокольном мастере относится к 1676 г., когда 10 его учеников помогли мастеру Харитону Иванову, в прошлом также ученику А.Григорьева, отлить на Пушечном дворе 8 пищалей «полкового наряду»²²².

Известны имена 21 ученика А.Григорьева и среди них — имена литейщиков, ставших впоследствии известными колокольными мастерами. Нельзя не согласиться с выводом В.А.Кондрашиной, что можно говорить о существовавшей во второй половине XVII века школе государева пушечного и колокольного мастера А.Григорьева.

Несколько иначе дело обстояло с обучением колокольному ремеслу у частного мастера, в его литейной мастерской или на заводе. В этом случае взаимные отношения между мастером и учеником определялись «учебной записью», иначе «жилою записью на ученика»²²³. Если быть более точными, «учебные записи» не являлись «жилыми» в том смысле, как их понимает Соборное Уложение 1649 г., они лишь пользовались формулой «жилых записей». «Жилые записи на ученика» это акты юридического характера, устанавливающие взаимные обязательства мастера и ученика. При их составлении необходимо было соблюдать 8 условий. Они обязательно должны были содержать: 1) имена и состояние сторон, заключающих сделку; 2) обозначение причин и целей выдачи записи (обучение и др.); 3) обязательство жить у мастера известный срок; 4) обязательство со стороны, дающего запись добропорядочного поведения, усердной работы с обозначением ее рода и с

предоставлением хозяину права взыскания, и обещание ученика никуда до срока не уйти; 5) обязательство со стороны хозяина поить, кормить, одевать, обувать рядчика (ученика); 6) неустойку в случае неисполнения договора; 7) обязательство быть «крепким» до урочных лет и после уплаты неустойки; 8) пометы о подписи «послухов», записи в книге, времени написания, сумме взятых пошлин²²⁴. Подобная обстоятельность свидетельствует о высокой юридической грамотности населения Руси допетровского времени.

По Москве за время 1631 по 1699 гг. известно 59 таких записей. Они предусматривают обучение, среди других ремесел, и колокольному. «Жилые записи» составлялись на основании 45-й и 116-й статей главы XX Соборного уложения 1649 г. («Суд о холопах»), где говорится об отдаче детей родителями «в работу на урочные лета».

Родители отдавали мальчика «из ученья на урочные годы»²²⁵, в течение которых ученик должен был не только учиться, но и фактически быть членом семьи мастера, то есть «жить во дворе и всякую домашнюю работу работать», причем, пребывание в ученье определяется словами: «жить во дворе» у мастера. Прием в ученичество отождествлялся с «наймом». Ученика иногда называли в обиходе «наймитом», то есть «жилые записи» были договорами на обучение и часто одновременно договорами на наем рабочей силы. Таким образом, «найм» делал учебу бесплатной, даже наоборот, — мастер платил родителям ученика. Так, по 5 рублей в год должен был платить колокольный мастер Дмитрий Федорович Моторин своему ученику И. Князеву (приложение №31). Иногда родители брали вперед плату за отдаваемого в ученье подростка или договор осложнялся одновременным займом, и в таком случае сходство с обычного типа «жилой записью» было полное. Юридически отдача в ученье ничем не отличалась от отдачи «во двор».

Жилые записи на ученичество — уже новый юридический документ, принципы которого не предусмотрены в Соборном уложении, и их только могли по сходству приравнять к положениям о найме. Для придания жилым записям силы закона, они обязательно должны были регистрироваться (записы-

ваться) в книге приказа Холопьяго суда, или в Записные книги Новомещанской съезжей избы в Мещанской слободе Москвы, либо Царской мастерской палаты и др., если ученик и учитель находились в их ведомстве, и, наконец, в книгах Казенного приказа.

Анализируя процесс заключения договоров *мастер — ученик*, следует иметь в виду, что при регистрации «жилой записи» взималась пошлина. Пошлинами записи облагались очень различно. В самих записях иногда указывалось основание для определения размера пошлин и информация об ее размере. Так, в некоторых записях говорилось, что пошлины берутся «с заряду» (неустойки), обычно с 1 рубля 1 алтын. В среднем пошлина составляла от 3 алтын до 1,5 рублей. Возможно, она зависела от имущественной состоятельности мастера.

Без регистрации жилые записи, согласно статье 45 главы XX Уложения, теряли свою силу, и никакие претензии обеих сторон не принимались во внимание. Таким образом, регистрацией узаконивались взаимоотношения между учителями-мастерами и учениками, кроме того, ученики, как будущие ремесленники, брались на учет в соответствующих Приказах и местных учреждениях. В этом сказывалось своеобразие в организации ремесленного производства.

В запись на выучку колокольному мастерству вносились обычные условия жилой записи: родители или опекуны отдавали детей для обучения колокольному делу на урочные годы, ученик живет на полном обеспечении хозяина, а за выучку и содержание *платит* в течение урочных лет своей работой.

В жилой — учебной записи, во-первых, определяется срок, на который поступает ученик в обучение. В отличие от обычных жилых записей срок этот не продолжительный. Чаще всего срок пятилетний. Эти пять лет не являются случайностью; они соответствуют требованиям ст. 116 главы XX Соборного Уложения, которое запрещало записывать в книги детей посадских людей на срок более продолжительный, чем пять лет (приложение №32). Но бывали случаи, когда он достигал и 15 лет. Свыше пятилетнего срока ученик обязан был жить у мастера в возмещение «за учение», за одежду и т. п., а также «из найму».

Запись обязывала ученика слушаться мастера «без прекословия, быть во всем послушну», а мастера — подготовить квалифицированного специалиста. Небрежное исполнение мастером своей обязанности учить ремеслу служило мотивом для разрыва договора²²⁶. Таким образом, договор четко устанавливал отношения между мастером и учеником, который в какой то мере ограждал личность ученика от возможных злоупотреблений со стороны мастера. Если ученик, поступая в обучение, опасался этого, то и последний должен был принимать меры к ограждению своих интересов в случае ухода до срока или бегства ученика, и в особенности в случае краж и воровства. Для этого, в полном соответствии со ст. 45 гл. XX Уложения (приложение №33), мастер, принимая ученика, требовал поручительства со стороны его родственников или посторонних лиц, при этом устанавливалась степень их ответственности за нарушение договора. Поэтому *жилые записи* закреплялись *поручными записями* — в случае нарушения учеником своих обязательств поручители должны были уплатить неустойку — «зарядье».

Составлялась «запись с неустойкой, а в этой записи написано, буде урочных лет не доживет», и «мастеру взять на отце ученика и его товарищах (порутчиках) известное зарядье». Размеры неустойки были различные: от 10 до 50 рублей²²⁷. Поручители, со своей стороны, опасаясь «охолопления» учеников мастерами, следили за тем, чтобы после окончания обучения, мастера возвращали жилые записи на ученичество их подопечным ученикам. Это также оговаривалось в записях: «и на отживе ему Федору его Ивана от себя отпустить и ся запись выдать»²²⁸.

Ученик поступал в полное распоряжение мастера. От него он получал квартиру, одежду, обувь и стол. Мастер должен был обучить своего ученика тому, чему «сам горазд, бескорыстно ... учить сколько ему возможно и как будет разум ему сдюжит ко ученью». Договором предусматривались меры по обеспечению дисциплины учеников. Так, мастер имел право в случае бестактности, грубых проступков, а особо «за пьянство и за всякое дурно смирать смотря по вине». В то же время в договорах специально подчеркивалось, что наказание за

проступок не должно быть жестоким: «ему Афонасью (мастеру. — А.Б.) его Дмитрейка (ученика. — А.Б.) ничем не изувечить, руки и ноги не переломать и глаза не выколоть».

Весьма характерна в этом смысле «жилая запись», которая подробно регламентирует нормы поведения ученика: «Се аз Скопина города Дмитрей Федоров, в нынешнем в двести третьем году декабря в третий надесять день дал я сию запись мастеру Ивану Федорову сыну Моторину в том: жить мне Дмитрею у него Ивана во дворе его с вышеописанного числа впредь пять лет до такоже числа, и живучи мне его во всем его Ивана и жены и детей его слушать и почитать и всякая работа, что он Иван заставит работать, не пить и не бражничать и никаким воровством не воровать, живота его не покрасть и не сбежать, и не дожив сроку про не отойтись и убытков никаких не доставить, пить и есть и одежда и обувь носить мне все его хозяйство, а найму рядил я на год по четыре рубли, и те деньги взять на отживе. А во всем прожив сей записи порукою по мне писались...» (далее следуют подписи поручителей)²²⁹.

Весьма важным было то обстоятельство, что ученик, кроме годов ученья, иногда обязывался еще по окончании прожить известный срок у мастера, очевидно, уже в качестве работника. Возможно, это был период, когда ученик назывался «подмастерьем». Став подмастерьями, ученики получали большую компенсацию за свой труд, но не исключалось, что они могли работать даром, в уплату за учение. Нам известно лишь несколько случаев оговорки в «жилой записи» о компенсации за труд учеников.

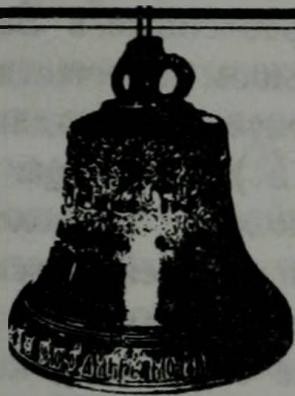
Исследователь организации ремесленного ученичества на Руси XVII века Е.Н.Тальман пришла к выводу, что «...ремесленные ученики в своем большинстве были детьми посадских людей. Только небольшое количество учеников было детьми крестьян, принадлежавших крупным вотчинникам, гостям, дьякам и иноземным служилым людям»²³⁰. В учение к мастерам поступали как молодые люди, еще находящиеся на попечении родителей, так и взрослые, вполне самостоятельные. Такие записи интересны тем, что они полны всяких оговорок и гарантий. В конкретном случае мы встречаем одну довольно

любопытную запись (приложение №34). Крепостной крестьянин Ярославского уезда В.Денисов поступил к колокольному мастеру Дмитрию Моторину на 5 лет для «научения» колокольному мастерству, причем должен был получать в год по 40 рублей. Ясно, что в данном случае речь идет об оплате за труд ученика. Судя по цене годовой платы, а также по тому, что у того же колокольного мастера другие ученики получали только по 5 рублей в год, — это уже не совсем обычный ученик, а, вероятно, довольно опытный работник. Есть и еще любопытная черта этой «записи на ученье»: подрядившийся в ученики обязуется делать у своего мастера колокольное дело без всякой хитрости, но в то время, когда у его хозяина колокольного дела не будет, ему предоставляется право брать работу *на себя* и делать ее *на сторону*. В документе по сему поводу говорится: «...а в которое время его, Дмитриевых, колокольных дел не будет и мне, Василью, в то время колокольное дело делать про себя и на сторону вольно»²³¹. Таким образом, ученик, будучи еще в учении, выговаривает себе право на самостоятельную отливку колоколов, да к тому же в свою пользу.

Анализ обучения колокольному ремеслу в Московской Руси XVII века позволяет сделать вывод, что выработанная не одним поколением и закрепленная государством система обучения являлась очень эффективной и прогрессивной. Коллективный опыт собирался, множился и прорастал в новых и новых поколениях. Развитием традиции и закономерным следствием высокого уровня ремесленного ученичества в колокольном деле в XVII веке стало создание в середине следующего столетия Иваном Федоровичем и Михаилом Федоровичем Моториными Царь-колокола Московского Кремля.

Глава 4.

ДЕКОРАТИВНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КОЛОКОЛОВ

Стремление к орнаменту — украшению — свойственно человеку. Он всегда старался украшать все предметы своего обихода. Относительно декорирования колоколов еще в конце XI — начале XII века монах Теофил в своем трактате «Краткое изложение различных искусств» писал, что поверхность колокола необходимо украшать цветами или буквами, так как такое украшение вещи знаменует окончание работы над ней²³².

В разные времена у разных народов орнамент выражался в различных формах соответственно степени их экономического и культурного развития. Отсюда бесконечное

число стилей и их разновидностей, которые быстро становились модными, распространялись на далекие расстояния, перенимались другими народами. Передавались они различными способами: и через отдельные предметы, перевозившиеся через границы государств торговыми путями, и через различных специалистов, приглашавшихся для работы в других странах, и через руководства, которые всегда и везде существовали в том или ином виде.

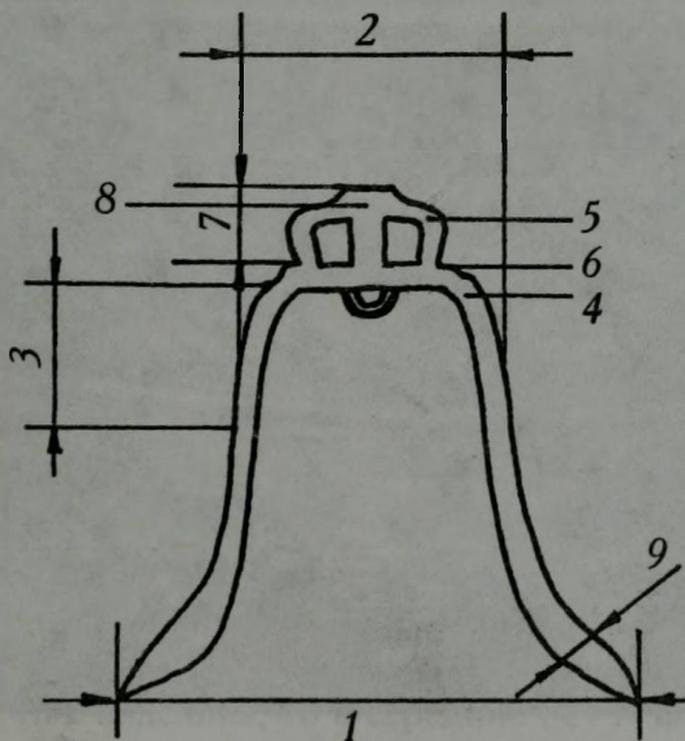
С 1530-х гг. воздействие итальянской культуры на русское искусство ослабевает и уступает место немецкому, усилившемуся в связи с распространением в Западной Европе Реформации, которая выбросила на русский рынок вместе с религиозными идеями множество предметов культа, вероятно, из разрушенных католических храмов. Награбленные в Западной Европе церковные ценности в большом количестве сбывались на Руси. Об этом свидетельствует Г.Штаден: «Сюда (Пермь и Соль Вычегодская. — А.Б.) голландцы и антверпенские торговые люди привезли несколько сот колоколов, которые были взяты из монастырей и церквей, и всякого рода церковные украшения — венчики, светильники от алтарей, медные решетки с хор, церковные облачения, кадильницы и многое множество подобных вещей»²³³. Необходимо отметить, что итальянские и немецкие образцы не воспринимались слепо русскими художниками, а подвергались своеобразной творческой обработке.

В XVII веке Москва играла исключительную роль в художественной жизни Руси. Для работы в ней привлекались лучшие мастера и художники разных специальностей, которые обменивались между собой достижениями в ремесле и творчестве. Поэтому в Москве XVII века мы находим элементы и балканского, и неовизантийского, и ренессансного орнаментального искусства. Проникнув на Русь в различное время, они адаптировались в новых условиях, развились и, получив в начале XVII века мощный толчок, связанный с подъемом патриотических чувств, национального сознания и самопознания, так мощно развились на русской почве, что превзошли все западноевропейские образцы. Это отразилось на орнаментике самых разнообразных предметов: от миниатюры и

заставки в книге, от тисненого узора на кожаном переплете до тяжелого артиллерийского орудия или колокола, отлитого русскими мастерами.

От XVII века до нас дошло очень небольшое число подписных и орнаментированных колоколов работы московских мастеров. Сохранившиеся московские колокола XVII века представляют собой ценные исторические источники, как памятники производства, культа, письменности. Почти все они снабжены ценнейшими надписями-летописями и имеют богатые орнаментальные украшения, что позволяет рассматривать их как произведения декоративно-прикладного искусства, со всем комплексом признаков, свойственных данному виду художественного творчества.

Для отливки больших, с рельефными надписями и орнаментами московских колоколов необходим был значительный опыт. Все сохранившиеся до настоящего времени московские колокола XVII века очень близки между собой по форме. Их отличают стройные пропорции и плавные линии профиля. По приемам же декоративного убранства они очень разнообразны. Для удобства восприятия приводится схема, с указанием названий частей колокола, которые будут упоминаться в тексте.

Части колокола:

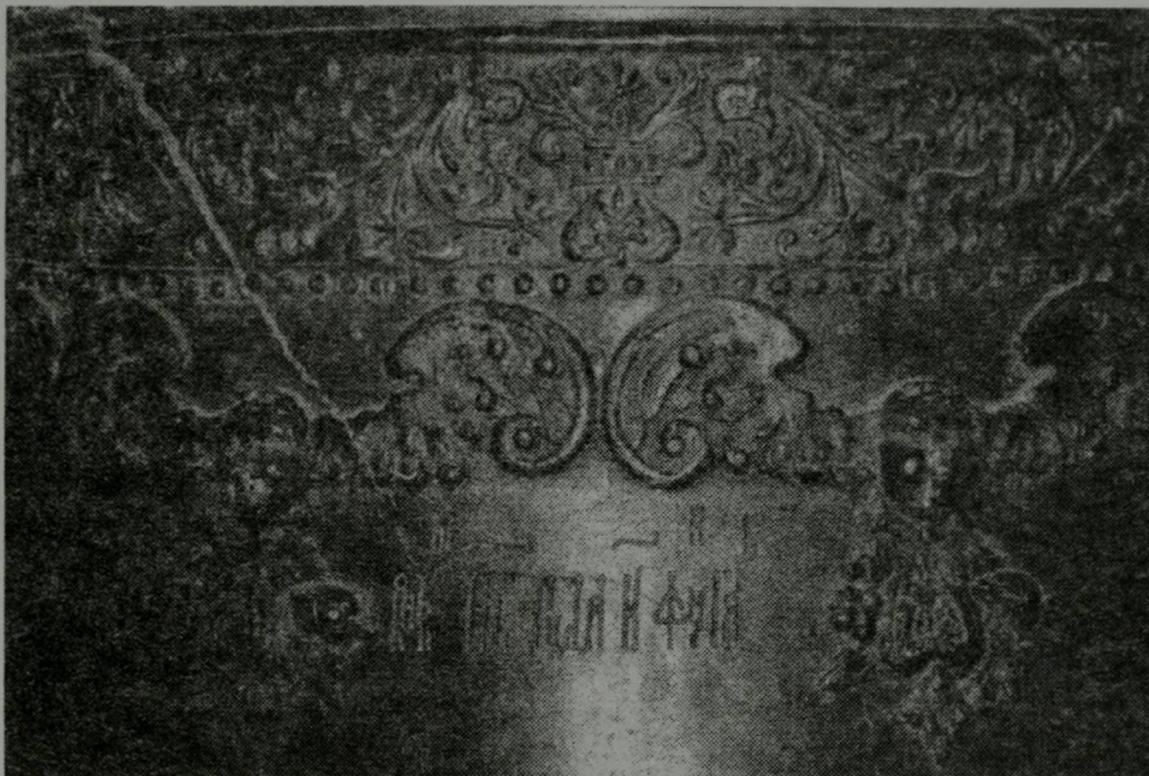
- 1 — нижний диаметр;
- 2 — верхний диаметр;
- 3 — верхняя часть тулова;
- 4 — плечо;
- 5 — уши;
- 6 — сковорода;
- 7 — корона;
- 8 — маточник;
- 9 — бой.

В XVII веке очень ярко прослеживается процесс развития колокольной орнаментики московских колоколов. Корни ее уходят в Византию, культура которой принесла на Русь более органическую и сложную интерпретацию мироздания. Одним из ее проявлений и явились особенности декоративного убранства русских колоколов.

Это, прежде всего, гибкий стебель виноградной лозы, раскинувшийся на поверхности колокола. Его завитки с условно трактованными листьями укладывались в спиральные узоры, имевшие нечто общее с неовизантийским орнаментом и традиционной сканью. Он отнюдь не является копией реального растения. Мастер изображает его прообраз, произрастающий из райского сада. Образ райского сада постоянно присутствует в декоративном оформлении московских колоколов XVII века, которые практически все богато орнаментированы. В это время они украшаются растительными узорами, в которых стремление к симметрии сочетается с натурализмом орнаментальных мотивов.

Фрагмент декора колокола XVI в.

Фрагмент декора колокола XVII в.

Колокола первой половины XVII века оформлены сдержанно, но лучшие из них отмечены изысканностью, присущей произведениям московской работы конца XVI — начала XVII века. Сама форма колокола располагала к поярусной декорировке. Декоративный фриз, состоящий из поясов различной ширины, размещается в верхней части тулова. Его пояса отделяются друг от друга выпуклыми валиками. В самом центре декоративного фриза помещается литая надпись. Если она отсутствует, то ряд пуст. Выше этого пояса отделенный двумя валиками, колокол опоясывает фестончатый орнамент, либо состоящий из ритмично повторяющихся «пальметт», либо представляющий узенький фриз из трилистников. К середине XVII века он все чаще заменяется повторяющимися клеймами пышного орнамента растительного характера — мотивом, типичным для этого времени. В этом сказываются новые вкусы времени, отразившиеся в укрупнении орнамента, который становится более пышным и зрительно утяжеляет формы колокола.

Если ранее жемчугом низались контуры рисунка на вышитых изделиях, то к середине XVII века так называемые «жемчужники» — ряд рельефных бусин-перлов, опоясывают тулова

колоколов у валиков, выделяющих пояса фриза. Хрупкая изысканность *годуновского* искусства постепенно сменяется массивностью, телесностью, не переходящими, однако, в тяжеловесность благодаря точно найденному соотношению декоративного убранства и формы колокола. Это стремление к торжественной пышности справедливо объясняется становлением русского абсолютизма.

Новая иконография декоративно-прикладного искусства попадала на Русь и усваивалась русскими мастерами в про-

Колокол Дмитрия Моторина 1687 г.

*Часть декора колокола
Дмитрия Моторина.*

цессе совместной работы с европейскими коллегами. В Посольском приказе хранились, например, «книги мастерские к резному делу» — альбомы гравюр-образцов, широко бытовавших тогда в Западной Европе. Очевидно, подобные образцы имелись и для колокольных резчиков. Помимо новой иконографии, в русском декоративно-прикладном искусстве XVII века можно обнаружить и новые техники, сильнейшим образом изменившие облик его традиционных видов или даже послужившие возникновению новых областей этого искусства, ранее не известных на Руси. Так, в середине XVII века в связи с приездом на Русь белорусских резчиков распространился новый тип резьбы — высокорельефной, иногда прорезной, требовавшей от колокольных литейщиков высочайшего профессионализма и совершенного владения мастерством.

В этом отношении удивителен и неповторим прорезной колокол Дмитрия Моторина, отлитый в 1687 г. Это единственный и неповторимый в своем роде колокол. Создается впечатление, что на верхнюю часть его тулова наброшена кружевная вуаль, через которую просматривается удивительный фантастический мир, в котором обитают сказочные драконы и хищные грифы. Порой их трудно разглядеть в необычайном переплетении растительных мотивов. Широкий декоративный фриз доходит до середины тулова колокола и состоит из трех поясов. В центре фриза расположен прорезной

пояс. Он представляет собой попарно расположенные рога изобилия и головы драконов, как бы смотрящих друг на друга. Верхний, более узкий пояс, выполненный в невысоком рельефе, состоит из ритмично повторяющегося *рапорта* с симметрично расположенными головами грифов, увенчанной короной и тем самым очень напоминающий герб. Нижний пояс это зеркальное отображение верхнего. Не менее необычно и тем более удивительно решение *маточника* колокола, который вылит в виде головы человека с открытым ртом, как бы поющим. *Уши* колокола издали кажутся руками человека, поднятыми к голове, но при ближайшем рассмотрении они оказываются плывущими рыбами. Причем прекрасно чувствуется динамика движения. И такое богатство декора на колоколе относительно небольшого веса, всего чуть более 76 кг! В его оформлении чувствуется художественный замысел профессионала, воплощенный с незаурядным мастерством.

Колокола с самого начала имели культовое назначение и использовались в храмовом действе. Орнаменты на них были призваны не воспроизводить действительный мир, а воздействовать на него. Поэтому порой так экзотичен декор колоколов, в который включены изображения львов, единорогов, грифов, фантастических животных и птиц, сидящих на ветках райского сада. Во второй половине XVII века объемность — пока еще в виде высокого рельефа — начинает активнее проникать в декоративное оформление московских колоколов. Рельеф их декора стал гораздо более высоким, сложным, виртуозным и порой создавал ощущение торжественной пышности и в то же время строгого благородства.

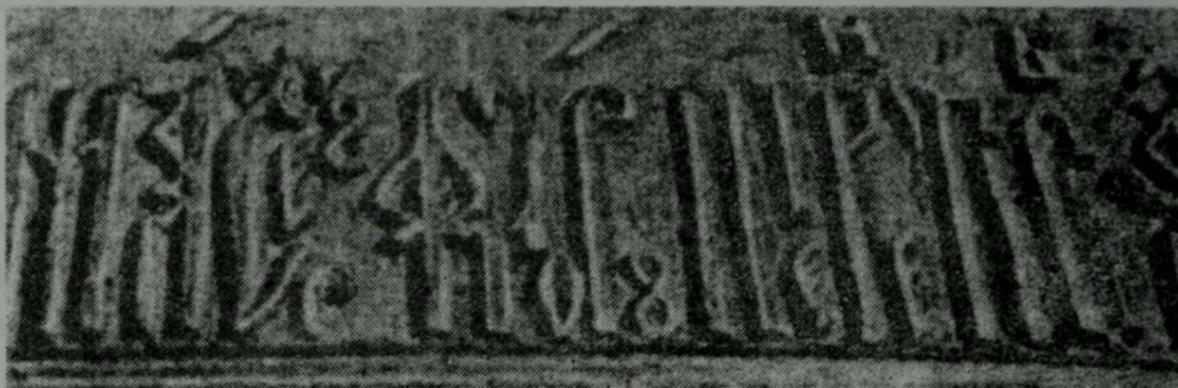
На протяжении XVII века «древлеправославное» византийское искусство, культивируемое при дворе, постепенно подвергалось западноевропейскому влиянию и приобретало все больше новых черт. Адаптированные в высокопрофессиональной художественной среде ювелиров, резчиков, вышивальщиц, они легко усваивались затем на самых разных уровнях, в разной социальной среде. При этом свобода обращения к европейским прототипам в прикладном искусстве была относительно большей, чем в архитектуре или живописи. Это обеспечило возможность перенесения на Русь во второй поло-

вине XVII века видов и форм декоративно-прикладного искусства с присущей им иконографией. Прежде всего, это относится к иконографии орнамента. В последней четверти века характерными стали полнокровные орнаменты стиля барокко в двух главных разновидностях, которые можно условно обозначить как «циротный набор» и «цветочный стиль». Словом «цироты» (от нем. *zieraten* — украшения) резчики XVII века называли связки плодов и цветов, иногда подвешенных в виде гирлянд, иногда собранных в пучки или корзины.

Эту разновидность характеризуют подчеркнутая массивность и тяжеловесность, введение в орнамент лопнувших плодов граната, виноградных гроздьев, фантастических цветов и шишек в сочетании с листьями аканта²³⁴, украшенными бусинами-перлами. Виноградные листья становились то массивнее, то изысканнее, напоминая акант; перемежались фантастическими цветками с хищно вытянутым, будто шевелящимся венчиком. Эта «оживотворенность» резной флоры отвечала общему стремлению к «живоподобию», более всего проявившемуся в следующем XVIII веке.

Важнейшее значение в убранстве тулова колокола имеют строки рельефных надписей, в отличие от орнаментики мало претерпевшие изменения на протяжении XVII века. Украшение надписями, подчас выполняющими самостоятельную художественную задачу, было свойственно русским мастерам разных специальностей с ранних времен русской истории, и в XVII веке эта традиция не угасла, а, наоборот, получила еще большее развитие. В это время надписями украшалась посуда, предметы церковного обихода, светильники. Надписи на них, искусно выполненные в технике гравировки или чеканки, являются неотъемлемой частью изящного декора этих предметов.

Судя по летописным указаниям, сохранившимся монастырским записям и многочисленным надписям на колоколах, мы видим, что русские цари, бояре, дьяки, купцы создавали на свои средства колокола и жертвовали их монастырям и приходским церквям. Вот почему в прежние времена колокола и носили названия: *царский*, *боярский*, *купеческий*, *посадский*, *святительский* и проч.

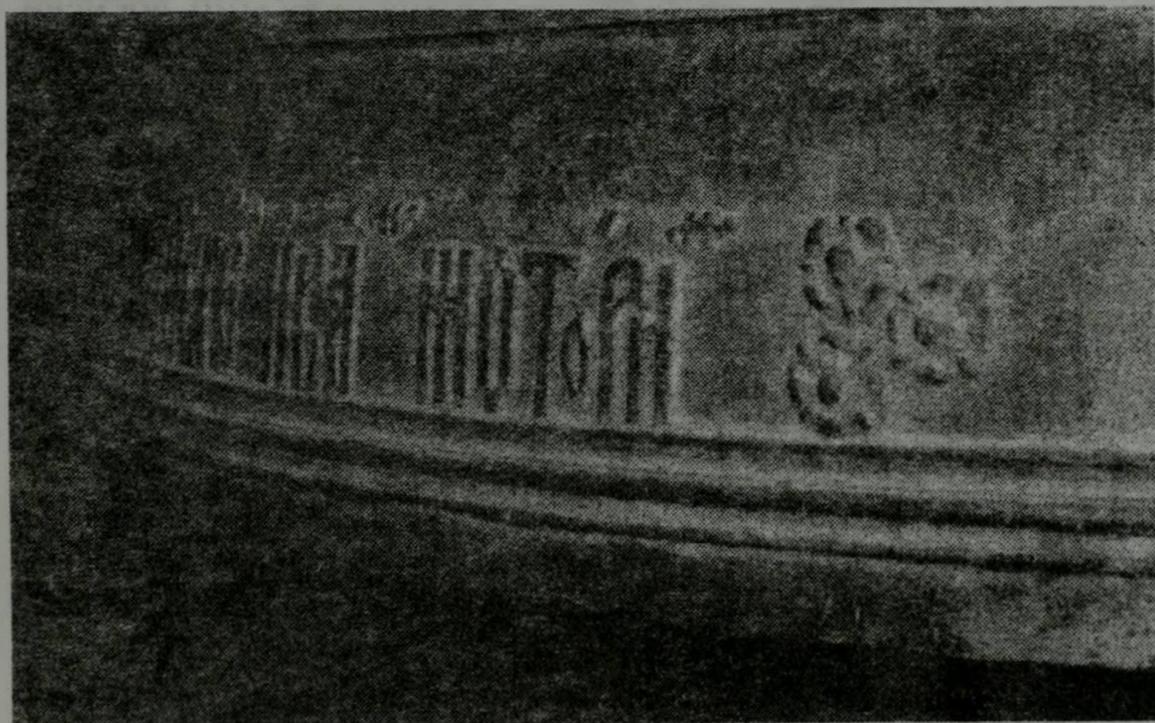

Надпись на колоколе 1688 г. Сысой Флора Терентьева.

Надписи на московских колоколах XVII века были двух видов: вылитые и вырезанные (выгравированные). Иногда на одном колоколе была только литая надпись, иногда — только выгравированная, порой присутствовала и та, и другая. Для русских колоколов, в отличие от западноевропейских, характерны пространные тексты, и в XVII веке эта особенность развивается.

Литые надписи наиболее интересны с точки зрения декоративного убранства колокола. Они, как правило, помещались на заказных колоколах, то есть отлитых либо по повелению царей, либо по желанию другого заказчика. При поступлении заказа всегда четко оговаривалось содержание текста, который будет нанесен на колокол. Обычно такие надписи помещались в верхней части тулова колокола и внизу на юбке. Нижняя надпись содержала информацию о мастере, отлившем колокол, и являлась его подписью, своеобразным автографом: «**ЛИИ СЕИ КОЛОКОЛ МАСТЕР ФЕДОР МОТОРИН**», «**ЛИИ СЕИ КОЛОКОЛ МАСТЕР МИХАЙЛА ПИДЫГИН**» и др. Такие автографы помещались, как правило, лишь на колоколах значительных размеров — от 60 пудов (около 1 тонны) и выше. Хотя известны случаи, когда на небольших колоколах стояло имя мастера, а на колоколах в 600, 1 000 и даже более 2 000 пудов (32 т) его не было. Так, на упомянутом выше колоколе 1687 г., весом всего 4 пуда 27 фунтов (около 76 кг), отлитом для церкви Покрова в Медведкове, мастер Дмитрий Моторин поставил свое имя, а на колоколе 1600 г., весом 2 450 пудов (40 тонн), отлитом для Успенского собора Московского Кремля, имя его автора указано не было. От чего же это зависело?

Рассмотрим причины, по которым в первом случае подпись мастера на колоколе стоит, а во втором — нет. Колокол 1600 г. был новым Большим благовестником — крупнейшим не только в Москве, но и во всем христианском мире того времени и вызывал восхищение у современников, которые говорили, что подобной величины и такой красоты нельзя найти ни в каком царстве во всем мире. Перелитый из прежнего Царя-колокола с прибавлением в весе, так называемый Годуновский колокол затем трижды переливался и дошел до наших дней под именем Большого Успенского²³⁵. Так как на таких больших колоколах каждый орнамент, каждая буква надписи согласовывалась с Великим Государем, отсутствие имени мастера на этом, а также на других *годуновских* колоколах, видимо, не случайно. Борис Годунов не считал нужным ставить на колоколах имя ремесленника рядом с царским именем, даже если этим ремесленником был знаменитый пушечный и колокольный мастер, ведущий литейщик Пушечного двора Андрей Чохов, чье авторство нам стало известно из сохранившихся документов Пушкарского приказа²³⁶. Ведь необычайный размер и красота колокола были способны прославить имя мастера, а имя царя отодвинуть на второй план.

Надпись на колоколе 1692 г. Ивана Моторина.

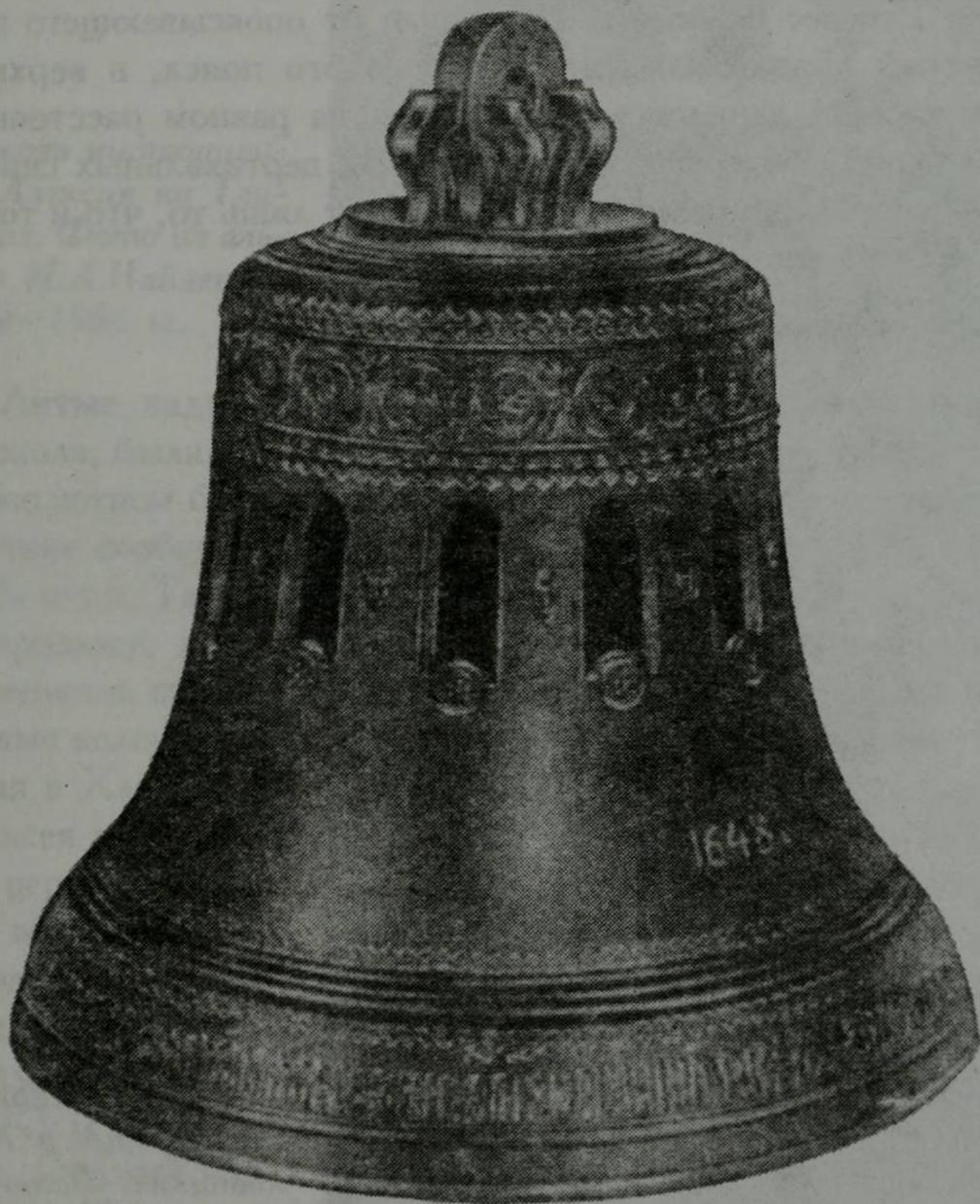

Царь Борис Годунов. Из «Титулярника» 1672 г.

Время, разделяющее эти колокола, значительно. Оно составляет 87 лет — самое начало XVII века и почти его конец. То, что было характерно для *годуновского* времени, ушло вместе с доромановской эпохой русской истории безвозвратно. *Подписной* колокол был отлит уже не на Пушечном дворе, а на частном колокольном заводе Моториных. Это был специальный заказ князя В.В.Голицына, носившего титул «царственные большие печати и царственных великих посольских дел обергегатель ближний боярин и наместник новгородской», о чем не без гордости сообщает надпись на колоколе и свидетельствует об особой знатности и богатстве владельца. Интересно своеобразное примечание в конце надписи: «...и сему колоколу быть у той церкви божией в вьски неотъемлемо». Это говорит о том, что колокол как бы передается по наследству всем, кто в настоящем и будущем будет слушать его звон с колокольни этой церкви. Но не только время и место определило наличие подписи мастера. В начале главы подробно описывался декор этого уникального *прорезного* колокола, дошедшего до нашего времени. Возможно, он вообще был единст-

венным и неповторимым в своем роде. Поэтому гордый своим детищем мастер не мог не вылить на нем свое имя.

Но это вовсе не значит, что в России больше не делали прорезных колоколов. Сохранился еще один прорезной колокол. Его отлил в 1648 г. Емельян Данилов. В своей челобитной царю Алексею Михайловичу мастер говорит: «а ведомо, Государь, то наше рукодельюшко тебе...: вылил я, Омелько, прорезной колокол, что и ныне стоит у тебя, Государя, на Сытном дворе» (приложение №23). Для какой церкви был отлит этот колокол — неизвестно. Известно лишь, что

Колокол Емельяна Данилова 1648 г.

отлит он был по царскому повелению, о чем нам сообщает расположенная на его юбке надпись:

«БОЖИЕЮ ЛЮБИМОЮ И ПОСЛАВНЮЮ БЛАГОБЕРНАГО И БЛАГОЧЕСТИВАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ГОСУДАРА ЦАРЯ И БЛАГОГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦА САНТ КОЛОКОЛЪ В ПРЕИМЪННОМЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ В ЛѢТО 7156 (1648 г. — А.Б.) ГОДУ В 3 ЛѢТО ЦАРСТВА ЕГО А ВѢСУ В НЕМЪ 60 ПУДОВЪ».

В конце XIX века колокол находился в Алексеевском монастыре, в настоящее время — в музее «Коломенское». Он превосходит колокол Д.Моторина своим значительным размером. Его вес 60 пудов. В отличие от опоясывающего моторинский колокол ажурного прорезного пояса, в верхней части тулова даниловского колокола на равном расстоянии друг от друга по кругу расположены 12 вертикальных сквозных окошек. Обе эти работы объединяет лишь то, что и тот и другой — прорезные.

Церковь Николая Чудотворца в Хамовниках. Фото из альбома Н.А.Найденова. 1882–1886 гг.

Церковь митрополита Алексея на Глинищах. Фото из альбома Н.А.Найденова 1882—1886 гг.

Литые надписи, размещенные в верхней части тулова колокола, были как краткими, так и достаточно длинными, но в абсолютном большинстве более пространными, чем нижние. Краткие сообщали обычно дату отливки: «лѢТѢ 7199», «лѢТѢ 7200» и т.п. Такие надписи наносились на колокола, сделанные на продажу, а не по заказу. Наибольшее количество таких памятников относится к 1680—1690 гг. XVII века. Это подписные колокола: Михаила Ладыгина 1685 г. для церкви Николая в Хамовниках, Михаила Моторина 1691 г. для церкви Алексея митрополита на Глинищах, Ивана Моторина 1692 г. для церкви Иоанна Богослова в Бронниках и др. Характерно, что все они отлиты не на Пушечном дворе, а на частных заводах: Моторина и Ладыгина, которые в большинстве случаев работали на рынок, а имя мастера на таких колоколах являлось как бы его фирменным знаком.

XVII век был особой эпохой в истории Русского государства. Русский народ переживал первый век своего патриаршества. Патриархи Иов и Гермоген были героями борьбы со Смутой, а Филарет и позже Никон правили вместе с царями.

Патриарх Филарет. Из «Титулярника» 1672 г.

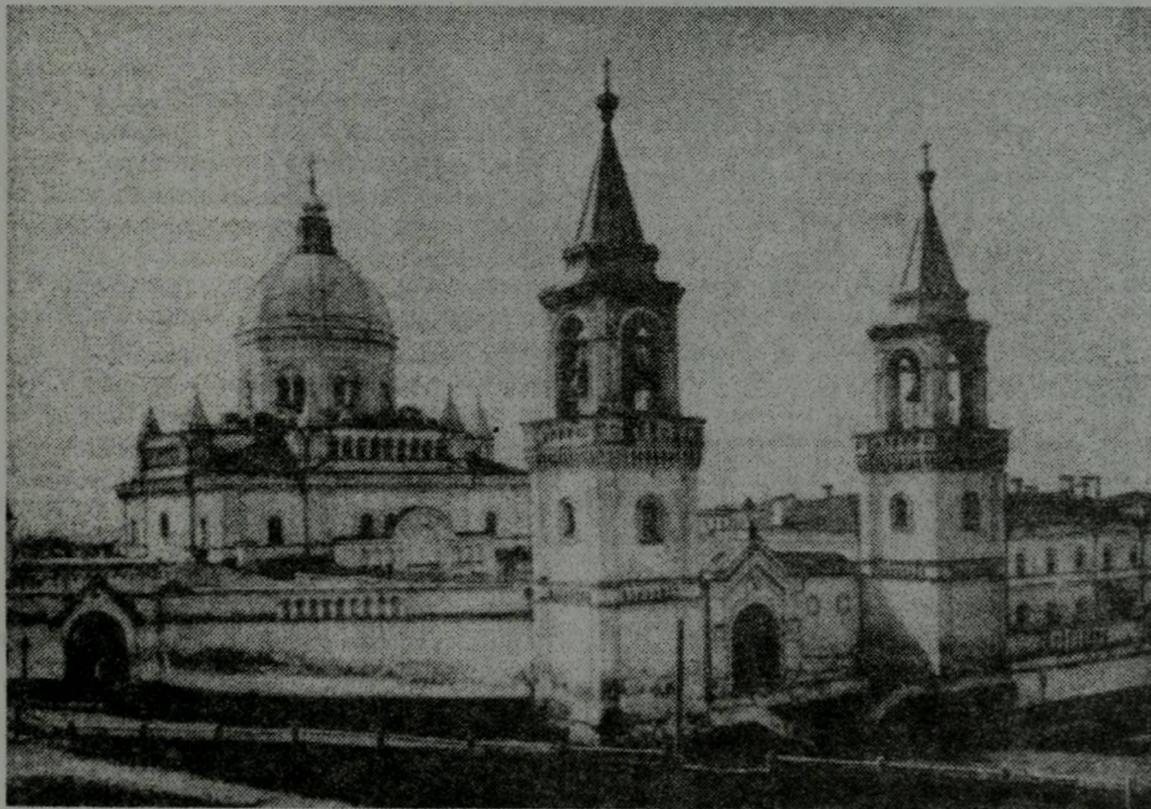
С восшествием на Российский престол родоначальника династии Романовых Михаила Федоровича и с возвращением из плена Филарета, начинается невиданный доньше подъем колоколотейного дела. Деятельность Пушечного двора с преимущественного литья артиллерийских орудий в начале XVII века переключается на массовое литье колоколов. Поэтому ко времени правления Михаила Федоровича (1613–1645) относится наибольшее количество так называемых *царских* и *патриарших* колоколов, то есть тех, которые были вылиты «по повелению» российских государей и патриархов. На этих колоколах отливались самые пространные надписи.

Начиная с 1616 г. царские указы на отливку колоколов для московских монастырей, соборов и церквей следуют один за другим. Царским повелением отливаются колокола на Успенскую звонницу Кремля, среди которых знаменитый чоховский Реут 1622 г., для московских монастырей: Богоявленского (1616, 1617 гг.), Новоспасского (1617, 1621 гг.), Симонова (1621, 1627 гг.), Новодевичьего (1621, 1628, 1630 гг.), Чудова (1634 г.), Ивановского (1641 г.), Алексеевского (1648 г.),

для таких соборов как Покровский (1621 г.) и Казанский (1637 г.), а также целого ряда церквей. Сведения обо всех этих колоколах, за редким исключением, почерпнуты именно из вылитых на них надписей.

Ни до Михаила Федоровича, ни после него, ни при одном российском государе не отливалось такого большого количества колоколов. И совершенно естественно, что практически на всех колоколах этого периода в верхней части их тулова помещалась литая надпись, начинающаяся словами: **«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИ САМОУДЕРЖЦА...»**

При жизни патриарха Филарета обязательно добавлялось: **«...ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ...»** Далее сообщалось название монастыря, собора или церкви, куда предназначался данный колокол. На некоторых колоколах перечислялось все царское семейство с титулами. В таком случае, надпись не помещалась полностью в одном ряду, и ее приходилось

Ивановский монастырь.

Фото из альбома Н.А.Найденова. 1882–1886 гг.

Портрет патриарха Никона.

продолжать во втором ряду и иногда даже на юбке. Надпись содержала также дату отливки и почти всегда имя мастера. Таким образом, на царских колоколах информация была максимально полной. Приведем пример такой надписи на 60-пудовом колоколе Симонова монастыря²³⁷: «ЛѢТА 7135 (1627. — А.Б.) мѣсяца майя в 20 день свѣт свѣи колокола при государе царѣ и великомъ князе михаилѣ Федоровичѣ всея русии само-

ДЕРЖЦЕ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ СВДОКИИ И ПРИ ИХ БЛАГОВЕРНЫХ
ЧАДЕХ ПРИ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ И ПРИ СВЯТЕЙШЕМ ПАТРИАРХЕ ФИЛА-
РЕТЕ НИКИТИЧЕ МОСКОВСКОМ И ВСЕЯ РОССИИ В ДОМ ПРЕЧИСТЫЯ
БОГОРОДИЦЫ В СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ ЛЕВ-
КИИ С БРАТИЕЮ. ДЕЛАИ МАСТЕР БОГДАН ВАСИЛЬЕВ».

В XVII веке литые надписи на колоколах писались, как правило, вязью. Верхние размещались в центре декоративного фриза между валиками, опоясывающими колокол. Шли они или сплошным текстом или разделялись на слова. Более ранние — помещались в самом центре, более поздние — постепенно смещаются к низу и как бы опираются на нижний валик.

При Алексее Михайловиче и патриархе Никоне развитие московской литейной традиции достигло своей наивысшей точки,

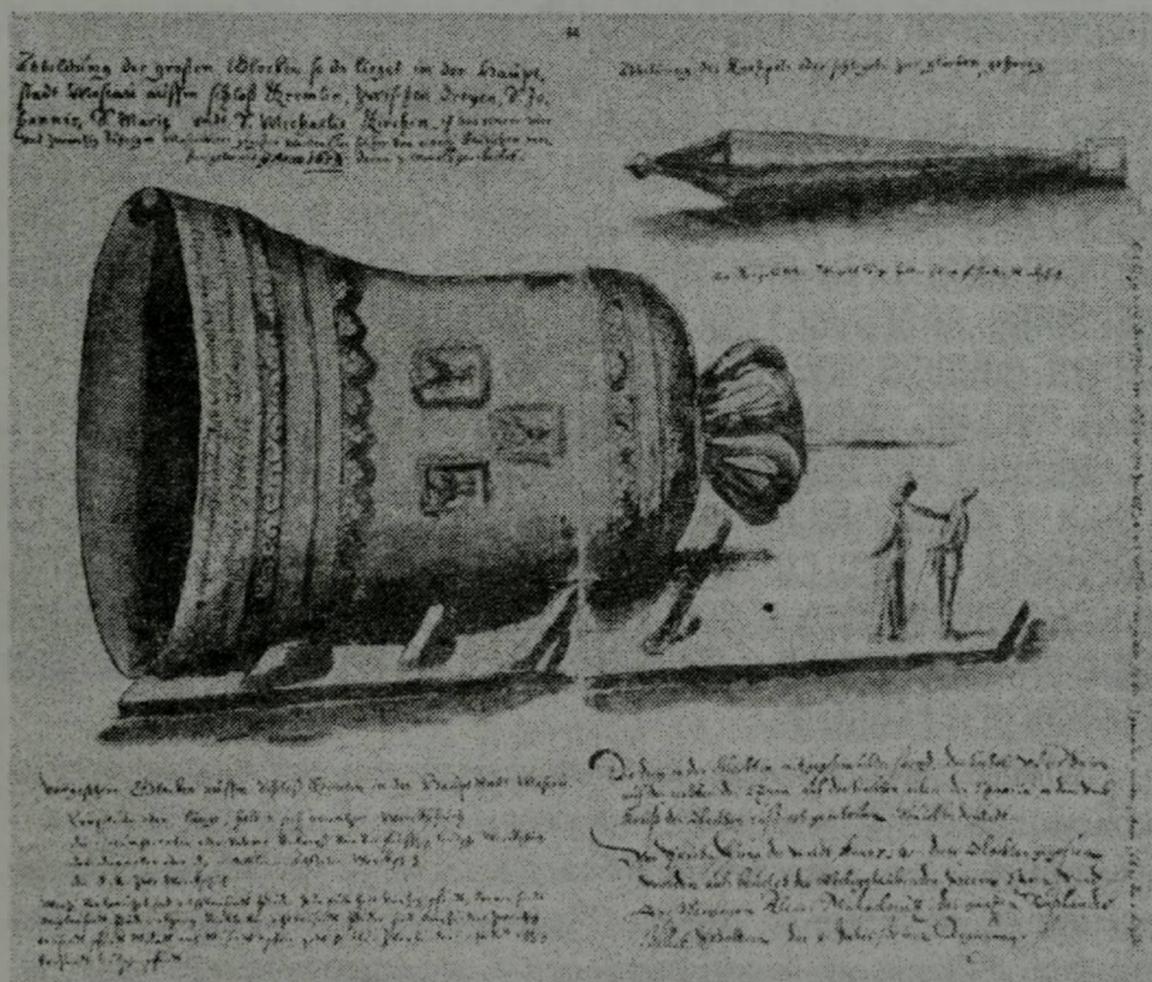
Колокол (1666 г.) патриарха Никона.

Царь-колокол Алек-
сандра Григорьева.
Э.Пальмквист.
«Путешествие в
Московию. 1673 г.»

когда были созданы редкостные по величине, декоративному оформлению и красоте звучания колокола. Поскольку монастыри и церкви Москвы в предшествующий период большей частью уже были обеспечены большими колоколами, Алексей Михайлович лишь несколько раз повелевает отлить колокола для московских монастырей. Гораздо больше внимания он уделяет Кремлевской звоннице и особенно очередному Царь-колоколу, тем самым восстанавливая традицию своих предшественников — Ивана III, Василия III, Ивана Грозного, Бориса Годунова. В данном случае речь уже идет о 8 000 пудах. Царский заказ выполнил в 1654 г. мастер Емельян Данилов. Но колокол звучал лишь несколько месяцев — в том же году он разбился от неловкого удара. К сожалению, мы не знаем, как был украшен этот колокол, и какие на нем были надписи. Документы не донесли до нас этих сведений. Мы можем судить об этом лишь только по аналогии. Сохранилось описание переливки этого колокола, которая была произведена годом позже — в 1655 г. молодым мастером Александром Григорьевым.

Оставил нам его П.Алеппский²³⁸ в своих путевых записках. Словесное описание колокола таково: «...Принялись очищать этот дивный колокол снутри и снаружи и полировать. При этом обнаружилось точное изображение царя и царицы, а над ними Господь Христос, их благословляющий. Они находятся на лицевой стороне колокола, на задней же стороне колокола изображение патриарха Никона... Под плечами колокола наверху изображены херувимы и серафимы с шестью крылами вокруг, а над ними идет кругом колокола надпись крупными буквами, а также есть надпись по нижнему его краю...»²³⁹ Это описание подтверждается изображением колокола, правда достаточно схематичным. Оно помещено в альбоме австрийского дипломата барона Августина фон Мейерберга²⁴⁰. Посетивший Москву в 1661 г. Мейерберг застал Большой Успенский колокол лежащим на земле. Очевидно, временная деревянная

Царь-колокол Александра Григорьева.
Из Аделунга «Альбом Мейерберга».

постройка, в которой был повешен колокол, не выдержала, и колокол упал без повреждения на землю. Только через несколько лет он был поднят на специально построенную колокольную, где провисел до пожара 1701 г., в котором и погиб.

Имея в распоряжении точные тексты надписей на других колоколах, отлитых по повелению Алексея Михайловича, видим, что они практически не претерпели никаких изменений со времени его отца Михаила Федоровича. Лишь все чаще царь в них называется «благоверным, благочестивым и христоролюбивым».

Такие же тексты сохраняются и при Федоре Алексеевиче и при последующих царях. Лишь иногда на колоколах значительных размеров допускаются витиеватые добавления, как, например, надпись на колоколе 1678 г. для Симонова монастыря: «**ВО ХВАЛУ И ВО СЛАВУ БОГА ВСЕМОГУЩА ВО ЕДИНОМ СУЩЕСТВЕ В ТРЕХ ЛИЦАХ СУЩА И В ЧЕСТЬ РОДИВШИЯ ВОПЛОЩЕННА СЛОВА СЕИ КОЛОКОЛ СОСТРОЕН ЕСТЬ НА СИМОНОВО В ОБИТЕЛЬ УСПЕНИЯ МАТЕРИ БОЖИЯ ДА ГЛАСОМ СЗЫВАЕТ В ХРАМ ЕГО ВЕЧНУЮ ХВАЛУ ЕМУ ОТ БЛАГИХ ВСЯЧЕСКИХ ДЯТИ И О НУЖДАХ МОЛИТВЫ ТЕПЛЫ ПРОЛИВАТИ СЛЯСЯ ЖЕ СЕИ КОЛОКОЛ В ЛЕТО ОТ СОЗДАНИЯ МИРА 7186, А ОТ РОЖДЕСТВА БОГА СЛОВА 1678 МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПРИ ДЕРЖАВЕ БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО ГОСУДАря ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКНЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦЕ ПРИ АРХИПАСТЫРСТВЕ ВЕЛИКОГО ГОСПОДИНА СВЯТЕЙШЕГО КИРЕ ИОАКИМЕ ПАТРИАРХЕ МОСКОВСКОМ И ВСЕЯ РОССИИ ОБИТЕЛИ ЖЕ ТОЯ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ ПАХОМИИ, А ЛИТ СЕИ КОЛОКОЛ ТОГО ЖЕ МОНАСТЫРЯ СИМОНОВА КАЗНОЮ, ВЕСУ В НЕМ 1 000 ПУД, ЛИЛ МАСТЕР ХАРИТОНКА ИВАНОВ СЫН ПАЦКОВ С ТОВАРИЩЕМ С ПЕТРОМ ХАРИТОНОВЫМ СЫНОМ ДУРАСОВЫМ».**

Менее значительная, но более обширная часть московских колоколов XVII века имеет на своем тулове надписи выгравированные. Это, естественно, более маленькие и более дешевые колокола, отлитые на рынок. По содержанию расположенных на них текстов их можно отнести к так называемым приходским колоколам, то есть тем, которые были «вложены» прихожанами в свои приходские церкви. Прихожане были предста-

вителями разных сословий Москвы: князья, стольники, дьяки, гости, посадские люди разных чинов и многие другие.

От первой половины XVII века известно два княжеских колокола. Оба они были вложены «на помин души» умерших родственников в московские монастыри во время Михаила Федоровича. В 1628 г. князь Н.М.Мезецкой вложил колокол «Георгию страстотерпцу в монастырь»:

«ЛѢТА 7151 (1643. — А.Б.) ДАД СЕИ КОЛОКОЛ ВКЛАДУ ГЕОРГИЮ СТРАСТОТЕРПЦУ В МОНАСТЫРЬ КНЯЗЬ НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ МЕЗЕЦКОЙ ПО СВОИХ РОДИТЕЛЯХ»²⁴¹.

В 1643 г. князь И.М.Воротынский вложил колокол в Новодевичий монастырь **«ЛѢТА 7136 (1628. — А.Б.) ГОДУ МАЯ В 3 ДЕНЬ ДАД СЕИ КОЛОКОЛ В ДОМ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ СМОЛЕНСКОЙ В НОВОДЕВИЧ МОНАСТЫРЬ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКОЙ ПО КНЯГИНИ МАРИИ КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ВОРОТЫНСКОГО ПО КНЯГИНЕ МАРИИ ПЕТРОВНЕ ПО СВОЕЙ МАТЕРИ И ПО СВОИХ РОДИТЕЛЯХ».**

Во второй половине XVII века содержание надписей на княжеских колоколах резко изменяется. В них как в зеркале отражаются социальные изменения в обществе. В произведениях декоративно-прикладного искусства словно воплощается социальный статус их хозяина. Характерна надпись на колоколе 1687 г. для церкви Покрова в Медведково. В ней, после даты, прежде всего, отмечается, что село Медведково Московского уезда с деревнями «по указу великих Государей»²⁴² дано в вотчину князю В.В.Голицыну с перечислением всех его титулов. Далее указывается, что «в том селе у церкви Покрова» ранее был колокол «прикладу» князя Д.М.Пожарского, но разбился, и тот разбитый колокол князь В.В.Голицын променял на больший. Тем самым князь не преминул еще раз превознести себя, равняясь со знаменитым Дмитрием Михайловичем Пожарским.

Прежде всего, надо отметить, что надпись содержит полный княжеский титул, ранее же с титулами писались лишь царские особы. Это объясняется тем, что В.В.Голицын при царице Софье, был чуть ли не равен правителю Руси, а также и тем обстоятельством, что в конце XVII века начинает зарождаться эстетика придворного церемониала, когда не только

Церковь Покрова
Богородицы в
Медведково.

персона царя, но и особы, приближенные к нему, занимали в ней исключительное место. Вот почему В.В.Голицын так старательно стремится показать свое исключительное место при дворе. Приведем полный текст надписи: «**ЛЕТА 7195 (1687. — А.Б.) ПО УКАЗУ ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЕЙ ДАНА ВОТЧИНА ЦАРСТВЕННЫХ БОИШЕ ПЕЧАТИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕЛИКИХ ПОСОЛЬСКИХ ДЕЛ ОБЕРЕГАТЕЛЮ БЛИЖНЕМУ БОЯРИНУ И НАМЕСТНИКУ НОВГОРОТЦКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОЛИЦИНУ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ СЕЛО МЕДВЕДКОВО 3 ДЕРЕВНЯМИ, А В ТОМ СЕЛЕ У ЦЕРКВИ ПОКРОВА ПРЕСВ. БОГ. КОЛОКОЛ ПРИКЛАДУ БОЯРИНА КНЯЗЬ ДМИТРЕЯ НИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО, ВЕСОМ БЫЛ ПУДЯ 28 ФУНТОВ И ТОТ РАЗБИТ, А НЫНЕ ПО ПРИКАЗУ БОЯРИНА И ОБЕРЕГАТЕЛЯ КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ТОТ РАЗБИТОЙ КОЛОКОЛ ПРОИМЕНЯН, А ВЗЯТ ВМЕСТО ТОГО СЕЙ КОЛОКОЛ ВЕСУ В НЕМ 2 П 4 Ф И СЕМУ КОЛОКОЛУ БЫТЬ В СЕЛЕ МЕДВЕ, ЧТО У ЦЕРКВИ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ВЕКН НЕОТЪЕМЛЕМО».**

В надписях на колоколах XVII века можно прочесть имена москвичей практически всех социальных групп. В 1616 г. дьяк Богдан Губин с сыном Василием вкладывают колокол, весом 9 пудов 1 фунт в церковь Николая Чудотворца в Столпах: «ЛѢТО 7124 (1616. — А.Б.) ГОДУ ГЕНВАРЯ В 28 ДЕНЬ В ДОМ К ВЕЛИКОМУ ЧУДОТВОРЦУ НИКОЛАЮ И СЕРГИЮ ЧУДОТВОРЦУ ПРИ ПОПЕ АЛЕКСЕЕ И ПРИ ПОПЕ КОНОНЕ, КОТОРЫЕ У НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА СЛУЖАТ, ДАД ДЬЯК БОГДАН ГУБИН И СЫН СВО ВАСИЛЕЙ СЕЙ КОЛОКОЛ ВЕСУ В НЕМ 9 ПУД ОДИН ФУНТ». В 1616 г. Я.Д.Петухов вложил колокол в Богоявленский монастырь: «ЛѢТА 7124 (1616. — А.Б.) ДАД СЕЙ КОЛОКОЛ ПО ДУШЕ ПО СВОЕЙ ЯКОВ ДМИТРИЕВ СЫН ПЕТУХОВ К ЧУДОТВОРЦУ БОГОЯВЛЕННИКУ В МОНАСТЫРЬ ЧТО НА МОСКВЕ ЗА ВЕТОШНЫМ РЯДОМ», а вслед за ним, в 1617 г., туда же вложил свой колокол А.Г.Витовтов: «ЛѢТА 7125 (1617. — А.Б.) ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ СЕЙ КОЛОКОЛ ДАД ВКЛАДУ В ДОМ В БОГОЯВЛЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ЧТО ЗА ВЕТОШНЫМ РЯДОМ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВ СЫН ВИТОВТОВ ПО ОТЦЕ СВОЕМ ГРИГОРИИ В ИНОЦЕХ СХИМНИКЕ ГЕРАСИМЕ ПО СЕБЕ И ПО ВСЕХ СВОИХ РОДИТЕЛЕХ».

Церковь Николая Чудотворца в Столпах.
Из альбома Н.А.Найденова. 1882–1886 гг.

Церковь Преподобного
Сергия Радонежского на
Б.Дмитровке.
Из альбома Н.А.Найде-
нова. 1882—1886 гг.

В 1636 г. прихожане церкви Сергия на Дмитровке сложились на колокол весом 8 пудов 22 гривенки: «ЛѢТА 7144 (1636. — А.Б.) ГОДА ДАЛИ СЕИ КОЛОКОЛ ПРИХОЖАНЕ СЕРГИЮ ЧУДОТВОРЦУ ЧТО НА ДМИТРОВКЕ МИНА БАВЫКА, ДА АРТЕМИЙ КАРПОВ, ДА АНДРОН ФЕДАЛѢВ, ДА СТЕПАН САМОЙЛОВ, ДА ВАСИЛИЙ ИВАНОВ, ДА ПУКА СЕМЕНОВ, ДА АФАНАСИЙ БОРИСОВ, ДА МАКСИМ».

В 1685 г. стольник С.И.Комсин вложил колокол в церковь Симеона Столпника на Поварской: «ЛѢТА 7193 (1685. — А.Б.) ГОДА АПРЕЛЯ В 4 ДЕНЬ СЕИ КОЛОКОЛ ПРИЛОЖИЛ К ЦЕРКВИ ВВЕДЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРЕПОДОБНОМУ СИМЕОНУ СТОЛПНИКУ СТОЛЬНИК СИМЕОН ИВАНОВИЧ СЫН КОМСИН ПО СВОЕЙ ДУШЕ И ПО РОДИТЕЛЯХ СВОИХ».

В 1689 г. стольники князя М.Ю. и И.Ю. Ухтомские вложили колокол в церковь Сергия в Старых Серебряниках: «ЛѢТА 7197 (1689. — А.Б.) ГОДА ВЫЛИТ СЕИ КОЛОКОЛ ПРИЛОЖИЛ СЕИ КОЛОКОЛ ОТ МАЛАГО СВОЕГО ПОДАЯНИЯ ЗА МНОГОЕ СВОЕ СОГРЕШЕНИЕ СТОЛЬНИКИ КНЯЗЬ МИХАИЛА ДА КНЯЗЬ ИВАН ЮРЬЕВИЧ УХТОМСКИЕ К ЦЕРКВИ ПРЕПОДОБНОГО ОЦА СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА ЧТО МЕЖ ПЕТРОВКИ У РЕКИ НЕГЛИНЫ У ТРУБЫ

В СТАРЫХ СЕРЕБРЯНИКАХ ДЛЯ ПОМИНОВЕННЯ УСОПШИХ СРОДНИКОВ СВОИХ ВЕСУ В СЕБЯ КОЛОКОЛО 73 ПУДА ДЕНЕГ НА НЕГО 335 РУБЛЕЙ ЛИИ СЕЯ КОЛОКОЛО МИХАИЛ ЛАДЫГИН». Интересно указание стоимости колокола — 335 рублей за 73 пуда, таким образом, становится известна цена за пуд — 4,6 рубля, что подтверждает данные, приведенные в первой главе.

На деньги посадских людей Ф.И. и А.И. Авериных в 1687 г. был вылит колокол, между орнаментами которого были помещены двуглавые орлы. Впоследствии он находился в Ивановском монастыре: **«ЛЕТА 7195 (1687. — А.Б.) ГОДА ЛИТ СЕЯ КОЛОКОЛО НА ПЛЕСО К ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЮ ХРИСТОВУ ПО ОБЕЩАНИЮ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ ФЕОКТИСТА ДА АРТЕМИЯ ИВАНОВЫХ ДЕТЕЙ АВЕРИНЫХ».**

В 1690 г. дворецкий М.Т.Одоевский заказывает колокол у мастера Михаила Ладыгина для церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду: **«7198 (1690. — А.Б.) ГОДА МЕСЯЦА В 20 ДЕНЬ НА ПРАЗДНИК ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА... ДВОРЕЦКОЙ МАТВЕИ**

Колокол церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Работа Михаила Ладыгина. 1690 г. Вес 64 пуда 15 фунтов.

ТИМОФЕЕВ СЫН ОДУЕВСКОЙ ПО ОТЦУ СВОЕМУ К ЦЕРКВИ ПРЕПОДОБНЫЯ МАТЕРИ НАШЕЙ ПАРАСКЕВЫ В ПРИХОДЕ У ДВОРА БОЯРИНА КНЯЗЯ ИВАНА БОРИСОВИЧА ТРОЕКУРОВА ДЯЯ СВОЕГО ДУШЕВНОГО СПАСЕНИЯ И ЖЕНЫ И ДЕТЕЙ ЕГО И ДЯЯ ПОМИНОВАНИЯ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ И ПО ДОВОЛЬСТВЕ ВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ СВОЕЙ В ВЕЧНОЕ ПОМИНОВАНИЕ ДУШИ СВОЕЙ ЛЯИ СЕЙ КОЛОКОЛ МАСТЕР МИХАЙЛА МАТВЕЕВ СЫН ЛАДЫГИН, А ВЕСУ В НЕМ 64 ПУДА 15 ФУНТОВ».

В 1696 г. дьяк П.Т.Семенников и его брат гость М.Т.Семенников вкладывают колокол, заказанный у мастера Григория Иванова в церковь Троицы в Верхних Садовниках. Надпись на нем отличается своей пространностью: «ЛѢТА 7114 (1606. — А.Б.) ГОДА ОКТОВРИЯ МѢСЯЦА СЕЙ КОЛОКОЛ ДАЛИ БСМИ ВКЛАДУ ДЬЯК ПОРФИРИЙ И БРАТ МОЙ ГОСТЬ МАТФЕЙ ТРОФИМОВИЧА ДѢТИ СЕМЕННИКОВЫ К ЦЕРКВИ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ ЧТО В ВЕРХНИХ САДОВНИКАХ В БЕРСЕНЕВКѢ ПРИ СЛУЖАЩЕМ У ТОЯ ЦЕРКВИ ЧЕСТНОМ ИЕРЕЕ ОТЦЕ НАШЕМ ДУХОВНОМ НАУМѢ ФЕДОТОВИЧѢ В СЛАВУ БОЖИЮ ЗА СПАСЕНИЕ И ЗА ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ СВОИХ И ЗА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ ЕГО И ВНУЧАТ БРАТНИХ ТАКЖЕ В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ ВО БЛАЖЕННОМ УСПЕНИИ ПО РОДИТЕЛЯХ НАШИХ, ПО ЖЕНАХ СВОИХ МАРФѢ, АГРИППИНѢ СЧАДЫ ИХ ПРИ СЕЙ ЦЕРКВИ ПОГРЕБЕННЫХ, А ВЕСОМ СЕЙ КОЛОКОЛ 1000 ПУДОВ ЛЯИ СЕЙ КОЛОКОЛ МАСТЕР ГРИГОРИЙ ИВАНОВ».

Колокола создавались не только на пожертвования царей или людей богатых, но нередко даже бедные прихожане по копейке собирали на колокол. На колокольне церкви Похвалы Богородицы за старым Дровяным двором в Чертополье имелся такой колокол с трогательной надписью: «ЛѢТА 7202 (1694. — А.Б.) КУПАЕН СЕЙ ЗВОН К ЦЕРКВИ ПРЕПОДОБНЫЯ ПАРАСКЕВИИ НА МѢСТО ПОРѢЧЬЕ НА МИРСКИЕ ГРОШИ ВЕСУ 3 ПУДА 6 ФУНТОВ». Такие колокола назывались, обыкновенно, *мирскими*, то есть созданные миром — группой прихожан или просто «доброхотных дателей». Бывало, надпись была очень скромна и лаконична: в 1663 г. «ДАН СЕЙ КОЛОКОЛ В ПЕТРОВСКОЙ ВЫСОКОЙ МОНАСТЫРЬ ПЕТРУ МИТРОПОЛИТУ».

Часто из-за нехватки средств на приобретение колокола, по причине его дороговизны, — желая приобрести для церкви колокол большего размера, — старый, либо поврежденный

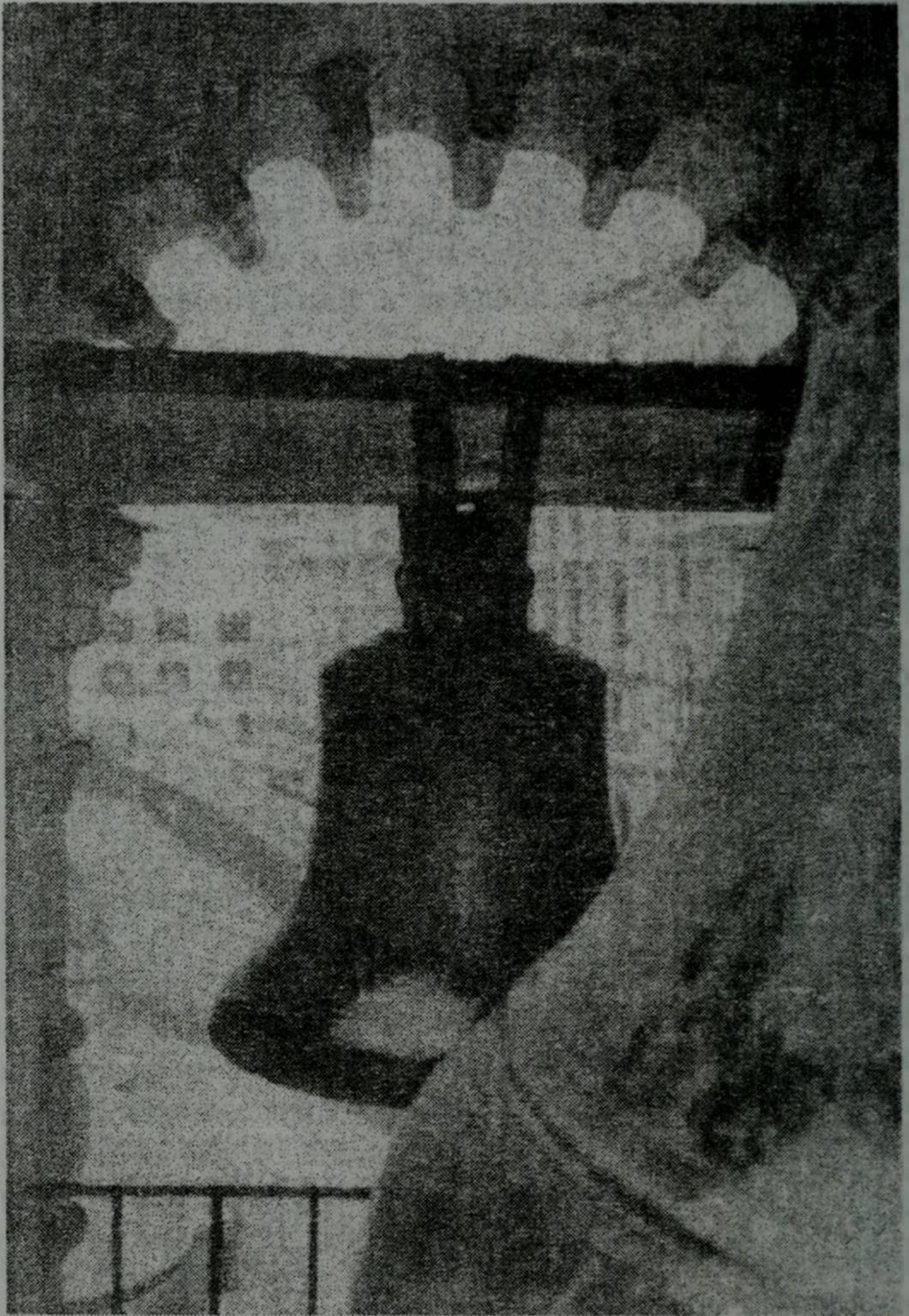
колокол меняли на другой с прибавкой в весе. Так, в 1636 г. был «выменен» колокол весом 21 пуд 10 фунтов в церкви Сергия на Дмитровке, а в 1685 г. прихожане церкви Воскресения в Гончарах «обменяли... на старый» колокол весом 101 пуд мастера Филиппа Андреева. Эти надписи еще раз подтверждают, что и Пушечный двор, и частные мастера, помимо заказов, имели на продажу и обмен готовые колокола.

Очень интересен сохранившийся колокол французского литья 1547 г. (см. илл. на сл. стр.) Хотя он, казалось бы, не вписывается в тематику настоящей книги ни по времени, ни по месту отливки, но две надписи на нем были выгравированы в Москве во втором десятилетии XVII века. И это делает его объектом нашего внимания.

Отлитый в Западной Европе в середине XVI века, в Россию он попал, скорее всего, торговыми путями на рубеже XVI—XVII вв. На примере этого колокола отметим отличие декоративного оформления западноевропейских колоколов от русских аналогов. Убранство колокола отличается сдержанностью оформления. Верхняя часть его стройного тулова украшена небольшим декоративным фризом, состоящим из одного пояса надписи и одного пояса орнамента, чередующихся с 10 валиками. Основным украшением колокола является литая надпись на старофранцузском языке, выполненная в невысоком рельефе. Слова разделены изображениями французской лилии. Текст типичен для европейских колоколов как XVI, так и XVII века. В нем говорится как бы от имени колокола: «L'AN MY VCXLII MARTII EN BONNE ARMONYE RENDRA LOVENCE A DYEV». В переводе: «1547 МАРТ В ПРЕКРАСНОЙ ГАРМОНИИ ВОЗДАСТСЯ ХВАЛА ГОСПОДУ».

Немного выше надписи колокол опоясывает узкий орнаментальный пояс. Его узор образован тонкими рельефными линиями незатейливого характера, составляющими ряд дужек-стеблей с трилистниками на концах.

Между валиками декоративного фриза, на плече колокола, находятся две гравированные надписи на русском языке. Выполнены они полууставом без разделения на слова с большим

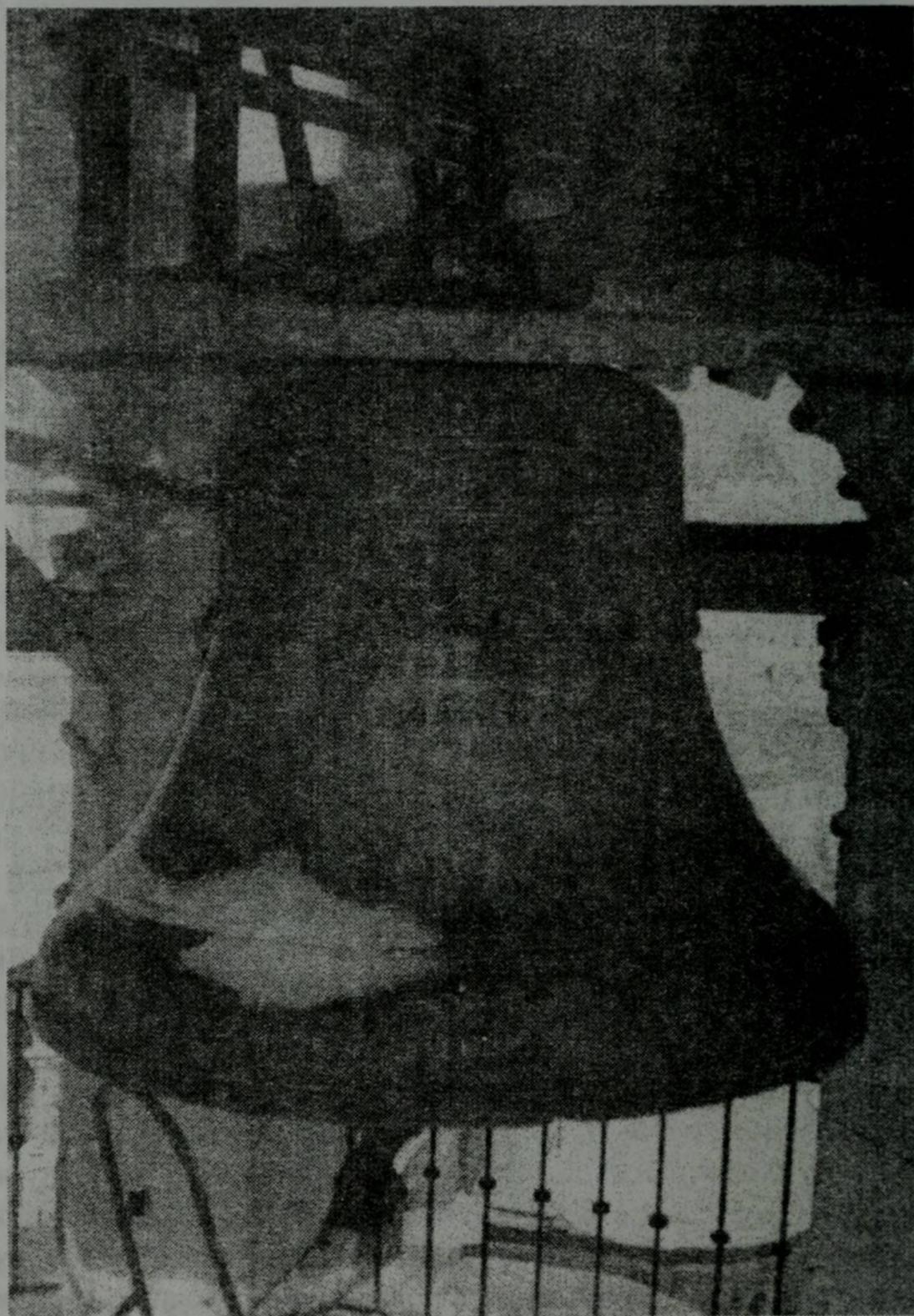
Колокол французского литья 1547 г. Вес около 500 кг.

количеством выносных букв. Нельзя не отметить продуманность их размещения на колоколе, гармоничность, с которой включены они в декоративный фриз. Это еще раз доказывает, что русский человек даже предметы иностранного производства старался приспособить к своей традиции, к своей жизни.

Из надписей узнаем чрезвычайно удивительную судьбу колокола. Она связана с именами двух замечательных людей: московского купца — торгового гостя — Ивана Григорьевича Твердикова и князя Дмитрия Михайловича Пожарского. В одной говорится, что в 1610 г. московский купец И.Г.Тверди-ков на помин души своих родственников вкладывает колокол в церковь Зачатия Анны, что в Углу Китая-города: «ДАИ СИИ КОЛОКОЛЪ В ДОИ ПРЪСВЪТЫЕ БОГОРОДИЦЫ ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО СЯ ЗАЧАТНА ЧТО В КИТАЕ ГОРОДЕ ИВАН ГРИГОРЬЕВ СЫН ТВЕРДИКОВ ПО СВОИХ РОДИТЕЛЪХ ПО ОТЦЕ СВОЕМ ПО ГРИГОРЬИ ДА ПО ДЯДЕ ПО СТЕФАНЕ ДА ПО ИГНАТИИ ДА ПО МИХАИЛЕ ДА ПО ГРИГОРИИ ДА ПО МИХАИЛЕ ИВАНОВЫХ ДЪТЕХ ТВЕРДИКОВЫХ И ИХ ЗА ТОТ КОЛОКОЛЪ ПОВСЕДНЕВНО ПОМИНАТЬ».

Другая гравированная надпись нам рассказывает о том, что не провисев на колокольне и нескольких лет, колокол был украден. Человеком, вернувшем его на прежнее место, оказался небезызвестный Д.М.Пожарский, который не дал колоколу сменить свое пристанище: «ЛѢТА 7121 ОКТЯБРА В 19 ДЕНЬ ПОСЛѢ ЛИТОВСКАГО РАЗОРЕННА БОГ ПОРУЧИИ КИТАЙ ГОРОД РУССКИИ ЛЮДЯИ ЦЕРКОВЬ ЗАЧАТНА ПРЪСВЪТОЙ БОГОРОДИЦЕЙ РУССКИЕ БОРЫ РАЗОРИЛИ И СЕИ КОЛОКОЛЪ ВЪЗЯЛИ И ЭТОТ КОЛОКОЛЪ КУПИИ БОЯРИИ ДМИТРИИ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИИ И ДАИ ТУТОЖ В ДОИ К ЗАЧАТИЮ ПРЪСВЪТОЙ БОГОРОДИЦЕЙ ПО СВОИХ РОДИТЕЛЪХ И ЗА ТОТ КОЛОКОЛЪ СВЯЩЕННИКАИ О ЕГО ЗДОРОВИИ О ЧАДЪХ ЕГО БОГА МОИТИ И РОДИТЕЛЪЕЙ ЕГО ПОВСЕДНЕВНО ПОМИНАТИ».

Нам известно великое множество примеров из истории, когда колокола очень часто повреждались, вследствие чего заменялись новыми или же просто уничтожались. На этот раз мы имеем дело с достаточно редким случаем, когда на протяжении более трех столетий колокол находился на колокольне одной церкви и до нашего времени дошел в прекрасном состоянии. Историческое значение этого колокола историк И.М.Снегирев отмечал еще в 1860 г.: «На этом колоколе, который слывет амстердамским, нет никаких изображений, он напоминает гибельную для Москвы годину Лихолетья или так называемую Московскую разруху, незабвенного Пожарского и бывших послами в Англию и Польшу Стефана и Григория Твердиковых»²⁴³.

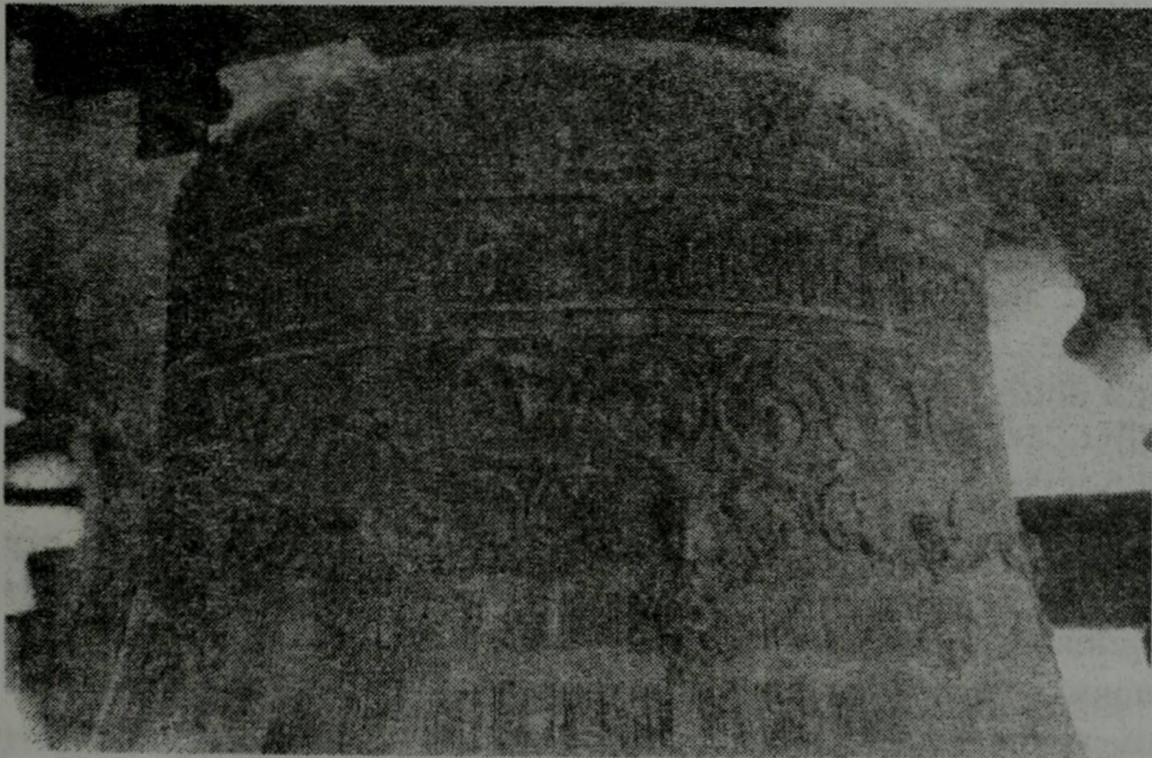
Колокол Федора Моторина 1683 г.

Подчеркивая важность и необходимость изучения декоративного оформления колоколов, более подробно остановимся на характеристике декоративного убранства колокола, отлитого мастером Федором Моториным в 1683 г.

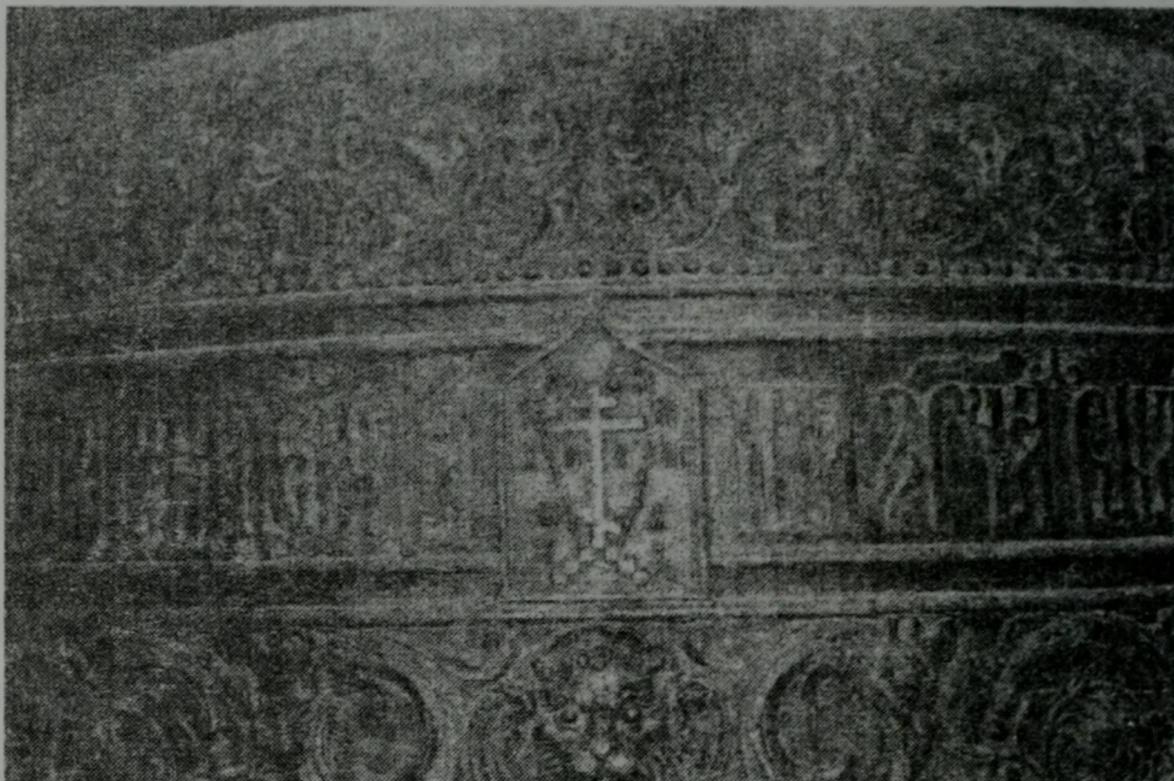
Колокол отличается прекрасной формой и пышностью декоративного убранства, которое выполнено с тонким художественным вкусом. Верхнюю часть колокола украшает широкий декоративный фриз, достигающий почти до середины тулова. Фриз состоит из 4-х поясов. В середине одного из них расположена надпись с плотно прижатыми друг к другу буквами, а три других заполнены разнообразным орнаментом.

Самый верхний пояс представляет собой ряд сердцевидных клейм, образованных выющимся в волютообразных изгибах стеблем и трилистниками. Два верхних пояса разделяет пара валиков и нить жемчужника. Под надписью — декоративный пояс с мотивом аканта, который состоит из зеркально расположенных пар закручивающихся стеблей. Причем, с одного конца стебель как бы выходит из виноградной грозди, а с другого — плавно переходит в голову грифа.

Самый нижний пояс фриза образован изображениями ангельских ликов с длинными распластанными крыльями. К ним подвешены связки плодов — один из излюбленных орнаментальных мотивов в русском декоративном искусстве второй половины XVII века.

Декоративный фриз. Колокол Федора Моторина 1683 г.

Фрагмент декоративного фриза. Колокол Ф.Моторина 1683г.

Моделировка декора колокола отличается необычайным пластическим богатством, от низкого рельефа тонко проработанных сердцевидных клейм до горельефов ангельских лиц. Тщательность и богатство декора свидетельствуют о неординарности отливки.

Помимо орнамента на колоколе имеются три надписи, расположенные в верхней, средней и нижней частях тулова.

В центре декоративного фриза размещена рельефная надпись, являющаяся неотъемлемой частью общего декора колокола: «**ПЕТА 7191 (1683. — А.Б.) ВЫИИТ СЕЙ КОЛОКОЛ ПРИ ДЕРЖАВЕ ВЕЛИКИХ ГОСУДАРЕЙ ИОАННА АЛЕКСЕЕВИЧА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКНЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦАЯ**». Начало и конец надписи обозначает изображение Голгофского креста в киотообразном клейме.

Текст сплошной, без разделения на слова. Характер написания букв изысканный, чувствуется их продуманная компоновка. Выполненная в высоком рельефе вязью со строгим рисунком уплощенных букв, в которых подчеркнуты вертикальные элементы, надпись органично включена в художественный образ произведения.

Анализируя ее содержание, приходим к следующим выводам: а) колокол был отлит Ф.Моториным на Пушечном дворе, а не на собственном заводе, который был основан мастером лишь тремя годами позже; б) это была не заказная работа, но отливка не рядовая и, следовательно, колокол был приготовлен для приобретения очень богатым человеком.

Вторая надпись расположена на юбке колокола: «**ЛИИ СЕЙ КОЛОКОЛ МАСТЕР ФЕДОР МОТОРИН**». Как и верхняя, она выполнена рельефными уплощенными одинаковыми по высоте буквами, но в отличие от нее — коротка и лаконична, а текст разделен на слова.

В средней части тулова, между ангельскими ликами с подвешенными связками плодов, размещена еще одна надпись: «**СЕЙ КОЛОКОЛ ИЗВОЛИИ ПОСЛАТЬ В ЕПАРХИЮ ЧЕРНИГОВСКОГО АРХИЕПИСКОПА ПАВЛА БИРАНОВИЧА СВЯТЫЕ ТРОИЦЫ В МОНАСТЫРЬ БОЛЫНСКИЙ ЧЕРНИГОВСКИЙ ПО ОБЕЩАНИЮ БРАТА СВОЕГО ГОСУДАРСТВА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА /// И ПОСЛАН СЕЙ КОЛОКОЛ С МОСКВЫ В ЛЕТО ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА 7191 А ОТ РОЖДЕСТВА СЫНА СЛОВА БОЖИЯ 1683 МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ В 20 ДЕНЬ ВЕСУ 104 ПУДА 21 ГРИВЕНКА МОСКОВСКОГО ЛИТЬЯ**».

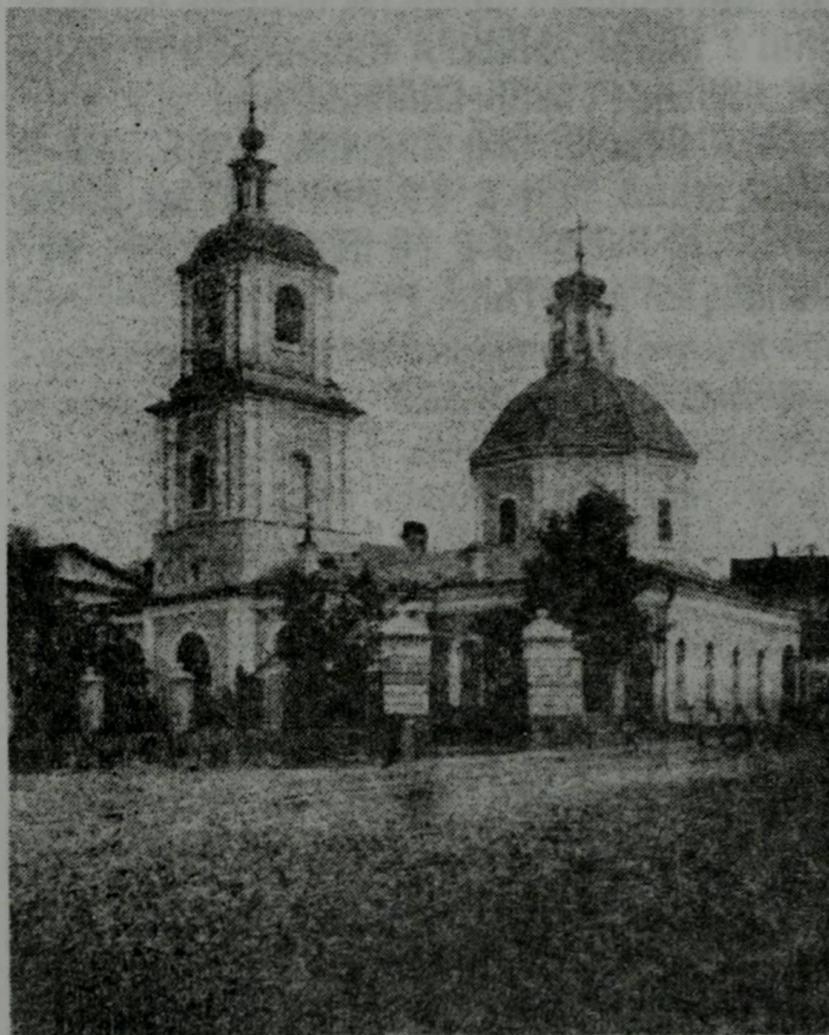
В отличие от двух других, эта надпись не вылита, а выгравирована, она не поместилась в одном ряду полностью, поэтому часть ее пришлось продолжить ниже. Буквы неровны по высоте и порой косо поставлены. Надпись не является украшением колокола, так как не выполняет самостоятельной художественной задачи, а носит лишь информативный характер. Очень любопытно в надписи двойное летоисчисление: от сотворения мира и от рождества Христова. Это говорит о том, что обе хронологии употреблялись еще в допетровской Руси, то есть до официального введения Петром I нового летоисчисления в 1700 г.

Колокол Ф.Моторина принадлежит к тем немногочисленным произведениям литейного искусства, в которых нашли отражение все тенденции развития русского орнаментального искусства второй половины XVII века. Он является

классическим образцом декоративного оформления колоколов московского литья того времени и восхищает совершенством формы и тщательно продуманным декором. Его оформление отмечено высочайшим профессионализмом. Несомненно, что столь сложное и пышное убранство колокола мог создать лишь талантливый, отлично знающий свое дело художник-орнаменталист совместно с литейщиком высшего класса.

Колокол был отлит вовсе не для церкви Введения на Кузнецком мосту и даже не в Москву. Так каким же образом он оказался на колокольне этой церкви?

Построенная в начале XVI века, в середине XVIII столетия Введенская церковь и ее колокольня, ввиду крайнего обветшания, были отстроены заново. Как правило, после каждого поновления храма его колокольный набор пополнялся новым праздничным благовестником, превосходящим по размеру своего предшественника. Возможно, именно тогда в

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы на Большой Лубянке. Из альбома Н.А.Найденова. 1882—1886 гг.

церковь Введения и попал колокол Ф.Моторина. В наполеоновское нашествие колокола церкви полностью уцелели. А в конце XIX века автор «Летописи московской Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки» священник Антушев пишет: «Из девяти колоколов на колокольне замечательны следующие...», и перечисляет, по его мнению, наиболее достойные внимания. В списке под №2 даются краткие сведения об интересующем нас колоколе: что он «до устройства новаго» в 1890 г. был «большим и первым», а, став вторым, употреблялся в полиелейные праздники.

Далее приводится текст трех надписей, находящихся на колоколе. Затем читаем: «Какими судьбами этот колокол, предназначенный самими Государями для монастыря св.Троицы в гор.Чернигове, оказался на нашей Введенской, на Лубянке, в Москве, колокольне, — неизвестно и непонятно, хотя, конечно, чрезвычайно любопытно и интересно»²⁴⁴. Таким образом, сведения «Летописи...» настолько скудны, что не дают возможности более подробно проследить историю колокола, а она, несомненно, представляет большой интерес.

В надписях называется несколько имен, среди которых имя архиепископа черниговского Лазаря Барановича — малорусского писателя, проповедника, который около 20 лет, до 1686 г., был блюстителем митрополичьего престола. Патриарх константинопольский поручил ему в духовное управление левобережную Малороссию. Лазарь был видной фигурой на политической сцене своей родины и в особенности играл важную роль в 1668—1669 гг. Он посвящал и посылал царю Алексею Михайловичу свои проповеди, украшая их заголовки затейливыми символическими рисунками, выражавшими славу московской державы, и прилагал к ним объяснительные вступления, преисполненные самой изысканной лести.

Участие Лазаря в литературном процессе выразилось преимущественно проповедями. Они были изданы в двух огромных сборниках: «Меч Духовный, еже есть глагол Божий» и «Трубы словес». Оба сборника посвящены царю Алексею Михайловичу. Историк Н.И.Костомаров считал, что Лазарь писал их, имея в виду более всего понравиться царю, любившему изысканность и напыщенность речи. На заглавном листе

«Меча Духовного» представлены символические изображения всадников, едущих восхвалять Царствие Божие, образы царей Давида, Константина, наконец, царя Алексея Михайловича, царицы, трех царевичей, родословное царское древо. Самое видное место над царем и его семейством занимает изображение двуглавого орла с тремя венцами.

Несколько слов были писаны Барановичем царю Алексею Михайловичу по разным случаям. По смерти царицы Марьи Ильиничны, Лазарь написал ему утешительное слово. Когда царь женился вторично, Лазарь прислал ему поздравительное Слово. Когда царь совершал обряд явления Федора царевича народу, Лазарь по этому поводу, написал Слово, отличающееся крайним подобострастием: проповедник сравнивает царя Алексея Михайловича с Богом, показавшим над иорданскими водами своего возлюбленного сына, а царевичу Федору влагает в уста слова Христа: «Отче! прослави Сына Своего». Смерть Алексея Михайловича подала Лазарю повод написать стихами и напечатать «Плачь о преставлении царя и приветствие новому», а по смерти Федора, когда возведены были на престол два царя, Лазарь сочинил книгу «Благодать и истина Христова».

Видимо, такое усиленное внимание архиепископа Черниговского к дому Романовых и побудило царя Федора Алексеевича в знак признательности послать колокол в епархию Лазаря Барановича, но обещание свое он выполнить не успел, за него это сделали братья Иоанн и Петр, о чем свидетельствует надпись, выгравированная на колоколе. По какой причине колокол остался в Москве — неизвестно. Возможно, это было связано с избранием на Киевскую митрополию Гедеона Четвертинского, который изъявил желание принять архипастырский жезл в Москве от патриарха Иоакима. Гедеон был посвящен в сан митрополита Киевского при торжественном служении патриарха в Московском Успенском соборе и в присутствии царей Иоанна и Петра. Тем самым, с изменением политической обстановки, и положение Лазаря Барановича резко изменилось. Во всяком случае, это можно рассматривать как одно из предположений, почему колокол остался в Москве.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что колокол Ф.Моторина является не только уникальным образцом московского колоколотейного искусства конца XVII века, но, подобно многим другим русским колоколам, — ценным историческим источником.

Стремление к декоративности, узорочью — характерная черта русского искусства XVII века — нашла отражение в оформлении московских колоколов. Московские литейщики удивительно тонко чувствовали красоту формы, подчеркивали ее профильной проработкой и орнаментацией.

Все сохранившиеся колокола XVII века представляют огромный интерес как исторические источники и как памятники монументально-художественного литья этого времени. Их разнообразная по своим мотивам орнаментика свидетельствует о том, что ее создатели в совершенстве владели принципами построения орнамента, чутко реагировали на стилистические искания своего времени. Опираясь на сложившиеся традиции, тонко чувствуя особенности формы украшаемого изделия, они стремились к достижению пластического богатства рельефа, который нашел свое развитие в следующем столетии.

Глава 5.

КОЛОКОЛЬНЫЕ ЗВОНЫ

становлении русского колокольного звона XVII век является важным периодом. В это время развитие колокольного дела на Руси идет настолько быстрыми темпами, что вскоре превосходит по своему размаху европейские страны и не имеет себе равных во всем христианском мире. В этом отчетливо прослеживается взаимосвязь с общим развитием русского государства в эпоху, последовавшую за свержением татаро-монгольского ига. Развитие колокольного дела напрямую связано со становлением национальной общности русского народа.

Несомненно, что идея национально-территориального единства для Руси в эпоху

формирования централизованного государства была важной и действенной. Этой идее как нельзя лучше отвечали колокольные звоны.

В различных обстоятельствах жизни, мирской и духовной, колокола — это глашатаи всех важных событий, призыв к общности людей и, в конечном счете, призыв к единению. Так, колокольные звоны на Руси символически отразили устремления общественной мысли русских людей.

В мощном, торжественно-величественном звучании колоколов словно воплотился великий дух народа, его сила, его идеал.

Все эти обстоятельства послужили причиной широкого размаха колоколотейного дела, совершенствования и дальнейшего развития колокольных звонов в русском государстве. Россия удерживала мировое первенство по количеству колоколов. Едва ли найдется другой город в мире, в котором радовало бы слух такое количество колоколов как в Москве.

Колокольному звону в Москве принадлежала особая роль. Он составлял в течение веков особую звуковую атмосферу города и был связан как с духовной, так и с социально-политической жизнью Москвы: сопровождал коронации Российских государей, торжества в честь воинских побед и другие события.

К небогослужбным колокольным звонам относился и *набатный* звон — частые удары в большой или средний колокол — обычно так и называемый «набатный». Набат отличался особым характером звона, горожане очень хорошо отличали его от благовеста церковного.

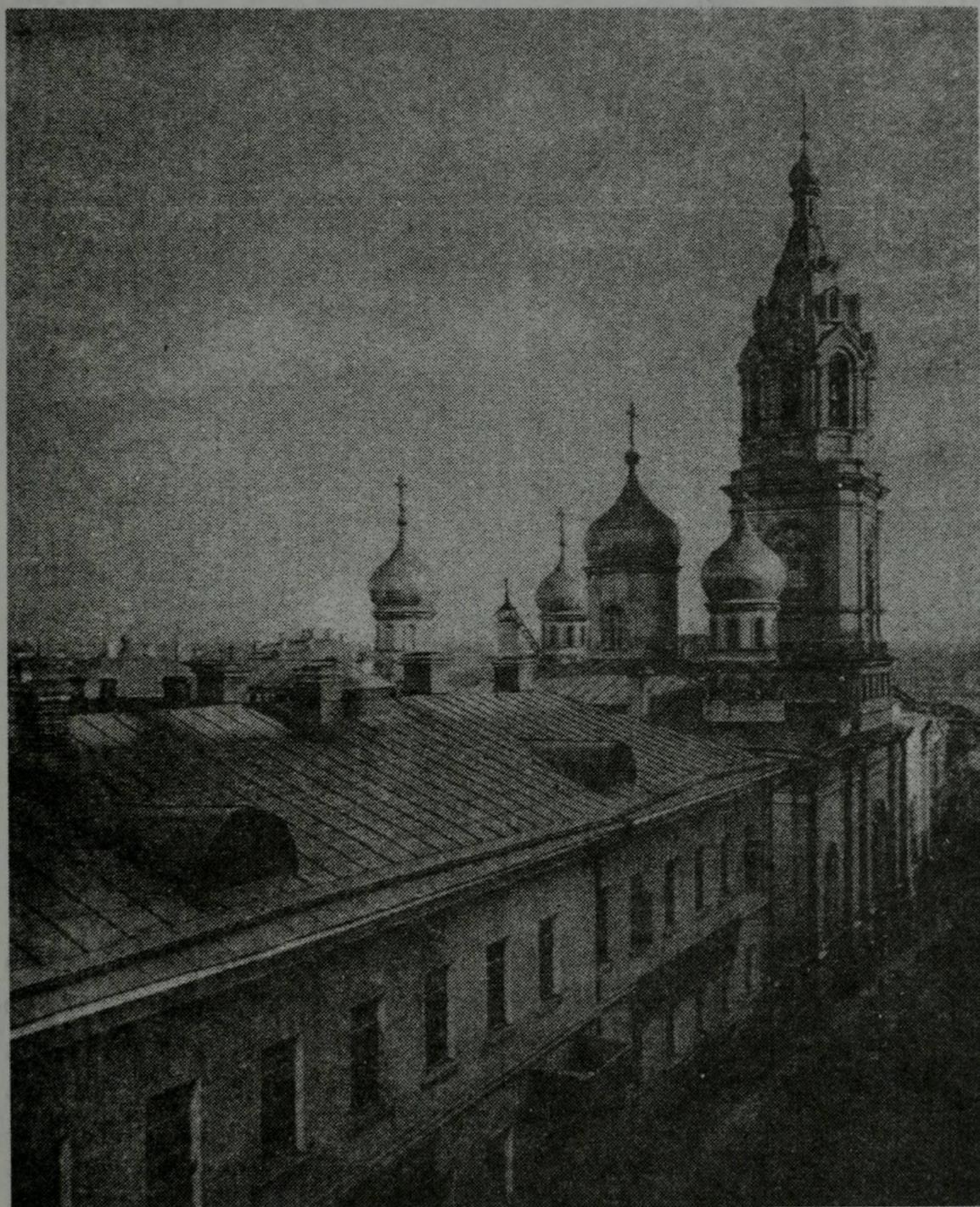
В Кремле особые набатные колокола висели с трех его сторон, там, где находились и городские башенные часы: 1) у Спасских ворот, на малой, специально для того построенной башне. Этот колокол назывался «Спасским набатом»; 2) на Тайницкой башне к Замоскворечью; 3) на Троицком мосту к Занеглименью, на Троицких воротах. Много важных для города сторон жизни отмечал набатный звон. Он созывал на оборону города от врага, во время Стрелецкого бунта в 1682 г. по сказанию очевидца Сильвестра Медведева: «Биша в колокола набатные по всему Кремлю»²⁴⁵.

В 1668 г. царь Алексей Михайлович издал специальный указ, в котором предписал определенный для разных районов города набат по случаю пожара. В нем были даны регламентации звонарям, позволяющие легко определить, в каком районе горит, таким образом, набатный звон был уже не просто сигналом сбора на пожар, а информировал население о том, какая часть города в опасности: «...буде загорится в Кремле-городе в котором месте-нибудь, и в тое пору бить во все три набата в оба края поскорю. А будет загорится в Китае в котором месте-нибудь, и в тое пору бить в один Спасский набат в один край скоро же. А будет загорится в Белом городе от Тверских ворот по правой стороне где-нибудь до Москвы-реки, и в тое пору бить в Спасский же набат в оба ж края потише»²⁴⁶. Для Земляного города нужно было бить в набат на Тайницкой башне «тихим обычаем», причем указывалось: «бить развалом с расстановкою».

Таким образом, в таком большом городе, как Москва, был не один набатный колокол, а несколько, и использовались они в разных случаях, но объединяло их то, что все эти виды звона предназначались лишь для одного колокола. Все это разнообразие сигналов достигалось за счет ритма и тембра, или определенной предназначенности конкретного колокола. Эти виды звона, которые были адресованы всем и каждому, при их разнообразии должны были быть в то же время достаточно простыми для восприятия на слух. В том, что они исполнялись на одном колоколе, мудро соединилась экономия выразительных средств и доходчивость. Несмотря на их значение, *набатные звоны* относились к разряду прикладных.

В XVII веке колокол постепенно начинает в народе осознаваться и как музыкальный инструмент. Происходило это в сознании простого люда стихийно и сказывалось, прежде всего, в постоянной заботе о красоте звучания колокола и о внимании к мастерству звонаря. Русский человек не хотел довольствоваться тем, что громкий, далеко разносящийся звук удобен для подачи сигнала. Красотой звучания колоколов своей церкви гордился он не меньше, чем их размером и весом. Так, в книгах Патриаршего приказа 1626 г. упоминается церковь Святого Николая у Красных колоколов что в По-

сольской улице, прозванная так по причине красивого звона своих колоколов. В разное время к названию церкви прибавляли: «У хороших колоколов», «Красный звон», «У красных колоколов». Сегодня уже нет тех «красных» колоколов, но в памяти русских людей, москвичей церковь и поныне осталась с именем Никола Красный звон.

*Церковь Николая Чудотворца «Красный звон».
Фото из альбома Н.А.Найденова. 1882–1886 гг.*

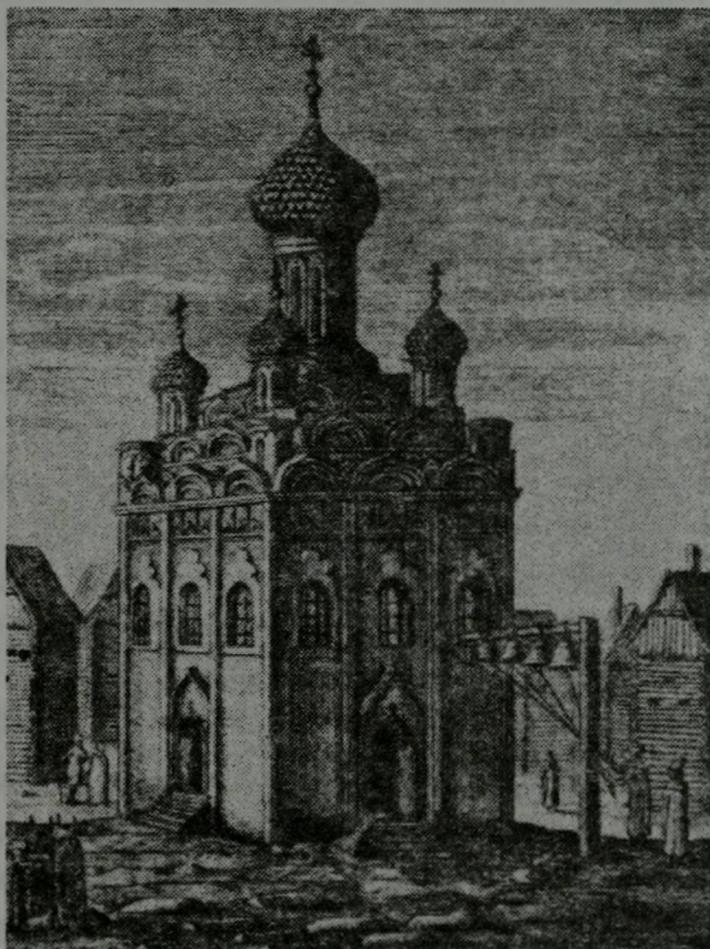

*Колокол Александра Григорьева 1667 г.
Вес 2425 пудов 30 фунтов. Погиб в 1941 г.
Фото из собрания И.А.Духина.*

К XVII веку относятся два самых благозвучных колокола России, не имевших себе равных по красоте звучания. Это знаменитый колокол А.Григорьева, весивший около 39 тонн, отлитый в 1668 г. для Саввино-Сторожевского монастыря и, не менее замечательный, большой колокол Симонова монастыря, весивший 16 тонн и отлитый десятью годами позже мастерами Харитоном Ивановым и Петром Харитоновым (оба колокола не сохранились). Более 250-ти лет голосом этих колоколов восхищались многие поколения нашего народа.

В XVII веке русский колокольный звон имел такое большое эмоциональное значение, что его целесообразно рассматривать в русле общих тенденций развития русской музыкальной культуры в целом. Ведь звонари — хранители и создатели колокольного искусства — тоже не стояли в стороне от происходящих в России перемен. Их творчество, справедливо подмечалось Б.Асафьевым, как и «вся народная музыка устной традиции не является чем-то неподвижным...»²⁴⁷, оно также движется вперед, неизбежно впитывая в себя, хотя и с некоторым опозданием, духовные завоевания своего времени.

Развитие искусства колокольного звона шло на протяжении нескольких веков поступательно: от сигнала — призыва к богослужению, сохранившегося в виде *благовеста* (равномерных ударов в один колокол перед началом службы), до звона во все колокола (так называемого *трезвона* и других его видов). С течением времени, колокольный звон включается в литургию. Появление же звона после окончания службы (т. е. вне ее) — знаменовало новый период в развитии колокольной музыки.

Из книги А.Олеария
«Путешествие в
Московию... 1634,
1636–1639, 1643 гг.»

Но все же главная причина осмысления колокольных звонов, как явления национального, кроется в особом родстве их музыки с русским искусством. Становление и развитие колокольного звона, как музыкального искусства, неотрывно от древнерусского песнопения. Развивавшийся исключительно в рамках устной традиции, колокольный звон сближался с ритмикой певческого искусства, и стилистика обоих складывалась параллельно.

Колокола были единственным музыкальным инструментом, используемым в православном богослужении. К тому же, они были вообще единственным на Руси монументальным инструментом, а потому использовались очень разнообразно. Один из западных путешественников, посетивших Москву в начале XVII века, писал о самом крупном московском колоколе: «В колокол этот звонят, когда царь справляет торжество, когда он принимает в замке чужеземных послов или веселится, звонят тогда в него (вместо литавр и труб) особенно радостным звоном»²⁴⁸.

Для того, чтобы заставить колокол звучать, у разных народов существуют разные способы. В исторической практике закрепилось три основных способа извлечения звука из колокола: 1) раскачивание колокола при свободном положении языка; 2) удары по нему молотком или колотушкой; 3) раскачивание самого языка и удары им в край неподвижно висящего колокола. Способы звона и древнерусские колокольные подробно описал в своей статье В.В.Кавельмахер²⁴⁹.

Самым древним из них является способ, когда звук извлекается посредством удара по колоколу специальной колотушкой. Такой способ звона распространен в Китае, Японии и других странах дальневосточного региона.

Другим способом — посредством раскачивания колокола при свободном положении языка — звонят в странах Западной Европы — Италии, Германии и др.

При третьем способе звона колокол закрепляется неподвижно, а звук извлекается путем удара языком о край колокола. Так издревле звонили в Англии, но наибольшее распространение со второй половины XVII века этот способ получил в России и стал отличительной особенностью искусства русского колокольного звона. Он привел к формированию принципиаль-

но новой трактовки функции колокольного звона в русском обществе. В этом смысле русский колокольный звон — явление, безусловно, глубоко национальное.

XVII век характеризуется одновременным употреблением всех трех перечисленных способов звона. Каждый из них требует особых приспособлений, развески и размещения колоколов, особой конструкции звонничных проемов и даже определяет характер колоколенных сооружений²⁵⁰.

В начале XVII века доминирующим и, по-видимому, изначальным способом звона был звон посредством раскачивания колокола при свободном положении языка.

Грѣбъ живымъ мѣдъ сплѣтъ. Г. сошорѣ
 снлмиса вънощи. Егда вълоутирѣно
 влгоу вътмѣ. оубиенъ въистъ тмѣ
 щѣи мѣноу сѣноу лѣкѣи пѣтрѣднѣ
 оубиенѣ жѣгоу страшно и незлаемо. и
 неа вѣдомѣи ѿкогоже точѣи ѿкрѣти
 слѣоубиенѣ блжнѣи мѣщѣдѣ. и нѣщѣи
 гѣи пѣтѣ ѿнѣмѣ. мѣкоу вѣтѣ мѣсто

Очепный звон на мини-
 атюре Лицевого лето-
 писного свода XVI в.

Остермановский том 1,
 лист 475, рисунок 949.

Этот способ был заимствован нами из Западной Европы вместе с колоколами, колокольными и колоколотейным искусством. Качающиеся колокола в Древней Руси назывались «очапными» или «очепными». Название это происходило от слова «очеп» — то есть специальный длинный или короткий шест, прикрепленный к вращающемуся валу, на котором закреплялся колокол. Иногда такие колокола назывались еще «валовыми»²⁵¹. Колокол скреплялся с железным стержнем квадратного сечения — «матицей». Для пропуска матицы наверху у колокола существует «маточник» — большая петля с прорезью, по сторонам которой располагаются дополнительные петли — «уши» колокола.

Матица продевалась в петлю и в ней заклинивалась. И петли, и матица, и верхушки ушей заделывались для жесткости в дубовую колоду веретенообразной формы («вал»), собранную из клиньев и окованную обручами. На вал накидывались продетые сквозь *уши* железные петли. Выходящие на обе стороны вала концы матицы выковывались круглыми. Эти концы вкладывались в железные «гнезда», предварительно заложенные каменщиками в столпы звона. Опасаясь прогиба матицы, мастера старались сделать ее максимально короткой — чуть больше диаметра колокола, с тем, чтобы можно было завести концы вала в кладку. Колокол, намертво скрепленный с валом, поднимался на звонницу и ставился в гнездо. Так и говорили: «поставить колокол». К валу снизу приделывался очеп с веревкой на конце.

У тяжелого колокола веревка оканчивалась стременем, куда звонарь ставил ногу, помогая себе при звоне. Если для приведения колокола в движение требовались усилия нескольких человек, к основной веревке или канату привязывались дополнительные веревки со своими стременами, и к каждой становилось по звонарю. Для гигантских колоколов, стоявших в открытых пролетах звонницы, оче́пы делались на обе стороны пролета, и вся система напоминала коромысло.

Изображения очепных колоколов встречаются на миниатюрах Лицевого летописного свода, на иконах. В «Житии Антония Сийского» XVII века²⁵² имеется условное изображение Московского кремля со столпообразной колокольной

и огромным оцепным колоколом в ее нижнем ярусе. На конце шеста миниатюрист изобразил целый пучок оцепных веревок. Иностранцы путешественники А.Олеарий и П.Алеппский в середине XVII века описали такой способ звона в Царьколокол весом 2450 пудов, отлитый А.Чоховым в 1600 г. Первоначально он висел посреди Соборной площади на специально сооруженной для этого деревянной колокольне. В движение его приводили, по одной версии, — 30, по другой — 50 человек. Позже для него была сооружена специальная пристройка к церкви Рождества.

Способ звона остался прежним: две группы звонарей, стоя по обе стороны Филаретовой пристройки на Соборной и Ивановской площадях, приводили колокол в движение, а третья группа — наверху колокольни — подводила к его краю язык. Описание этого приема звона в самый большой колокол Москвы не вызывает сомнения в том, что и в тех случаях, когда до нас не дошло каких-либо известий об устройстве звона на той или иной древней звоннице, мы вправе предполагать наличие именно оцепной конструкции.

Колокольный звон. Миниатюра из «Жития Антония Сийского». 1648 г.

Звон в очепные колокола производился обычно с земли. Наружный способ звона в качающиеся колокола составляет основное отличие древнерусского способа звона от западноевропейского, где колокола приводят в движение изнутри колоколен. Очепный способ звона применялся на более древних, чем колокольни, архитектурных сооружениях — «звонницах». Датский принц Иоганс Младший, посетивший Москву в 1602 г., так описывает одну из них: «... а возле стоит высокая стена с несколькими сводами, в которых висят 12 больших и малых колоколов»²⁵³. Многопролетные звонницы просуществовали на Руси целое столетие: с начала XVI до начала XVII века. Непосредственно перед польско-литовской интервенцией при Борисе Годунове строительство таких звонниц пережило своего рода расцвет. Борис Годунов и члены его семьи делали вклады в крупные монастыри громадными для своего времени благовестниками. Для огромных очепных благовестников годуновского времени звонница представляла идеальную конструкцию.

Но между тем, хотя многопролетная древнерусская звонница была сооружением, способным вместить любое количество колоколов, любого веса, за исключением сверхтяжелых, с середины XVII века они почти повсеместно заменяются новыми архитектурными сооружениями — колокольнями. Никаких специальных причин отказываться от строительства звонниц при сохранении очепного способа в самой практике русского звона в этот период не усматривается. Скорее всего, с увеличением размера и веса русских колоколов такой способ звона стал затруднительным. Поэтому в целом колоколенное строительство XVII века развивалось под воздействием двух основных факторов: всеобщего распространения язычного способа звона и появления гигантских колоколов.

XVII век явился рубежом, когда Россия от раскачивания колоколов в большинстве случаев перешла на язычный способ звона. Тогда-то и расцветает русское национальное искусство звонить в колокола. Возникновение нового способа звона стало определяющим в развитии русского колокольного звона как особого вида национального музыкального творчества. Важнейшую роль в этом процессе сыграло становление коло-

кольного многоголосия, следствием чего стал уход от «чистой» сигнальности и приближение к художественности звонов. Это был наглядный пример перехода количества (один колокол — несколько) в качество (сигнальный звон — художественный), то есть отражение движения к более высокой степени звуковой организации, которую, прежде всего, следует связывать с составом русского звона. В отличие от стран Западной Европы, передавших Руси свою технику звона, русские церкви издавна обладали целыми собраниями колоколов, различавшихся по тону и звуку и особым образом развески.

В середине XVII века звоны уже были «многоголосны», судя по словесным описаниям и свидетельствам очевидцев того времени. А.Олеарий писал, что на московских колокольнях было много колоколов, иногда по пять или шесть. Звон созывал в церковь и исполнялся во время богослужения. Шведский дворянин Петр Петрей, неоднократно посещавший Москву в начале XVII века удивляется: «В некоторых церквях еле поместится 5 или 6 человек. Однако, не найдешь ни одной, где бы не висело по меньшей мере 4 или 5, а в некоторых даже 9 или 12 колоколов, смотря по величине церкви»²⁵⁴. Олеарий также сообщает, что на московских колокольнях находилось несколько тысяч колоколов, которые «во время богослужения производили разнообразный звон и мелодию, так что непривычный человек слушает это с изумлением»²⁵⁵.

Сохранились описания язычного способа звона в колокола: «Один человек может зараз звонить в 3 и 4 колокола, веревки, за которые звонят, привязывают у них не к колоколам, а за языки, и одни из этих веревок звонарь берет в руки, другие же наматывает на локоть и таким образом подергивает их то одну, то другую; при этом звонари, разумеется, должны иметь особый навык, чтобы звонить, как следует. Колокольный звон русские считают делом необходимым при их богослужении, полагая, что это последнее не полно без звона»²⁵⁶.

Таким образом, видим, что в XVII веке в Москве было большое количество колоколов, которые производили разнообразный звон, непривычный и поэтому удивительный для иностранцев. Что касается искусства звона, то уже тогда звонари пускали в ход не только пальцы рук, но локти и даже ноги.

Другое иностранное свидетельство о наших звонах во времена Алексея Михайловича и патриарха Никона описывает звон к службе: «В первое Воскресение Великого поста (1655 г. — А.Б.), рано утром, многократно ударили в большой колокол и в другие по порядку, дабы собрались в Успенский собор игумены монастырей, священники и дьяконы вместе со своими иконами, назначенные для участия в имеющем происходить большом торжестве, особом чине и молении за царя. Позвонив немного в большой колокол, делают маленькую остановку, а затем ударяют в другие колокола, один за другим по порядку. Позднее, утром, трижды ударили во все колокола разом — в малые, большие и самый большой, делая в промежутках одиночные удары, так что казалось, будто весь город поколебался»²⁵⁷.

Судя по этому описанию, звон в XVII веке был уже четко оформленным. Правда, оно не совсем подробно и ясно, но из него явствует, что в это время в Москве звонили «многократно», то есть по несколько раз в каждый колокол отдельно от малого и самого большого, или, вернее, наоборот: от большого до самого маленького. Также была манера ударять во все колокола разом и после этого звонить одиночно, то есть производить *перезвон* и заключать его опять ударом во все колокола сразу.

Сохранилось еще одно подробное описание московского колокольного звона, сделанное Б.Таннером во второй половине XVII века: «Звонят же у них, раскачивая не колокол, а, дергая за привязанную к его языку веревку, в таком порядке: сначала шесть раз ударят в наименьший колокол, а потом попеременно с колоколом побольше шесть же раз, затем уже в оба попеременно с третьим, еще большим, столько же раз, в таком порядке доходят до самого большого, тут ударяют уже во все колокола и при том столько же раз. Затем вдруг перестают, а там в том же порядке начинают сызнова»²⁵⁸. И в первом и во втором случае описаны варианты *перезвона* — одного из древних видов звона, сохранившегося до наших дней.

Не менее любопытно другое сообщение Таннера, свидетельствующее о том, что в то время существовал и другой вид колокольного звона — *трезвон*: «...по воскресеньям и празд-

никам и во всеобщее стояние» в Москве звонят «в колокола во все разом». Таким образом, в Москве в XVII веке, помимо набатного, существовало по крайней мере еще три вида колокольного звона: *благовест* — равномерные удары в один большой колокол, *перезвон* — поочередные удары от большого колокола к малому, или наоборот, и *трезвон* — звон во все колокола. Такие же виды звона русская колокольная традиция бережно хранит и сегодня.

Подбор достаточно обеспеченной церкви, как и в последующие столетия, уже в XVII веке включал следующие по назначению колокола:

БОЛЬШИЕ БЛАГОВЕСТНЫЕ²⁵⁹ — праздничный, по-
лиелейный²⁶⁰, будничные;

СРЕДНИЕ — подзвонные;

МАЛЫЕ — зазвонные.

В этом перечне относительная высота тона колокола идет по возрастающей. Большие колокола задают темп звону, их удары редки и размеренны, поскольку тяжелые языки с их огромной инерцией лишь незначительно поддаются усилиям звонарей и сохраняют период своих качаний практически неизменным (опытным звонарям удается ударять в один край или даже пропускать удар). Средние колокола своим звучанием заполняют промежутки между ударами больших и образуют основной рисунок звона. Малые — «завонные» колокола завершают его мелодико-ритмическую фигурацию. Такой состав звона становится классическим с точки зрения музыкальности подбора, а звонарь обретает статус музыканта-исполнителя. Степень значительности повода звона диктовала число участвующих в нем колоколов, весь подбор использовался далеко не всегда. Отсюда и пошло выражение: «звонить во все колокола», означающее какое-то особо важное событие.

Сказанное выше относится к количественному составу звона. Относительно его качественного состава тот же Таннер говорит при описании колокольной Ивана Великого: «Она заключает в себе 37 колоколов следующим образом: на вершине башни есть кругом пролеты, из коих в каждом по колоколу дискантовому; во втором ряду под теми первыми столько же пролетов и колоколов — альтовых; под этими в третьем ряду

тоже пролеты и колокола побольше — теноровые; в четвертом, наконец, ряду под этими тремя столько же колоколов — басовых; все они составляют между собой музыкальную гармонию»²⁶¹. В других же московских церквях: «Сбоку храма или даже на башне мало-мало по восьми колоколов, приспособленных для произведения сказанной уже музыкальной гармонии...»

Таким образом, из приведенных отрывков видно, что в XVII веке в колокольные звоны Москвы начинает вноситься гармоническая упорядоченность. Большое распространение в это время получают *куранты*, помещенные на нескольких башнях Кремля и некоторых церквях Москвы, что не могло не оказать определенного влияния на развитие московского колокольного звона. В конце столетия в столице появляются колокольные музыканты из иноземцев. На Троицкой башне Кремля производилась «колокольная музыка» (колокола одного набора использовались как для механического — курантного звона, так и для традиционного). По воспоминаниям очевидцев, «колокольный музыкант» разыгрывал, управляя колоколами руками и ногами, даже «Святой Боже», из чего следует, что в то время шел процесс перестройки мышления в сторону «мелодизации» московского колокольного звона, хотя главным его выразительным средством по-прежнему оставался ритм.

Если в некоторых городах России начинают складываться так называемые исторические звоны, в которых не допускалась импровизация, добавления и переборы, то иначе дело обстоит в Москве, где разнообразие колокольных звонов было обусловлено огромным количеством церквей, и каждый звонарь, беря за основу какой-либо незатейливый ритмический рисунок, варьировал его по своему усмотрению. Большой вариантностью такие звоны не отличались, однако, если звонарь вызванивал несколько фигур, в народе говорилось, что он «песню поет».

Для любого колокольного звона характерны приемы и традиции конкретной местности. Московский колокольный звон впитал в себя стилистические черты народных плясовых напевов и наигрышей подвижного характера. Поэтому праздничные звоны Москвы зачастую приобретали черты танце-

вальности, что отметил композитор Н.А.Римский-Корсаков, пересказав со слов одного своего знакомого, как какой-то подвыпивший мужик под праздничный трезвон сначала крестился, а потом пустился в пляс²⁶².

В XVII веке, когда московское колоколотейное производство достигло совершенства, открылись широкие творческие возможности для создания художественных звонов. Праздничные колокольные звоны с их ярко выраженным колокольным «многоголосием» являют собой свободное творчество музыкантов-звонарей. Древний обычай, когда в Пасхальную неделю в церковные колокола мог звонить любой желающий, способствовал развитию творческих способностей звонарей, ими подбирались и обыгрывались новые ритмические фигуры и т.п., что накладывало отпечаток и на повседневную практику звонов. Строки П.Алеппского сообщают явно о звоне на Пасхальной неделе: «...и так повторяется на день много раз и притом в различных церквях и по желанию каждого прохожего, потому что доступ во все постоянно открыт для всякого».

Получив в Пасхальную неделю возможность свободного мелодического мышления *вне канона*, звонари, находившиеся еще в пределах традиционной культуры, оказывались перед сложной задачей изобретения материала. Конечно же, их изобретательность сильно зависела от церковного канона, характерных оборотов и типичных приемов. И все-таки, именно здесь, в сфере средневековой традиции, совершался прорыв к новому типу мышления, который можно называть «композиторским».

С середины столетия, когда началась постепенная переориентация слуха на многоголосие гармонического типа, одноголосие даже порой стало восприниматься как результат невежества. Сосредоточенность на «благом гласовании», на согласованности голосов, не могла не отразиться и на колокольном звоне. Проявляется пристрастие слуха к «сладостной» согласованности гармонического лада, «музыкальному согласию», которое естественно включилось в бурно развивающуюся в XVII веке многоголосную традицию древнерусского певческого искусства. Традиционная форма русского многоголосия получила широкое распространение с

самого начала XVII века, охватив полностью певческий репертуар всех богослужебных чинов. Не случайно, так отчетливо прослеживается параллель между мелодико-ритмической общностью колокольных звонов и древнерусским певческим искусством.

Уже с самого начала XVII века очевидным становится новое свойство литургического пения — многообразие его форм. В крупных певческих центрах культивируются различные формы литургического мелоса, склонность знатоков церковного пения к собиранию мелодических вариантов одного текста. Это может быть объяснено только желанием создать нечто особенное, отличающееся от привычного, намерением предложить еще одно украшенное, орнаментированное прочтение хорошо уже знакомого текста. Разнообразие, украшенность или, как говорили тогда, «пестрота» — новое качество в церковном пении, властно вошедшее в мир средневековой традиции. Заинтересованное, любовное собрание мастером различных распевов одного текста, составление своего рода оригинального певческого «вертограда многоцветного» — вариантность, родившаяся на Руси в недрах еще средневековой культуры.

Движение мысли вширь, потребность в декоративном разнообразии решений не были спровоцированы каким-либо внешним влиянием. Умножение вариантов и их коллекционирование, переключение внимания на изобретение хитроумных мелодических орнаментов стало в большой мере итогом саморазвития певческого искусства, а вместе с ним и звонарского.

Изменения, происходившие в мелодическом мышлении звонарей, были обусловлены слуховой ориентацией на естественные акустические закономерности, определяемые природой самого музыкального тона колокола, его обертоновым рядом.

Изначально колокольный звон, выполняя сигнальные функции, не мог нести в себе конкретного мелодического содержания. В его основе лежал ритм. Но с переходом к колокольному многоголосию открылись реальные перспективы «мелодизации» звона. В самой ранней форме художественного звона — *перезвоне* — говорить о мелодии еще рано. Даже наиболее сложные поздние формы перезвона вряд ли могут претендо-

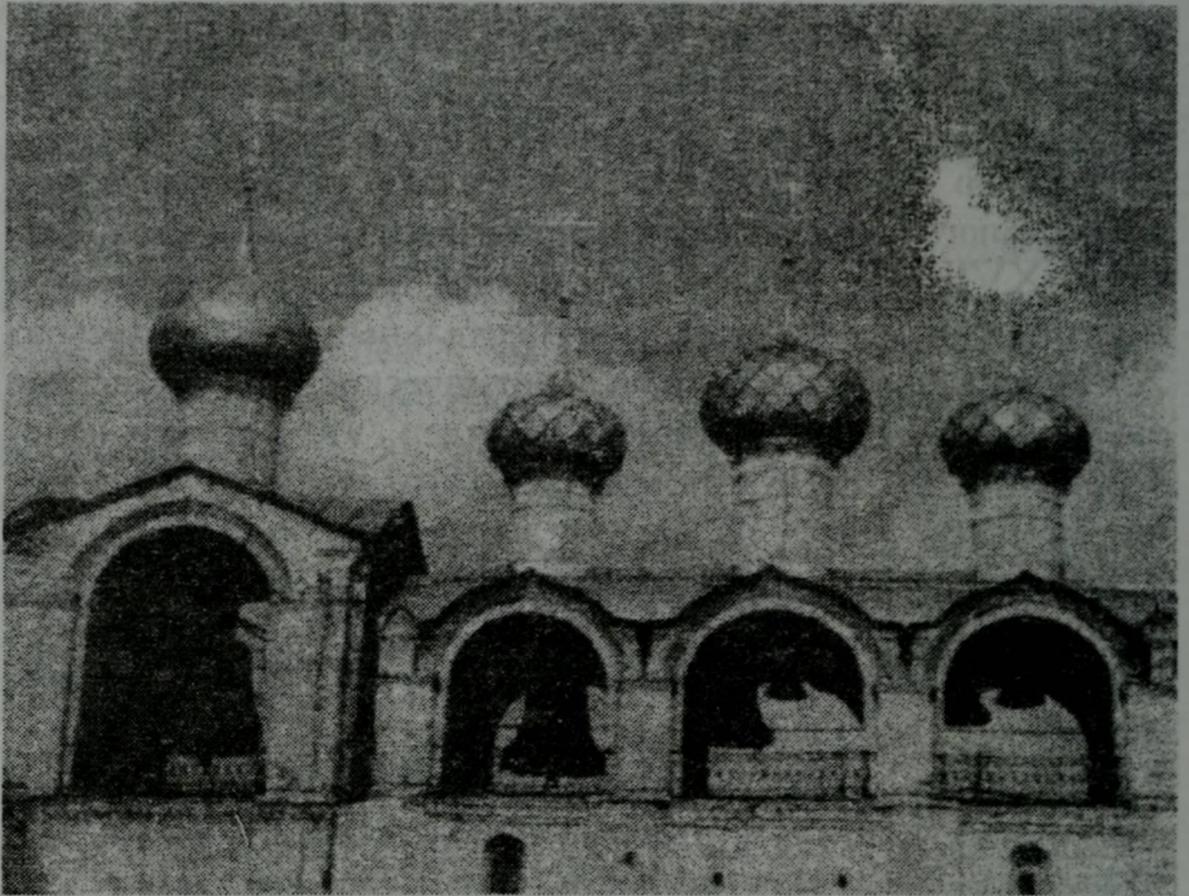
вать на наличие в них мелодии. При огромном желании, конечно, можно попытаться различить здесь какие-то ее зачатки, но это все же не будет мелодией в полном смысле слова.

Можно только гадать, как долго шло развитие русского колокольного звона в данном направлении. Очевидно, лишь то, что в XVII веке звонари уже хорошо владели колокольным многоголосием. Во всех документальных свидетельствах XVII века приводятся только ритмические характеристики звона. С. Рыбаков, например, убежден, что русский колокольный звон «имеет тот отличительный признак, что в нем нет мелодии, а весь он состоит из ритмических фигур...»²⁶³ Углубляясь в историю этого вопроса, он делает следующий вывод: «Тогда (XVI—XVII вв. — А.Б.) уже существовал интерес к церковному звону, и последний выражался более или менее в определенных ритмических фигурах»²⁶⁴.

Возражая Рыбакову, необходимо отметить, что на рубеже XVI и XVII веков в музыкальной эстетике, в целом, и в музыкальном языке, в частности, совершился крутой перелом. «В музыке родилась новая эпоха»²⁶⁵, в которой воцарилась мелодия. И это событие имеет к колокольному звону самое непосредственное отношение.

С начала XVII века количество колоколов на каждой колокольне начинает увеличиваться. Складывающиеся наборы подчиняются определенным закономерностям, в каждом из них начинают выделяться три основные группы колоколов, выполняющих конкретные функции. Введение нового фактурного принципа, то есть многоголосия, где музыкальная ткань функционально разделяется на три пласта, стало важной вехой в окончательном становлении русского колокольного звона, как явления художественного порядка.

С этого момента колокольный звон обрел базу для осуществления полноценного музыкально-художественного развития. Доказательством этого является тот факт, что в 1679 г. патриарх Иоаким своим указом «О колокольной фамилии»²⁶⁶ документально закрепляет функции больших благовестных колоколов Кремлевской звонницы. Основой подбора становятся отныне три больших благовестных колокола: «праздничный», «полиелейный» и «будничный».

Ростовская звонница. Фото И.И.Константинова.

Некоторые исследователи считают, что слова о гармонически настроенных колоколах нельзя понимать буквально, что речь идет только о колокольном благозвучии, максимально отвечавшем эстетическим представлениям звонарей. Однако, это не звучит убедительно. Во-первых, не будем забывать, что на музыкальную гармонию колоколов указывали западноевропейские путешественники, которые в понятие «гармонически настроенный» вкладывали вполне определенный смысл. Во-вторых, эстетические представления звонарей со временем тоже могли, и должны были, претерпевать изменения под воздействием новых музыкальных веяний, закреплявшихся в русском быте: особенно городском. И это, естественно, выразилось в их отношении к колокольному звучанию.

Свидетельство Таннера об имевшем место в Москве XVII века подборе колоколов подтверждают исторические данные о знаменитых *Ростовских звонах* и об их основателе — Ростовском митрополите Ионе III Сысоевиче, который был большим любителем гармонического настраивания колоколов.

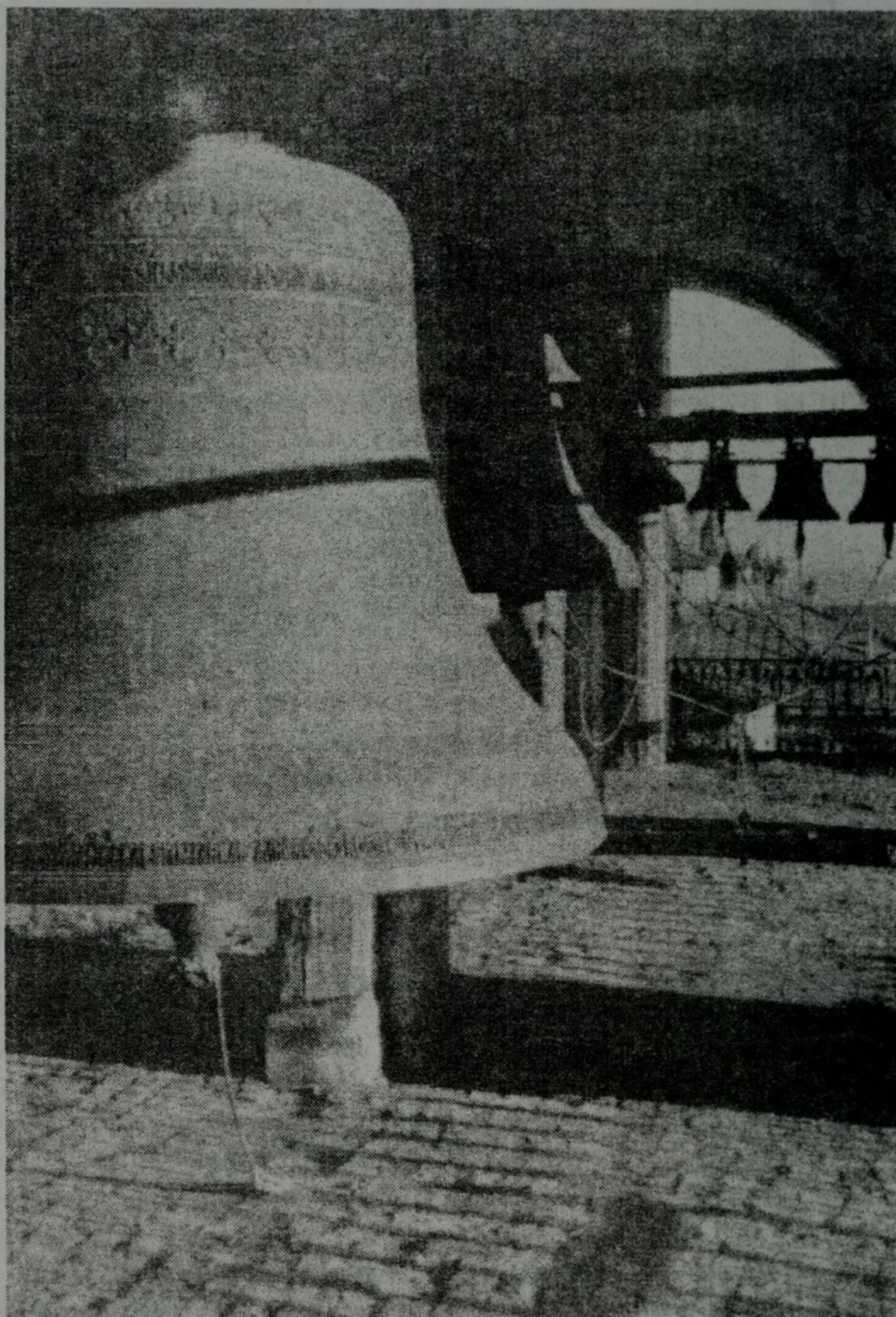
Показателем комплект знаменитой Успенской звонницы Ростова Великого, автор которой — митрополит Иона, несомненно, обладал определенными познаниями в области музыки. Первоначально на звоннице было два больших благовестных колокола, составлявших между собой минорное звуковысотное соотношение. По неизвестным нам причинам митрополита Иону Сысоевича минорный аккорд этих колоколов не устроил. Тогда в Ростов из Москвы был приглашен колоколотейщик Пушечного двора Флор Терентьев. Перед ним была поставлена сложнейшая задача: существующий *большой* звон перевести на новый лад, то есть сделать его мажорным. С этой задачей мастер великолепно справился. В 1688 г. он отлил колокол, вес которого составлял 2 000 пудов, а тон всего на треть процента отклоняется от частоты, которую требования *натурального строя* диктовали для достижения до-мажорного трезвучия. Довольный заказчик на радостях назвал колокол именем своего отца — «Сысоем»²⁶⁷. Данный факт свидетельствует о том, что мастера московского Пушечного двора имели в своем распоряжении расчеты для вычисления не только размеров колоколов, но и для определения их звуковысотного соотношения, а, следовательно, могли отливать колокола гармонически согласовывающиеся друг с другом.

Ионинский звон

запись А. Израилева

Старейшим из нескольких дошедших до нашего времени ростовских звонов является Ионинский, сформировавшийся при митрополите Ионе. С.Смоленский считал, что его автором был сам митрополит Иона²⁶⁸, звонари Ростовской звонницы Д.Смирнов и С.Мальцев полагают, что подлинными авторами

*«Полисельный» колокол. 1683 г.
Мастер Филипп Андреев.
Успенская звонница Ростовского Кремля.*

были звонари соборной звонницы, а Иона давал лишь какие-то общие указания о характере звона²⁶⁹.

Но для нас не так важно установление автора звона, как то, что это единственный сохранившийся подлинный звон XVII века. Его и сегодня можно услышать с Успенской звонницы Ростовского кремля. Исполняется он пятью звонарями. Первый и второй звонари, раскачивая язык *Сысоя*, ударяют им в оба края колокола, так что у них выходит 42 удара в минуту. Третий звонарь ударяет в оба края *полиелейного* одновременно с *Сысоем*. Четвертый звонарь играет на шести колоколах. Язык *Лебедя* притянут близко к одному краю колокола веревкой, которая другим концом привязана к перилам звонницы. В середине этой натянутой веревки есть довольно длинная петля, в которую вставлен брус, исполняющий роль педали. Нажимая на эту педаль левой ногой, звонарь издает удары одновременно с *Сысоем* и *Полиелейным*. В правую руку он берет связанные в узел веревки от четырех альтовых колоколов и звонит в них поочередно. В левой руке у него веревка от *Красного* колокола. Пятый звонарь играет на четырех колоколах: в *Голодарь* так же, как и в *Лебедь* — с помощью ножной педали; от языка *Барана* натянута веревка к перилам, — нажимая на нее, звонарь ударяет в колокол. Веревки от двух *завонных* колоколов связаны вместе; кистевым движением дергая веревку вправо, влево или на себя, звонарь мог играть на этих колоколах поочередно или сразу на двух вместе²⁷⁰.

Описанный Ионинский звон явился как бы отправной точкой, от которой пошли все остальные так называемые «исторические звоны» ростовской Успенской звонницы. Вот как о них писал С.Смоленский: «Ростовские звоны разнообразятся всякими узорами, которые вызваниваются малыми колоколами, но эти дробные узоры всегда согласованы с ритмом одного из консонирующих им наибольших колоколов», «не трудно понять сколько живости придается звонам с помощью не только оттенков исполнения, но и ритмических комбинаций всякого рода. Праздничные звоны в Ростове более сановиты, медленны; будничные звоны гораздо быстрее от участия только меньших колоколов»²⁷¹.

Ростовские звоны.
С картины М.Я.Виллие.

Введение мелодии в фактурную ткань московского колокольного звона в XVII веке не нарушило его основ как специфического жанра русского музыкального творчества, не лишило его самобытных черт. Главным выразительным средством в нем по-прежнему остался ритм. Мелодическое начало (имеется в виду, прежде всего, *трезвон*) носит все же второстепенный характер. Оно свойственно, как правило, средним «голосам», которые звучат «при продолжающемся ряде фигур», то есть ритмическом движении — в других.

Обновление русского колокольного звона за счет «мелодизации», в чем проявилось определенное влияние западноевропейской музыки, отнюдь не противоречило общей тенденции развития искусства. Развитие любой из национальных культур, как показывает европейская и, в целом, мировая история, невозможно без обогащения посредством взаимовлияний. При этом, ни в коей мере не утрачивается (и не может быть утрачена) ее самобытность, даже при насильственном внедрении инородных элементов. Так или иначе, происходит их адаптация в новых условиях. Инородные элементы вживаются в национальную почву и прорастают через характер, привычки и традиции народа, давая уже качественно новые всходы. Так случилось на Руси с христианством. Так было с русской архитектурой, русской живописью, так стало и с русской колокольной музыкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И так XVII век вошел в историю России, как замечательный период в развитии колоколотейного дела, блестящая эпоха русского колокольного искусства. В этом веке появился своеобразный «русский стиль» в литье. Для этого стиля характерны высокая степень сложности и художественного оформления отливки. Кроме того, русский способ литья становится синонимом производства уникальных колоколов, размер которых значительно превосходит все западноевропейские.

В XVII веке завершилось формирование национальной традиции литья колоколов. В это время в Москве отливались самые большие колокола России, в том числе был отлит самый большой в мире колокол. Анализ развития колоколотейного дела в Московской Руси XVII века позволяет сделать следующие выводы.

Колокола в исследуемое время получили исключительно широкое распространение. Они предназначались не только для использования в православном богослужении, но также выполняли множество светских функций (набатные, часовые, вестовые). Все это приводило к тому, что заказчиками колокольной продукции выступали различные лица, начиная царем, патриархом, князьями и заканчивая простыми людьми. При этом, главным заказчиком колоколов являлось государство, а основная масса отливаемых колоколов предназначалась для религиозных нужд.

Сложилась четкая система организации производства. Обычно заказчик передавал информацию о требуемом колоколе в Пушкарский приказ, далее заказ поступал на Пушечный двор, где находились на государевой службе мастера-литейщики. Обычно, самые серьезные заказы от царя или от патриарха поручались ведущему специалисту-литейщику. Иногда кандидатура того, кому выпадало задание на выполнение отливки, определялась путем свободного конкурса мастеров. Не исключалось при этом, что молодые, но уже достаточно опытные мастера, могли проявить инициативу и попросить оказать им доверие в деле выполнения почетного заказа.

После утверждения кандидатуры мастера следовало детальное уточнение с заказчиком сроков отливки изделия, порядок обеспечения заказа сырьем, художественное оформление колокола, характер надписи на нем, а также плата за работу, включая поощрительную оплату за досрочное и качественное исполнение заказа. Выполняла заказ бригада литейщиков, привлекаемая мастером из числа его подмастерьев, учеников, а также наемных рабочих. Отлитый колокол очищался, тщательно шлифовался; к нему изготавливался язык, крепежные приспособления, после чего колокол вручался заказчику. В случае, если заказчик передавал работу не в Пушкарский приказ, а в частную мастерскую или на завод мастера, то весь процесс заказа и согласование деталей работы, а также получение колокола осуществлялись в данной мастерской.

Автором подсчитано, что в XVII веке только на отливку колоколов для московских монастырей и церквей было потрачено свыше 500 тонн металла — меди и олова. Если принять

за среднюю для XVII века стоимость пуда меди 4,75 рубля, а пуда олова — 5,5 рубля, то получится, что только на металл, не считая работы, было израсходовано 150 тыс. рублей. Это столь большая цифра, что она в 7,5 раз превышает вошедший в историю царский заем в Англии на сумму 20 тыс. рублей.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что правительство тратило на колокола более трети имеющейся в стране меди. Это делалось в то время, когда Москва только-только в 1612 г., была освобождена от поляков, когда война со Швецией велась до 1617 г., а с Польшей — с перерывами — до 1681 г. В ходе этой войны — под Смоленском была потеряна вся русская артиллерия, за что виновный воевода Г.Шеин предан смертной казни. В это же время Россия широко продвигалась на Восток, выйдя к середине XVII века на побережье Тихого океана и на Амур, заключив договор о границе с Китаем. Укрупняющееся, растущее вширь государство не имело достаточного обеспечения артиллерией. Именно нехватка артиллерии заставила русское правительство вернуть туркам захваченную казаками в 1637 г. крепость Азов, а также уступить Китаю при заключении в 1689 г. Нерчинского договора Албазин.

Для покрытия острой нужды в металле правительство предпринимало различные шаги. Прежде всего, налаживался поиск и добыча медной руды на Урале и в ряде других мест (Олонецкий уезд, Нерчинский край, Кунгур). В условиях нехватки отечественных цветных металлов правительство вынуждено было ввозить их из-за границы. В частности, медь и олово доставлялись из Англии и Дании. Швеция и Голландия поставляли нам только медь. За это приходилось расплачиваться не только пушниной, но и хлебом. Только в конце XVII века правительство запретило вывоз хлеба из страны. С целью покрытия дефицита металлов правительство с помощью Земских соборов несколько раз вводило чрезвычайные налоги на население. По этим налогам медеплавильные предприятия уплачивали государству натурой каждый десятый пуд меди.

Отливка колоколов представляла из себя достаточно сложный процесс и требовала большого количества специалистов. В России в XVII веке насчитывалось более 200 профессий

ремесленников, из них около 50 — в медном деле²⁷². Среди этих профессий основными в колоколотейном деле считались колокольники, литейщики, плавильщики, кузнецы. Всего ремесленники составляли 30—40% жителей Москвы и пригородов. Лучшие из московских мастеров были записаны в число дворцовых и казенных ремесленников и прославили себя в истории. Среди них назовем славные имена Андрея Чохова, Емельяна Данилова, Федора Моторина, Александра Григорьева, Харитона Иванова, отца и сына Андреевых, Флора Терентьева. Всего же в России XVII века сохранились имена более 100 мастеров колокольного дела. У каждого мастера имелась группа его помощников — учеников, подмастерьев и наемных рабочих, которые под его командой выполняли заказы.

Проведенный анализ организации ремесленников литейного дела Руси в XVII веке позволяет автору высказать сомнение в отношении правильности утверждения некоторых историков-экономистов о том, будто эта организация была копией западноевропейского цеха. Так, П.А.Хромов утверждает, что цехи ремесленников существовали в русских городах XVII века²⁷³. Такой же точки зрения придерживаются С.В.Юшков, М.Н.Тихомиров, В.Лешков и ряд других авторов. Однако, важнейшей особенностью цеховой организации западноевропейского типа является замкнутость, ограждение цеха от возможной конкуренции соперников. Именно так вел себя приглашенный на русскую службу немецкий литейный мастер Г.Фальк. В отличие от этого иноземного специалиста русские мастера действовали открыто, широко передавали коллегам свой передовой опыт, охотно учились на примере самых талантливых своих братьев по ремеслу. Все это свидетельствует о духе соборности среди русских мастеров колокольного дела, который никак не соответствовал нравственно-этическим и профессиональным нормам западноевропейских цехов.

Кроме государственного Пушечного двора, отливкой колоколов занимались частные литейные мастерские, которые открывали на своих дворах казенные мастера. Правительство стимулировало их создание освобождением от уплаты налогов.

В результате, к концу XVII века большинство колокольных мастеров Пушечного двора организовали частные предприятия. В ведении Пушечного двора осталась лишь отливка царских колоколов и колоколов светского назначения.

Крупнейшей вехой в развитии частного колокольного предпринимательства явилось создание в 1686 г. в Москве первого колоколотейного завода Ф.Д.Моторина — основателя знаменитой московской литейной династии. Этот факт говорит об обеспеченности высококвалифицированных колокольных мастеров, о том, что, будучи высокооплачиваемыми специалистами Пушечного двора, имея определенный предпринимательский талант, возможно было скопить капитал, достаточный для основания своего завода.

Проведенный анализ позволил выявить систему подготовки кадров колоколотейного дела на Руси. Государство было заинтересовано в грамотных высококвалифицированных специалистах-литейщиках. Важное значение в этом деле играла первая в стране специальная школа, работавшая при Пушкарском приказе. Это особо важно подчеркнуть в связи с тем, что многие авторы склонны относить начало русской профессиональной школы к XVIII веку, ко времени царствования Петра I.

Обучение пушкарских детей в государственной школе осуществлялось бесплатно и предусматривало подготовку технически грамотных специалистов для Пушечного двора. Русский колоколотейный мастер XVII века должен был знать свое ремесло в полном объеме, уметь делать все, что можно было сделать при помощи его инструментов, разбираться во всем цикле литейных работ, начиная от приготовления на месте формовочных материалов, составления шихты и кончая постройкой печей, изготовлением огнеупоров, плавкой, формовкой, заливкой металла и даже украшениями отлитого изделия. Подготовка литейного мастера на Пушечном дворе была достаточно эффективной, о чем свидетельствуют факты, когда молодым людям 18—20 лет от роду поручалось выполнение очень сложных отливок. Так, в 1654 г. двадцатичетырехлетний мастер Е.Данилов успешно отлил колокол весом 8000 пудов (131 тонна), а через год А.Григорьев, которому не было еще и двадцати лет, самостоятельно отлил

колокол такого же веса. Высокая стоимость подготовки мастеров в государственной школе, а также прославленное искусство литейщиков «русского» стиля могли сделать наших мастеров объектами переманивания для работы за границей. Во избежание утечки кадров специалистов, правительство брало с мастеров Пушечного двора подписку о том, что они будут работать только в России.

Кроме государственной школы кадры литейщиков готовили частные мастера. Каждый мастер имел по несколько учеников. Обычно перед началом учебы мастер заключал с отцом будущего ученика договор об условиях обучения. Особенность Руси и ее коренное отличие от западноевропейской цеховой организации состоит в том, что мастер во время обучения ученика платил ему. Обычно, плата ученику составляла 5 рублей в год, не считая расходов на питание и содержание, но в отдельных случаях она достигала и 40 рублей. Подсчеты автора показывают, что в XVII веке в Москве было подготовлено на Пушечном дворе и частными мастерами несколько десятков высокопрофессиональных мастеров колоколотейного дела, что вполне соответствовало потребностям государства.

Всестороннее изучение проблемы позволило автору сделать вывод о незначительном влиянии западноевропейских мастеров на колоколотейное дело Руси. В Москве в XVII веке упоминаются лишь два иностранца в колоколотейном деле — И.Тарел и Г.Фальк, приглашенный в Москву из Нюрнберга. Поставленный правительством на должность ведущего специалиста Пушечного двора, Фальк так и не смог подняться до уровня работы прославленных русских мастеров — А.Чохова и воспитанников его школы. Ряд заказов Фальк выполнил с низким качеством, что потребовало переплавки изделия. Претензии данного мастера на сохранение «цеховых секретов» выглядели наивными, поскольку русские мастера знали значительно больше, а тайны из своих знаний не делали.

Это обстоятельство ни в коем случае не может свидетельствовать об изоляции Руси от «передового» в техническом отношении Запада. Москва в XVII веке имела обширные связи с зарубежными странами, включая Западную Европу.

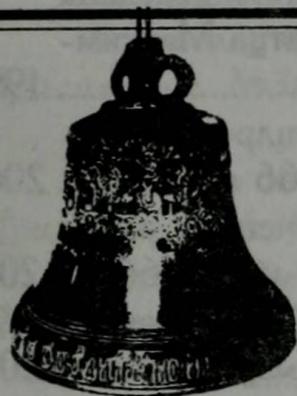
Но слабое участие иностранцев в области именно литейного дела на Руси объясняется тем, что в этой области Западная Европа безнадежно отстала. Она раньше России научилась отливать колокола, но русские мастера в XVII веке подняли колоколотейное мастерство на недостижимый для других стран уровень.

Колокола XVII века оформлены с тонким вкусом и удивительной изысканностью. Тогда еще производство колоколов не было поставлено на поток, поэтому декор московских колоколов не успел потерять своего необычайного изящества.

Среди всех московских колоколов этого периода более всех выделяются колокола производства династии Моториных, особенно Федора и Дмитрия. К сожалению, до наших дней дошло всего несколько этих красивейших колоколов. На наше счастье не поднялась рука их уничтожить, послав в плавильные печи металлургических заводов. А сколько было их! И больших и малых. Выжили они после указа Петра I, приказавшего четвертую часть всех российских колоколов перелить на пушки, выстояли в Наполеоновское нашествие, но колокольная кампания 20-х годов нашего революционного столетия в мгновение ока превратила их в «отвес бронзы».

Вслушайтесь в колокольный звон. Вы слышите? Это не голос звучащего металла. Это души русских мастеров говорят с нами из глубины веков. Они взывают о памяти людской, о величии так и не понятой и не разгаданной иностранцами страны. В каждом колоколе заложена частица души колокольных дел мастера, работавшего не за царские награды и милости, а по зову сердца, своим трудом прославившего Отечество. Поют сегодня над Москвой колокола. Возрождается из небытия Россия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Приложение №1.* Грамота царя Ивана IV новгородским дьякам Федору Еремееву и Казарину Дубровскому от 24 февраля 1556 г. 189
- Приложение №2.* Государево жалованье Александру Иванову Серебрянику за отыскание медной руды от 20 февраля 1633 г. 190
- Приложение №3.* Государево жалованье рудознатцу Александру Иванову за отыскание признаков медной руды от 28 января 1634 г. 190
- Приложение №4.* Государево жалованье стольнику Ивану Стрешневу с товарищами за поиски медной руды от 2 декабря 1633 г. 191
- Приложение №5.* Государево жалованье рудознатцу Елисею Коету за поиск медной руды от 25 апреля 1634 г. 191
- Приложение №6.* Государево жалованье окольниковому Василию Ивановичу Стрешневу на найденную медную руду в Соли Камской от апреля 1634 г. 192
- Приложение №7.* Инструкция голове Василию Даниловичу Пояркову от 15 июля 1643 г. 192
- Приложение №8.* Грамота царя Михаила Федоровича верхотурскому воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу от 16 апреля 1645 г. 194

- Приложение №9.* Грамота царя Алексея Михайловича верхо-
турскому воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу от
4 декабря 1645 г. 196
- Приложение №10.* Память архимандриту Тихвина монастыря
от 9 декабря 1654 г. 197
- Приложение №11.* Грамота царя Алексея Михайловича со-
ликамским воеводам от 20 января 1671 г. 198
- Приложение №12.* Доездная память московского стрельца
Ивашки Блинова с товарищами и рудознатца Максим-
ки Токарева от 1663 г. 199
- Приложение №13.* Челобитная Митьки Александрова Тума-
шева царю Алексею Михайловичу от 1666 г. 200
- Приложение №14.* Государево жалованье греченину рудо-
знатному мастеру Аслану Листову от 10 июня 1663 г. 201
- Приложение №15.* Грамота царя Алексея Михайловича новго-
родскому гостю Семену Гаврилову от 5 марта 1666 г. 201
- Приложение №16.* Проезжая жалованная грамота царя Алек-
сея Михайловича дворянину Андрею Виниусу и волог-
жанину Якову Галкину от 1675 г. 202
- Приложение №17.* Грамота кунгурскому воеводе Ивану Ми-
хайловичу Коробьину от 4 августа 1699 г. 203
- Приложение №18.* «Трактат мирный и дружественный, за-
ключенный между Яковом I, Королем Английским, и
Михаилом Федоровичем, Великим Князем Москов-
ским» в Вестминстере 16 июня 1623 г. 204
- Приложение №19.* Указ царя Петра I от 24 августа 1700 г.
о создании приказа Рудокопных дел 204
- Приложение №20.* Государево жалованье мастеру Андрею
Чохову за переливку колокола Реут от 15 марта 1622 г. 206
- Приложение №21.* Государево жалованье колокольному мас-
теру Кириллу Самойлову за литье 24 колоколов в 1622
и 1623 гг. от 20 октября 1624 г. 206
- Приложение №22.* Годовое жалованье за 1622 г. колокольно-
му мастеру Ивану Тарелу от 1 сентября 1623 г. 206
- Приложение №23.* Челобитная мастера Емельяна Данилова
царю Алексею Михайловичу от 5 июля 1651 г. 207
- Приложение №24.* Государево жалованье кузнецу Тимохе
Утинку... от 15 марта 1622 г. 208
- Приложение №25.* Государево жалованье пушкарям за спуск,
поднятие и подвеску колокола Реут от 15 марта 1622 г. 209

Приложение №26. Надпись на колоколе 1635 г.	209
Приложение №27. Покупка приказом Тайных дел нескольких колоколов у А. Григорьева и М. Иванова в 1664 г.	210
Приложение №28. Отписка казначея вологодского архиерейского дома по поводу неудачного опыта — прилить к колоколу уши от июня 1675 г.	210
Приложение №29. Государево жалованье колокольному лицу Кириллу Самойлову с учениками за отливку семи колоколов от 20 декабря 1621 г.	212
Приложение №30. Государево жалованье мастеру Андрею Чохову с учениками за переливку колокола Реут от 15 марта 1622 г.	212
Приложение №31. Жилая запись на ученика Ивана Князева мастеру Федору Дм. Моторину от 1 мая 1684 г.	213
Приложение №32. Ст. 116 гл. XX Соборного Уложения 1649 г.	214
Приложение №33. Ст. 45 гл. XX Соборного Уложения 1649 г.	214
Приложение №34. Запись на обучение Василия Денисова у мастера Дмитрия Федоровича Моторина от 3 января 1689 г.	215

Приложение №1.

**Грамота царя Ивана IV новгородским дьякам
Федору Еремееву и Казарину Дубровскому
от 24 февраля 1556г.**

«А которые будут неметцкие полоняники у детей боярских и у всяких людей умеют делати руду серебряную, и серебряное дело, и золотное и медяное, и оловянное и всякое, и вы б тех людей велели детем боярским вести к нам на Москву; и которые люди приведут неметцких полоняников, которые знают серебряную руду, и делают серебряное и золотое и медяное и оловяное дело, и годны будут к нашему делу, и мы тех детей боярских пожалуем своим великим жалованьем; а которые люди приведут к вас неметцких полоняников, которые знают серебряную руду, и серебряное и золотное и медяное дело делают, и годны будут нашему делу, и вы об тех людей выпрашивали: кто какое дело

умеет делати?» и которые будет люди рукодельем годны к нашему делу, и вы б тех неметцких полоняников отписывали на меня, царя и великого князя; и у кого какого полоняника отпишете именем, и какому делу которой умеет, и вы бы о том к нам отписали, и мы в том вам велим указ учинить».

(Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1846. — Т. I. — №102. — С. 151.)

Приложение №2.

Государево жалованье Александру Иванову Серебрянику за отыскание медной руды от 20 февраля 1633г.

«Февраля в 20 день (1633 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу по памяти за приписью дьяка Назарья Чистово Государева жалованья Александрику Иванову Серебрянику 8 аршин камки адамашки двоеличной шелк зелен, черлен, по 30 алтын аршин, 4 аршина сукна англинского тмовишневого по рублю аршин, а пожаловал государь его за то, что он у Соликамской меденую руду обыскал».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №1089. — С. 792.)

Приложение №3.

Государево жалованье рудознатцу Александру Иванову за отыскание признаков медной руды от 28 января 1634 г.

«Генваря в 28 день (1634 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу по памяти за приписью дьяка Степана Кудрявцева Государева жалованья рудознатцу Олександрнику Иванову 10 аршин камки куфтеру жолтой по рублю по 6 алтын по 4 деньги аршин, 4 аршина тафты виницейки вишневой по 30 алтын аршин, 4 аршина сукна лундышу тмокоришного по полутора рубли аршин, сорок соболей 40 рублей, да ему ж указано дать ковш соребрян две гривенки и дано ему в ковша место 14 ефимков, а пожаловал Государь его за службу, что он у Соли-Камской сыскал медяные руды признаку».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №925. — С. 862.)

Приложение №4.

Государево жалованье стольнику Ивану Стрешневу с товарищами за поиски медной руды от 2 декабря 1633г.

«Декабря во 2 день (1633 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу по памяти за приписью дьяка Степана Кудрявцова Государева жалованья столнику Ивану Стрешневу, да Янаклычу Челищеву, да Великого Государя блаженные памяти святейшаго патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси столником: Григорью Волкову, Кирилу Арсеньеву, жилцу Матвею Рябинину по 8 аршин камки адамашки человеку в том числе портище черленой, портище рудожелтой, 3 портища лазоревой, все мелкотравные по 30 алтын аршин, по сороку куниц по 14 рублей сорок, а пожаловал Государь их за службу, что они посыланы были с стольником с Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли-Камской для сыску медной руды и у дела были безотступно, и за всякими наемными людьми надсматривали, и в посылки для медной руды посыланы».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №952. — С. 849.)

Приложение №5.

Государево жалованье рудознатцу Елисею Коету за поиск медной руды от 25 апреля 1634 г.

«Апреля в 25 день (1634 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью дьяка Степана Кудрявцова Государева жалованья рудознатцу Елисею Коету кубок серебрян золочен лощат с кровлею, весу 3 гривенки 16 золотников, по 5 рублей гривенка, отлас турецкой по черленой земле золото, в цветах шолк зелен, лазорев, бел, цен 50 рублей, 40 соболей 60 рублей, а пожаловал Государь его за службу, что он был послан на его Государеву службу с околничим с Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли-Камской для сыску медяные руды и будучи у его Государева сыского дела медяные руды радел. А явлено ему при Государе на Комнатном крыльце, а отнес к нему на подворье то Государево жалованье подъячей Иван Яковлев».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №952. — С. 888—889.)

Приложение №6.

**Государево жалованье окольному Василию Ивановичу
Стрешневу за найденную медную руду в
Соли Камской от апреля 1634 г.**

«Апреля в... день (1634 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью дьяка Степана Кудрявцова Государева жалованья окольному Василью Ивановичу Стрешневу указано дать шуба в двести рублей, да кубок серебрян золочен с кровлею чеканной, весу 6 гривенок 21 золотник по 5 рублей гривенка, шуба отлас золотной по белой земле листье золото, в цветах шолк червлен (...) всего шубе цена 200 рублей 4 алтына 4 денги, опроче пугвиц, а пугвицы снесены с Верху из Серебряные полаты. А пожаловал Государь его за службу, что он по его Государскому указу посылан был для его Государева великого дела, для сыску медные руды, к Соли-Камской, а наперед сего для той руды посыланы Чюлок Бартенев и иные многие дворяне, чтоб руда сыскать, и нам Великому Государю и нашему государству прибыль учинить, и те дворяне, не служа Великому Государю и не помня крестного целования, медной руды не сыскали для своей бездельной корысти и имали от того многие посулы и поминки, а он окольной, служа ВГ его ЦВ Божию милостию и Государя и чад его Государевых Благоверного царевича князя Олексея Михайловича и Благ царевича князя Ивана Михайловича счастьем меденую руду у Соли-Камской в Григорове горе, да в Чердынском уезде, да на Романове и в иных во многим местех, медную руду сыскал, а на посулы и на многие поминки не прелстился, и тем ВГ безчисленную прибыль учинил. Да ему ж сказано Государево жалованье к прежнему окладу денежные придачи 220 рублей, да в Ростовском уезде село Пружинино с деревнями 660 чети в вотчину, а отвозил дьяк Гаврило Облезов, и сказывал он же».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №952. — С. 886—887.)

Приложение №7.

**Инструкция голове Василию Даниловичу Пояркову
от 15 июля 1643 г.**

«Лета 7151 году, июля в 15 день, по Государеву Цареву и Великому Князю Михаилу Федоровича всея Руси указу, стольник

и воевода Петр Петрович Головин, велел итить из Якутсково острогу письмянному голове Василью Даниловичу Пояркову на Зию и Шилку реку, для Государева Царева и Великаго Князя Михаила Федоровича всея Руси, ясачнаго сбора и прииску вновь неясачных людей, и для серебряной и медной и свинцовой руды, и хлеба, для того в прошлом в 149 году енисейской служилой человек, Максимко Перфильев, подал своею рукою витимского тунгуса Камбайка шамана роспросные речи про Шилку реку. А сам он Максимко, в роспросе сказал, и в тех ево речах написано, что на Шилке реке многие седячие пахотные хлебные люди, а хлебов у них родитца разных восемь. Да на Шилке же, де, реке на Усть-Уры реки живет братцкой князец Ловкай, а улусных людей с ним. Ловкаем, живет человек с 30; и у тово, де, братцково князца Ловкая на Усть-Уры реки в горе, в утесе, в двуместех серебряная руда... Да на той же, де, реке Шилке, внизу, есть свинцовая и медяная руда... (...) И ему, Василью, итить из Якутсково острогу вниз по Лене реке до Усть Алдана, и Алданом рекою вверх до Буталсково острожку, и под Буталской пришед... тить со всеми ратными людьми вверх по Угеру реке до Гономы реки... А перешед волок на Зию реку, и смотря по воде, сделать суды и с великим поспешеньем плыть на Зие реке до хлебных седячих братцких людей... И на Зие реке будучи ему, Василью, спрашивать всяких иноземцов накрепко про сторонные реки падучие, которые в Зию реку пали, какие люди по тем сторонным рекам живут, седячие ль, или кочевные; и хлеб у них иная какая угода есть ли и серебряная руда, и медная и свинцовая по Зие реке есть ли, и что хто иноземцов в роспросе скажет, и то записывать именно. Да про то на Зие всякими мерами спрашивать иноземцов накрепко по одному, где на Шилке серебряная руда, и медная и свинцовая, и сколь далече от Зии Шилка река... и есть ли на Шилку реку из Китайсково государства приход... И приведчи на Зие реке иноземцов под государеву царскую высокую руку и ясак с них взяв и аманатов, и поставя острог на Зие... итить на Шилку реку; и будет недалече на Шилке реке от Зии серебряная руда и медная, и люди будут в силу, и чае милостию Божиею и государя царя и великого князя, Михаила Федоровича, всея Руссии счастьем, можно до серебряной руды дойти доцти и завладеть ею можно-ж... (...) Да по распросу иноземскому и по своему высмотру сделать ему, Василью, Зие реке и Шилке и в нее падучим рекам чертеж и

ропись... и... в котором месте..., серебряная рука, и медная, и иная какая угода, то... описать имянно. (...) а на весну, аже даст Бог, что сберетца государева ясака... и чертеж и роспись прислать всему за своею Васильевою рукою; и про серебрянную руду, и про медную... имянно описать (...).

(Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. — СПб., 1875. — С. 310—312; ЧОИДР, 1861, кн. I.)

Приложение №8.

Грамота царя Михаила Федоровича верхотурскому воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу от 16 апреля 1645 г.

«От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси, в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Максиму Федоровичу Стрешневу да подъячому Максиму Лихачову. В нынешнем во 153 году писали есте к нам: после де прежнего воеводы князя Микифора Мещерского да подъячего Семена Звягина объявился на Верхотурье, в съезжей избе, камень, а в нем весу семь золотников, и вы де тот камень велели Верхотурскому служивому человеку, серебрянику Куземке Сафьянову, опытать, чего в нем чаять, и служивой де человек Куземка Сафьянов тот камень опытывал, да в тот же де опыт прибавил верхотурский сын боярской Понкратай Перхуров четыре денги и вышло де из того камени по весу два алтына без денги меди, и с тем что сын боярской Понкратай четыре денги прибавил. Да ты де Максим Стрешнев посылал с Верхотурья Верхотурского уезду в Невьянскую и в Ирбитскую волости, для сыску меденые руды, детей своих Григорья да Петра Стрешневых, и дети де твои, Григорей да Петр, по сказкам Невьянских и Ирбитских крестьян, нашли в розных местех медную руду, и тое руды опытывали, и выплавили из пяти гривенок семь золотников меди; да к ним же де, к Григорью и к Петру, принесен верхотурской пашенной крестьянин Малафейко Тимофеев рудные же признаки, три камени; и ту опытную медь, что выплавлена из камени, которой явился в съезжей избе, и которая выплавлена из пяти гривенок и три камени, которые принес пашенной крестьянин Малафейко, ты Максим Стрешнев прислал к нам, к Москве, с сыном своим с Григорьем Стрешневым, да с ним же с Григорьем

прислал в одиннадцати мешках руды, которую они сыскали в Невьянской волости. И по нашему указу та опытная медь, которая выплавлена из пяти гривенок и три камени и руда что прислана в мешках, из Сибирского приказу отослана в приказ Большие Казны к боярину нашему к Федору Ивановичу Шереметеву да к Ивану Матюшкину да к дьяку к Назарью Чистого; и из приказу Большие Казны в Сибирской приказ, к боярину нашему ко князю Никите Ивановичу Одоевскому да к дьяку нашему к Григорью Протопопову, в памяти, за приписью дьяка нашего Назарья Чистого написано: что в приказе де Большие Казны та верхотурской присылки руда осматривана, и иноземцом водовзводному мастеру Христофору Головаю да плавилщику Агличенену Рыцарю Штилю, казана; а по досмотру де во шти мешках калцедан, а в трех мешках камень крепкой с зеленью, а в одном мешке камень желтоват с искрою, в другом мураном зелен с искрою ж, и из того камня, из трех статей, которой с зеленью и которой желтоват и мураном зелен с искрами плавилщик Рыцарь делали опыты, и в тех опытах меди не объявилось; а в допросе де плавилщик Рыцарь сказал, что из того камня меди не будет. И мы указали, в Верхотурском уезде в тех местах, где имана руда, доискиваться медные руды, жил, против образца, каков меденой руде образец прислан к нам, к Москве, из иных русских мест, а не из Сибири; и послан тот меденой руды образец к вам, на Верхотурье, с томским сыном боярским с Костянтином Балымотовым, запечатав в мешечке нашею Сибирского приказа печатью, а из прежние руды, какова прислана к нам к Москве, велели есмь серебрянику Куземке Сафьянову учинити другой опыт, да что в том опыту объявится и о том отписать, и тот опыт и рудные жилы... прислать к нам, к Москве. — И как к вам ся наша грамота придет, а томской сын боярской Костянтин Балымотов с тем меденой руды образцом в Сибирь на Верхотурье приедет, и вы б у него Костянтина тот меденой руды образец взяли, и велели в Верхотурском уезде в тех местах, где имана руда, и в иных местах доискиваться меденые руды, жил небольшими росходы, против того образца, каков послан к вам с сыном боярским с Костянтином Балымотовым, а велели ити вглубь теми обычай, как копали колодези: да будет такие рудные жилы, против... к нам, к Москве, в Сибирской же приказ; а будет против образца, в Сибири, медные руды, жил, вновь не сыщется, и сколь глубоко новой медной руды искано будет и в которых

местех, и вы б о том потомуж отписали к нам к Москве в Сибирской приказ. Писан на Москве, лета 7153 Апреля в 16 день.

В Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Максиму Федоровичу Стрешневу да подъячему Максиму Лихачеву. — 153 Августа в 8 день. Подал Государеву грамоту томской сын боярской Костянтин Балымотов».

(Акты исторические, собранные Археографической комиссией. — СПб., 1841. — Т. III. №245. — С. 403—404.)

Приложение №9.

Грамота царя Алексея Михайловича верхотурскому воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу от 4 декабря 1645 г.

«От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси, в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Максиму Федоровичу Стрешневу да подъячему Федору Постникову. В нынешнем во 154 году писал ты воевода наш Максим Стрешнев, блаженные памяти к отцу нашему к Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Руси: нашли де дети твои, Григорей да Петр Стрешневы, в Верхотурском уезде, вверх Тагила реки, меденую руду; и тое меденое руды каменье прислал ты к нам, к Москве, в дву коженных мешках, да опыт, что опытывали дети твои Григорей да Петр, сами, без мастера. И по нашему указу, то каменье и опыт из Сибирского приказу отсылано в приказ Болшие Казны, к боярину к нашему Федору Ивановичу Шереметеву да к Ивану Матюшкину, да к дьяку к Назарью Чистого; и из приказу Болшие Казны в Сибирской приказ, к боярину нашему ко князю Никите Ивановичу Одоевскому да к дьяку нашему к Григорью Протопопову, в памяти, за приписью дьяка нашего Назарья Чистого, написано, что де в приказе Болшие Казны та меденая руда опытывана, и выплавлено из лутчие руды, из чети фунта меди золотник скупно, а из плохие руды, из четверти ж фунта выплавлено... не примешивая; а к тому меденному опыту будет плавилщиком надобно каких снастей, или кузнецов, или иных каких работных людей: и вы б велели им то все давать тотчас, чтоб у них той меди опыт ни за чем не стал. А однолично б есте в Верхотурском уезде меденые руды сыскивали всякими мерами, по нашему указу как писано о том к вам наперед сего; да сколько медной руды и в которых

местех сыщется и что из той руды, и с чего по весу, у плавильщиков опытной меди будет, и вы б о том о всем подлинно велели отписать и ту опытную медь прислать к нам, к Москве, наскоро, тотчас, а отписку и опытную медь велели подать в Сибирском приказе, боярину нашему князю Никите Ивановичу Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. А плавильщиком, которые от Соли Камской на Верхотурье присланы будут, велели б есте давати нашего жалованья, покаместа они у дела будут, Олександрику Иванову корму на месяц по четыре рубли, Сенке колокольнику по три рубли с полтиною, а подплавильщиком по рублю по двадцати по пяти алтын на месяц. А что ты, воевода наш Максим Срешнев, и дети твои Григорей и Петр о медной руде радели и промышляли, и мы тебя Максима и с детьми твоими за то похваляли: и вы б, воевода наш Максим и подъячей Федор, однолично о том нашем деле, о меденой руде, и вперед радели и промышляли по нашему указу, и о том о всем к нам писали подлинно. Писан на Москве, лета 7154 Декабря в 4 день».

(Акты исторические, собранные Археографической комиссией. — СПб., 1842. — Т. IV. — №7. — С. 32.)

Приложение №10.

**Память архимандриту Тихвина монастыря
от 9 декабря 1654 г.**

1654 г. «Память от 9 декабря по указу Государеву Тихвина монастыря архимандриту... у приезжих и у торговых людей медь переписать, сколько у кого какой меди досчатой и шкилевой... объявится; и переписать тое медь у всяких людей, и с тою б медью выслать тех торговых людей, за поруками, в Великий Новгород, и той шкилевой и досчатой меди переписную роспись прислал... а для высылки с тою медью и той меди для переписной росписи послан из Новгорода тот целовальник Ильюшка Золотарев нарочно... А будет кто Тихвинцы и иных городов приезжие торговые люди учнут про тое медь таить и в Великий Новгород меди не повезут, и тем людям от Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя России Самодержца, быти в великом опале и в жестоком наказанье, безо всякия милости и пощады».

(Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. — СПб., 1875. — С. 217.)

Приложение №11.

Грамота царя Алексея Михайловича соликамским
воеводам от 20 января 1671 г.

«Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, холопи твои Ивашко Монастырев, Савка Тютчев (воеводы соликамские) челом бьют. В нынешнем, Государь, во 179 году, генваря в 20 день, в твоей Великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, грамоте, писано к нам, холопом твоим, к Соли Камской, а велено у Соли Камской разыскать подлинно и к тебе, великому государю, отписать: медную руду, которую сыскивал у Соли Камской боярин Василей Иван Стрешнев и ныне тое медную руду сыскивают ли, или та медная руда сыскивать покинута, и для чего покинута? И по твоему, Великого Государя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, указу, мы, холопи твои, о том у Соли Камской розыскивали. И Соли Камской Пыскорского Преображенского монастыря архимандрит Пафнотей, келарь старец Феодосий, казначей старец Илья, с братиею, сказали, архимандрит по священству, а старцы по иноческому обещанию: то де они помнят, как боярин Василей Иванович Стрешнев, был у Соли Камской для приску медные руды, и прискали при нем медную руду на Каме реке, в Григорове горе, и той-де медной руды опыт чинили; и после-де того гость Надея Светешников, да с ним мастера немцы: Арист Пятцольт с торищи, в той горе и во многих местех медную руду сыскивали и привозили вниз Камою рекою в плавильню, что у них, Надея с товарищи, делано была плавилна под их Пыскорским монастырем на речке Калкарке и плавил из тое руды медь; а после Надеи Светешникова, дворяне: Богдан Шушин, а после Богдана, Тимофей Лодыгин, Юрье Телепнев, с русками мастеровыми людьми, в горах медную руду сыскивая и плавил, в той же плавилне, многие лета; и как в горах медная руда вынялась и признак рудных не стало, и от того времени руднаго меднаго дела промысел и плавление покинута и промышлять перестали, потому что медная руда вся вынялась; а того-де меднаго дела всякие снасти и ныне в их монастырской слободке, под церковною трапезою, за печатью целовальников, чердынцов посадских людей и уездных крестьян. Да Соли ж Камской уезду с Григоровы го-

ры, где было то медное дело, крестьяне Ивашко Денисов с товарищи сказали теж речи, что и архимандрит с братьею сказали; да они ж, крестьяне, сказали: то де медное дело покинуто при Юрье Телепневе, что де в горе руды медные не стало, и о том де Юрье Телепнев писал к тебе, Великому Государю, к Москве; а ныне де и подкопы и шахты обвалились, а ныне де в той Григорове горе к твоему, Великого Государя, Зырянскому и Соли Камской к соляным к ворнишным промыслом ломают камень, и рудных де медных признаков в той горе нет и не видали».

(Дополнения к Актам историческим. — М., 1882. — Т. VI. — №24. I.)

Приложение №12.

Доездная память московского стрельца Ивашки Блинова с товарищами и рудознатца Максимки Токарева от 1663 г.

«Лета 7171 Июля в 13 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, указу и по грамоте, московские стрельцы полковника и головы Семенова приказу Полтева, Ивашко Михайлов сын Блинов с товарищи, четыре человека, ездили из Чердыни, с рудознатцем Сарапулского уезду Троецкого села с Березовки с Максимком Семеновым сыном Токаревым, за Камень, за Поманеную гору, к Ваграну озеру, серебряной руды искать: и мы Ивашко с товарищи серебряной руды не сыскали, а сыскали медную руду, за Каменем, на Сибирских водах, в Верхотурском уезде, и взяли тое руды, для опыту, пуда с полтретья и ту медную руду привезли в чердынь; а с нами ж из Чердыни послан был для плавки руды чердынец серебряник Ондрюшка Вятчанин, и тот Ондрюшка и иные Чердынские серебряники из той руды опыту сделать не умеют, и тое медную руду повезли мы Ивашко с товарищи, для ведома и опыту, к Великому Государю, к Москве; а как тое руду нашли, и в котором месте, и в то время были чердынцы посадские люди, Мокейко Свирепов, Ондрюшка Коростин, Сенка Корелчиков, Данилко Кайданов, Ивашко Поздеев, Гришка Ванков. — Доезд писал чердынец Ивашко Колашников».

(Акты исторические, изданные Археографической комиссией. — СПб., 1842. — Т. IV. — №173. — С. 334.)

Приложение №13.

**Челобитная Митьки Александрова Тумашева
царю Алексею Михайловичу от 1666 г.**

«Царю Государю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России, и государю благоверному царевичу и великому князю Федору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России, и государю благоверному царевичу и великому князю Симеону Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белья России, бьет челом холоп ваш, меднее руди плавильщик Митка Александров Тумашев. В прошлых, Великие Государе, годех, по вашему, Великих Государей, указу и по грамотам, промышлям отец наш, Александр, и мы, холопи ваши, в Усолском уезде, на Григорове горе и на Пыскоре... медным промыслом после Немец и после дворянина Юрья Телепнева... руду плавил, по договору и медь в вашу государеву казну у Соли Камской целовалникам отдавали, пуд меди по два рубли, и из той медной руды выплавили меди пятьсот семьдесят четыре пуда; и после того указали вы, Великие Государи, отцу нашему и нам, холопом своим, в горах медную руду копать и плавить, по договору ж, пуд меди по три рубли имать в вашу государеву казну; и мы, холопи ваши, на Григорове горе и на Кужгорте медную руду копали, и медь плавил, и отдавали в вашу государеву казну у Соли Камской целовалником, триста пятнадцать пуд, и по вышему Государеву указу велено тое медь у Соли Камской продавать всяким людем пуд по четыре рубли с четвертью, и вам, Великим Государем, отец наш и мы, холопи ваши, своим раденьем промышлишком учинили вашей, Великих Государей, казне прибыли болши полуторы тысячи; и со 165 году медною промыслу не стало у нас, потому что на Григорове горе и на Куж-горах медные руды вынялись. И по Вашему Государеву указу велено нам, холопом вашим в новых местех руд сыскивать; и мы, холопи ваши, у Соли Камской в уездах руд искали, и обыскать не можем, и теперича живем на Пыскоре без промысла. Милосердый Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России самодержец и... пожалуйста меня, холопа своего: велите Государи в сибирских городех, на Верхотуре и в Верхотурском уезде, по рекам и по горам и по лесам ездит, искать всяких руд безпенно, на ваше, Великих Государей, счастье либо Бог откроет, и опыть чинить; и что Бог объявит и я вам,

Великим Государем, объявляю; и велите, Государи, холопу своему для рудных приисков в Верхотурье приехать и с собою привезть всяких снастей, рудокопных и опытных, безпенно, нынешней зимы 174 году. Царь Государь и Государи благоверные царевичи! смилуйтесь пожалуйста».

(Дополнения к Актам историческим. — М., 1882. — Т. V. — №10. I.)

Приложение №14.

**Государево жалованье греченину рудознатному мастеру
Аслану Листову от 10 июня 1663 г.**

«Греченину рудознатному мастеру Аслану Листову, которой призван в Московское государство, дано государева жалованья: пара соболей, цена 5 рублей, да 4 аршина сукна кармазинного, по 2 рубли по 13 алтын по 2 денги аршин; итого 9 рублей 20 алтын».

(Русская историческая библиотека, т. 23. — СПб., 1904. — Дела Тайного приказа. Кн. 3. Книги Персидских товаров. 1. Книга 1663—1665 гг., 171 г. июня в 10 день, л. 54. — С. 1447.)

Приложение №15.

**Грамота царя Алексея Михайловича новгородскому
гостю Семену Гаврилову от 5 марта 1666г.**

5 марта 1666 г: «от Царя и Великого Князя Алексея Михайловича... по городам столником нашим и воеводам. По нашему указу, послан в Москвы из Новгородскаго приказу новгородский гость Семен Гаврилов, а с ним плавильщик иноземец Денис Юрьич, в Олонецкой уезд, в Толвуйскую волость, для сыску медные руды. А что ему, Семену, к тому рудокопному делу на покупки и на всякие расходы денег и иных запасов и подвод под всякие запасы и целовальников и иных каких мастеровых людей и толмачей понадобится, и то ему велено давать в Великом Новгороде и на Олонце... чтобы у него тому рудокопному делу мешкоты и помешки ни за чем не было, и во всем ему в том рудокопном деле чинить всякое вспомогательство, да о том писати к нам, Великому Государю...»

(Дополнения Актам историческим. — СПб., 1882. — Т. V. — №13. I.)

Приложение №16.

Проезжая жалованная грамота царя Алексея Михайловича дворянину Андрею Виниусу и вологжанину Якову Галкину от 1675 г.

«Как они с Москвы в которые города и уезды приедут и Великого Государя проезжую жалованную грамоту или список Великого Государя с подлинныя грамоты, за дьячьёю приписью, объявят, и по городом бояром и воеводам и дьяком, а Великого Государя в дворцовых волостях и в селех и в деревнях, и в патриарших и в митрополичьих, и в архиепископлих, и в монастырских и бояр и околничых и думных всяких чинов людей, в селех же и деревнях, всяким приказным людем, велено им в рудосыскном деле, по изветчиковым речам и на чьей земли не прилулчитца, давать всякую поволность; а на ослушников, им и посылщиком их, везде давати стрельцов и пушкарей и розсылщиков, сколько человек пригоже. А украинных городов в степных местах давати им служилых конных и пеших людей, сколько человек пригоже, а смотря по весям с прибавкою. Да им же велено везде давати, и под их людей, и под снасти, и под всякую их рухлядь, ямския подводы, а водяным путем суды, со всеми судовыми снастями и с кормщиками и гребцы за их прогоны. Да их же, или кто из них куды поедет, и изветчиков и мастеровых и работных и их людей, и кто с ними в тех рудных сысках будет, везде по городам и уездам пропускать и никакой задержки и остановки не чинить и на мостах и на перевозах и всяким пошлинником, и на дворех постоялаго имать с них и с людей не велено. А буде в том сыску обыщут где в каких местех, Великого Государя или на помещиковых и вотчинниковых землях, какия иныя руды, кроме золотой и серебряной, краски или слюду, или какое узорочное или простое пригожое каменьё, и теми обыскными месты и рудами, и красками, и слюдою, и каменьём, против Великаго Государя указу и жалованных грамот каковы о том Андрею Виниусу и Петру Марселису даны из Новгородцкаго приказу, владеть им и на тех местех заводы и промыслы заводить им же поволно, и о том о всем им велено к Великому Государю писать и под отписками присылать росписи имянно в Посольский Приказ. А буде по городом и уездом, или где ни есть, его великого государя указу и в рудосыскном деле им, или посылщиком и людем их, какую помешку и остановку и обиду и иную какую противность кто

учинит, и тому от Великого Государя быти в опале и в пене и в наказанье; и покаместа они в том его Великого Государя рудосыскном деле будут, во всех городех на них с товарищи ни в чем суда давать не велено, чтоб им в том рудяном сыску помешки не было. А кому до них, или до людей их, какое дело по прямому ни них челобитью и крепостям будет, и тем людям бити челом великому государю на них на Москве, в Посолском приказе».

(Дополнения к Актам историческим. — СПб., 1882. — Т. VII. — №10. III.)

Приложение №17.

Грамота кунгурскому воеводе Ивану Михайловичу Коробьину от 4 августа 1699 г.

«От Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца, на Кунгур, столнику нашему и воеводе Ивану Михайловичу Коробьину. В нынешнем в 207 году августа в 2 день, в нашем Великого Государя указе, из приказу Казанского дворца, в Новгородской приказ писано: в нынешнем в 207 году Июля в... день писал к нам Великий Государь, из Казани, столник и воевода Никита Кудрявцов: в нынешнем де в 207 году Апреля в 22 день писал к ним, в Казань, рудокопной мастер подполковник Лаврентей Нейтор: в Кунгурском де уезде, меж Асинския слободы и Кунгура, по речке Бым, в вершине, в черном лесу, в горе, где указал тогож Кунгурского уезду села Степакова крестьянин Федка Попков, обыскал де он вновь медные руды назначную землю, и в том де месте накопал тое назначные земли малое число, потому что стала в черном лесу, и гора не обтаила, и снега великие; и из тое де назначные земли учинил он опыт, а вышло из полпуда медные руды меди фунт; а ты де подвод ему и работников не дал и наняться не велел, и говорил, что де и впредь, без нашего Великого Государя указу и без послушные грамоты из Новгородского приказу, послушным быть ни в чем никому не велишь. — И как к тебе ся наша Великого Государя грамота придет, и ты б Кунгурским работным людям, к тому делу, наниматься поволною ценою невозбранно. Писан на Москве, лета 7207 Августа в 4 день».

(Акты исторические, изданные Археографической комиссией. — СПб, 1842. — Т. 5. — №289. — С. 532.)

Приложение №18.

«Трактат мирный и дружественный, заключенный между Яковом I, Королем Английским, и Михаилом Федоровичем, Великим Князем Московским» в Вестминстере 16 июня 1623 г.

«Равным образом определяется, что все те права и преимущества на свободную торговлю и коммерческие сношения, которые дарованы были английскому купечеству Его знаменитым всея России величеством и благородными Его предшественниками, пребудут в полной их силе; и что в силу сего трактата подданные обоих знаменитых Государей могут свободно и дружелюбно без всякого помешательства или препятствия, как сухим путем, так и морем и реками, привозить разные торговые промыслы и привозить всякие товары, галантерейные вещи, драгоценные камни с такою свободою, как бы они были подданные одного и того же Государя. Но свободная торговля сия относится только к тем Великобританским купцам, коим дозволено торговать в России от Его Величества и знаменитого Его родителя Святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея России. Относительно же к подданным Его Величества всея России, то тем их оных дозволена будет только помянутая свободная торговля, коим от Его Величества даровано будет на то право особыми трактатами».

(«Трактат мирный и дружественный, заключенный между Яковом I, Королем Английским, и Михаилом Федоровичем, Великим Князем Московским. Дан в Вестминстере 16 июня 1623 года» // Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича. — СПб., 1832. Ч. 2. — С. 112—113.)

Приложение №19.

**Указ царя Петра I от 24 августа 1700 г.
о создании приказа Рудокопных дел**

«Великий Государь указал: для пополнения золота и серебра в своем Великого Государя Московском Государстве, на Москве и в городах сыскивать золотых и серебряных и медных и иных руд, и о сыску тех руд, в городы, к воеводам и приказным людям, послать грамоты, и к бургомистрам памяти; велел на Москве и в

городах и в уездах по торгам и ярмаркам, в торговые дни, кликать бирючем по многия времена. Будет кто на Москве и городах ведает или впредь сведает, на его Государевых или на чьих-нибудь землях, золотую и серебряную, и медную, и иныя какие руды, и тем людям извещать; а по тем извешам, на Москве из дворян, а в городах воеводам ехать в те места, на которыя они в извеште своем скажут, с кем пристойно, и тех мест досматривать, а досмотря, той руды имать по два пуда; а в каких местах и на чьей земле, и в городах или в низких местах, и при лесах ли и при водах, опи сывать именно, и ту руду, запечатав, присылать к Москве, в приказ Рудных дел, с нарочными посыльщиками, без всякого мотчания; и в том сыску руд велеть радеть неотлошно, чтоб в том учинить прибыль. А над подъячими и над посыльными смотреть, чтоб они градским и уездным людям и извешчикам, налог и взятков и никаких обид отнюдь не чинили. А извешчикам сказать его Великого Государя указ, чтоб они руд искали с немалым о том прилежанием, и сыскав какие-нибудь руды, объявляли; и буде по их извештам, в котором месте сыщется подлинно золотая или серебряная или медная руда, и за тот рудной прииск извешчикам дано будет его Великого Государя жалованье. А в которых городах Разряды, и тех городов воеводам, по таким же извештам, для досмотру руд посылать кого пристойно. А буде кто золотыя и серебряныя и иныя какия руды ведает или впредь сведает, а о том не известить, для чего-нибудь, а после про то сыщется, и тем людям по розыску учинено будет наказание на Москве из приказу Рудных дел. А буде на Москве в Приказах, а в городах в приказных и в губных избах есть извешты и дела и сыскные руды, которыя были преж сего, и те дела и руды потому ж прислать в приказ Рудных дел. А быть в приказе Рудных дел, у того дела, приказу Большая Казны подъячим старым дву, молодым десяти человекам. И о присылке из Приказу и из памятей в Разряде и в Ратушу и в иныя приказы, в которых города росправою ведомы, а о подъячих в Большую Казну послать памяти».

(Полное Собрание Законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. IV. — №1815.)

Приложение №20.

Государево жалованье мастеру Андрею Чохову за переливку колокола Реут от 15 марта 1622г.

«Того ж дни (15 марта 1622 г. — А.Б.) по Государву (титул царя Михаила Федоровича — А.Б.) указу за приписью диака Ивана Софонова, Государева жалованья пушечному мастеру Ондрею Чехову 4 аршина сукна лундышу маковой цвет, цена полтора рубли аршин, да 10 аршин камки куфтеру червчатого, цена по рублю аршин, да 40 куниц, цена 12 рублей. А пожаловал Государь его за службу, что он перелил старой большой Реут колокол».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №916. — С. 291.)

Приложение №21.

Государево жалованье колокольному мастеру Кириллу Самойлову за литье 24 колоколов в 1622 и 1623 гг. от 20 октября 1624 г.

«Октября в 20 день (1624 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью дьяка Ондreja Вареева, Государева жалованья колокольному литцу Кирилу Самойлову 4 аршина сукна кострышу тмосинего, цена 3 рубли. А пожаловал Государь его за колоколное литейное дело, что он с ученики своими в прошлых, во 131 году и во 132 году, слили в розные города вестовых, и по монастырем одиннадцать колоколов, да Фроловские ворота к часам 13 колоколов, а учеником его четверем человеком дано за сукна деньгами, по 2 рубли человеку».

(Забелин И.Е. Дополнени к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №921. — С. 393.)

Приложение №22.

Годовое жалованье за 1622 г. колокольному мастеру Ивану Тарелу от 1 сентября 1623 г.

«132 года сентября в 1 день (1623. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за

приписью думного дияка Ивана Грамотина Государева (титул) и отца его Государева Великого Государя Святейшего патриарха Филарета Никитича жалованья колоколному мастеру Ивану Тарелу: кубок серебрян золочен ложчат с покрывкою на высоком стоянце. У кубка под пузом и на стоянце и на покрывке травки резные, гнутые, белы. У кубка под пузом на дереве стоит мужик, около его извилась травка с нацветы, весу в нем гривенка 26 золотник, по 5 рублей гривенка, 10 аршин отласу лазоревого, цена по 20 по 5 алтын аршин, 4 аршина сукна лундышу вишневого, цена по 2 рубли аршин, сорок соболей 20 рублей, сорок куниц 12 рублей. И всего дано ему Государева жалованья на 70 рублей на 15 алтын на 2 денги... А пожаловал Государь... колоколного мастера за колоколное дело...»

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №920. — С. 343—345.)

Приложение №23.

Челобитная мастера Емельяна Данилова царю Алексею Михайловичу от 5 июля 1651 г.

«В нынешнем во 159 (1651 г. — А.Б.) году по твоему Государеву указу спущен Рождества Христова большой благовестной воскресенской колокол для переливки. И в Пушкарском Государь приказе дьяки Григорий Одинцов да Ондрей Галкин иноземца пушечного и колокольного дела мастера Ивана Фалька того колокола про медь допрашивали, что можно ли в той меди опять сделать колокол перелить вновь, и иноземец Иван Фальк в допросе сказал, что де та медь опять в колокольное литье не годитца и после ж его иноземца допрашиваны мы холопи твои, про тот же колокол, про медь, что годится де та колокольная медь опять в колокольное литье, и мы х. т. (холопи твои. — А.Б.) сказали, что будет та медь годна опять в колокольное литье. И по твоему Государеву указу, против нашей сказки велено нам х. т. тот Воскресенской разбитой колокол перелить, и мы х. т. сделали на тот колокол яму новую и образец заводить почали. И как он Иван Фальк сделал твой Государев указ, что велено нам х. т. тот колокол перелить, и он сказал опять иную свою сказку про медь, что годитца де и та медь в колокольное литье, и опять он допрашиван, выльет ли тот колокол однова в один

завод, и он Государь, так переливать не емлется, а кладет на волю Божию. И мы х. т. допрашиваны против того ж, что бы тот колокол вылить однава; и мы х. т. на такое большое дело похвалитца так не смеем, смотря и премечаючись к прежним старом мастером, что и преж, Государь, сего и старые мастера на такие большие дела не похвалялись, что вылить однава, а тут Бог волен. И он Иван Фальк многие колокольные дела делывал не по однажды: лил он колокол в Казань в соборную церковь в 500 пуд... и тот колокол переливал от трижды. Потому Государь и мы х. т. похвалитца не смеем и надеясь на милость Божию и на твое царское счастье, выльем тот колокол мастерством не хуже его, а в литье и в образцовой крепости Господь Бог волен; а ведомо, Государь, то наше рукодельюшко тебе Государю: вылил я, Омелько, прорезной колокол, что и ныне стоит у тебя, Государя, на Сытном дворе, да мы ж х. т. на Костроме в Ипацком монастыре вылили колокол в 700 пуд, и нам, Государь, то колокольное дело в обычай, а он Иван Фалька ту колокольную медь хулил, а ныне ту же медь да хвалит, а у нас х. т. ныне яма сделана и образец заводить почат. ...Милосердный Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Русии пожалуй нас х. т. вели Государь нам тот благовестной воскресенской колокол перелить, а нам колокольное дело во обычай, не вели Государь ему Ивану Фалку того колокола переливать. Царь Государь смилуйся пожалуй».

На обороте надпись: «159-го (1651. — А.Б.) году июля в 5 день Государь приказал тот колокол перелить Пушкарского приказу русским мастером по их челобитью».

(Петербургское отделение Института истории РАН. — Архив. Ф. 175 И.Х.Гамеля, кн. 27.)

Приложение №24.

**Государево жалованье кузнецу Тимохе Утинку
за изготовление железных крепей и языка к
колоколу Реут от 15 марта 1622 г.**

«Того ж дни (15 марта 1622 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича — А.Б.) указу, по памяти за приписью диака Ивана Софонова, Государева жалованья кузнецу Тимохе Утинку 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена

2 рубли с полтинлю портище. А пожаловал Государь его в приказ за службу, что он к большому к Реуту колоколу всякие железные крепи и язык колокольной сковал».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №916. — С. 292.)

Приложение №25.

Государево жалованье пушкарям за спуск, поднятие и подвеску колокола Реут от 15 марта 1622г.

«Того ж дни (15 марта 1622 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью диака Ивана Софонова, Государева жалованья пушкарем: Максиму Иванову Костоправу 4 аршина сукна аглинского лазоревого, цена по 20 по 6 алтын по 4 денги аршин, да 4 аршина тафты червчатой виницейки, цена по 20 по 3 алтына по 2 денги аршин, а пожаловад Государь его в приказ. Да Михайлу Боханову, Микифору Михайлову, Гаврилу Сиделнику по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище, а пожаловал Государь их за то, что они старой большой Реут колокол спускали и поднимали и оставили на старом месте».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №916. — С. 292.)

Приложение №26.

Надпись на колоколе 1635 г.

Надпись на колоколе 1635 г., который находился в церкви Сергия на Дмитровке в начале XX века:

«ВЫМЕНЕН СЕЙ КОЛОКОЛ К ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО ЧУДОТВОРЦА ЧТО НА ДМИТРОВКЕ ПО РОДИТЕЛЯХ ПО ИОАННЕ И ПЕТРЕ И ПО МАТРЕНЕ И ПО ИХ СРОДНИКАХ В ВЕЧНОЕ ПОМИНОВЕНИЕ, А ВЕСУ В НЕМ 21 ПУД 10 ФУНТОВ».

(Мартынов А.А. Московские колокола // Русский архив. — 1896. №№1—3.)

*Приложение №27.***Покупка приказом Тайных дел нескольких колоколов у А. Григорьева и М. Иванова в 1664г.**

«Тогож числа. (4 дек. 1664 г. — А.Б.) По указу великого Государя (титул), куплено в новую Измайловскую слободу к церкви Рождеству Христову Колокольного ряду у торговых людей, у Александрка Григорьева: колокол, четыре пуда осмнадцать гривенок две чети; колокол, три пуда четыре гривенки две чети; колокол, полтора пуда две гривенки две чети; у Матюшки Иванова: колокол, семь пуд пятнадцать гривенок; колокол, пуд десять гривенок. Всего двадцать пуд четырнадцать гривенок две чети. За пуд — по шти рублей. Итого сто двадцать два рубли пять алтын пять денег. Ис приему Андрюшкина ж росписка в розходном столпу».

(Русская историческая библиотека. Т. 23. — СПб., 1904. Дела Тайного приказа. Кн. 3. Приходно-расходные книги приказа Тайных Дел. Книга 1664—1665 гг. Л. 56 об. — С. 563.)

*Приложение №28.***Отписка казначея вологодского архиерейского дома по поводу неудачного опыта — прилить к колоколу уши от июня 1675 г.**

Отписка, посланная в июне 1675 г. казначеем вологодского архиерейского дома к отсутствующему архиепископу: «Ведомо тебе, государю, буди от колоколново мастеришка не мог отстоятца, что ушей не наливать; многожды мне бил челом и докучал немерно, чтоб ему уши долить, и я ему конечно отказал: «не дам и посмотреть тебе доливать». А хотел я просверливать и приделовать железные уши, как в людях водитца, и про большой колокол Спаса Новаго монастыря сказывал ему, что уши у него приделываны железныя; и он меня убогово не послушал, жаловался про то попу Ивану и домовым людем твоим, государевым, и многим сторонним людем, что я ему не даю наливать; и они мне о том стужали немерно, чтоб ему я дал уши выливать; и я им сказывал, что так прежней большой колокол огнем разжигали, как его разбили, и они мне не поверили, призвали старца Иасафа и Нестера колокольника, и они говорили, что мочно доливать, и

я им говорил: «конечно испортите». И старец Иасаф имался уши доливать, а имал он у нас от колокола оставшие меди и выливал кандию (лампаду) неболшую, или разжигал для опыту. И мастеришко ему, Иван, не дал доливать, а взялся сам, что без вреда уши долить. И я, опасаясь от них к тебе, государю, на себя извета, не могая доуки перетерпеть, медь дал долить, а сказал: «так портят, а не доделывают». И как он стал доливать, и колокол разжег, и пустил медь, — и треснула три раза, как на реках зимою лед колет. А в те поры тут был Григорей Егоров; и после того, как землю сымали, и был тут твой, государев, дьяк Кирило Борисов: — аж на нем (колоколе) в три страны три щели, от ушей через травы и подпись, а поперег — от того в обе стороны по полуаршину: и ему приговорили, хто огнем промышляет. Хочет к тебе, государю, послать заручную челобитную, чтоб ты ево пожаловал, велел вдругоред переливать: ты, великий архиерей Божий, ему не верь, не давай переливать, удачи ему не будет; видели мы мастерство ево, паче ж плутовство, а не мастерство. А как он сперва медь взял и хотел, чтоб в те поры и молебствовать, и я отговорил: «так не водится; не ростопя, не молебствуют»; и призвал я протопопу, и протопоп то ж ему сказал, и уговорилися: в те поры молебствовать, как медь пустить в кожух. Медь клали в печь час ноши; у меди были, как в печь клали с весу: Григорей Егоров, Кирило Блинов, Вавило Швец. И по договору, ростопя медь, прислал весть к протопопу молебствовать, и в те б поры медь спускать: и протопоп с причтом церковным пришел, и я, убогой, после приволокся, и велел ему в печи вымешать шестом. И как он стал вымешивать и учала медь клоктать немерно. И я ему стал говорить: «что ты хочешь медь пускать, а она не вся ростопилась?» И оттоле он растапливал до десятого часа; протопоп и я ждали то время не отходя; и мы ево мастерства насмотрелись; и медь он растапливал шестнатцать часов. И тебе б, государю, на меня, раба твоего, в том праведного гневу не положить. А к отвозу к нему, колокольнику, у весу были: Григорей Егоров, Стефан Филимонов, Федор Быков, Кирило Блинов, Вавило Швец, я — убогой Иосиф. Не в указ тебе, государю, не велеть ему давать переливать вдругорят: не будет удачи и в третьие, потому что не мастер; опроче изьяну не удет ничево; хорошо б ему над своею медью учиться».

(Известия Императорского Археологического общества. 1861. — Т. III, вып. 1. — С. 54—56.)

Приложение №29.

**Государево жалованье колокольному литцу Кириллу
Самойлову с учениками за отливку семи
колоколов от 20 декабря 1621 г.**

«Декабря в 20 день (1621 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью диака Ивана Софонова, Государева жалованья колокольному литцу Кирилу Самойлову 4 аршина сукна аглинского тмосинего, цена по 20 по 6 алтын по 4 денги аршин, да его ученикам: Данилку Матвееву, да Ивашку Полуехтову, да Ваське Борисову, по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище, а пожаловал Государь его за то, что он вылил с учениками 7 колоколов».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №916. — С. 280.)

Приложение №30.

**Государево жалованье мастеру Андрею Чохову
с учениками за переливку колокола Реут
от 15 марта 1622 г.**

«Того ж дни (15 марта 1622 г. — А.Б.) по Государеву (титул царя Михаила Федоровича. — А.Б.) указу, по памяти за приписью диака Ивана Софонова, Государева жалованья мастера Ондreja Чохова учеником: Дружине Богданову, Василью Ондрееву Ноугородцу, по 4 аршина сукна аглинского лазоревого, цена по 20 по 6 алтын по 4 денги аршин, да по 4 аршина тафты червчатой, цена по 20 по 3 алтына по 2 денги аршин, да Тараску Григорьеву, Томилку Карпову, Мартынку Кузьмину, Стенке Ортемьеву по 4 аршина сукна настрафилю лазоревого, цена по 2 рубли с полтиною портище; а пожаловал Государь их, Дружину да Василью в приказ, а Тараса Григорьева с товарищи, что они с мастером, с Ондреем, старой большой колокол перелили».

(Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882. — Т. I. — №916. — С. 291.)

Приложение №31.

**Жилая запись на ученика Ивана Князева
мастеру Федору Дмитриевичу Моторину
от 1 мая 1684 г.**

«7192 мая 1. Се аз Дмитриевской сотни Иванова жена Тархова вдова Дарья Степанова дочь, отдала я Дарья сына своего родного Ивана Иванова сына Князева Пушкарского приказу колокольного дела мастеру Федору Дмитриевичу сыну Моторину в том, что жить ему сыну моему Ивану у него Федора во дворе его с нынешнего 192-го году мая с 1 числа впредь 5 лет до також числа, а в ту пять лет учитца ему сыну моему Ивану у него Федора колокольному мастерству, и живучи ему Ивану у него Федора во дворе всякая дворовая работа работать и его Федора и жены его и детей во всем слушать и почитать, и не пить и не бражничать, и никаким воровством не воровать и с воровскими людьми не знатца и воров под двор его не подвесьть и живота его хозяйского не покрасть и не сбежать и не дожив до сроку урочных пяти лет прочь не отойтить и во том хитрости и подвоху и убытков никаких не учинить а пить и есть и одежда и обувь носить все его хозяйское. А во всем против сей записи порукою по нем сыне моем Иване писалися во сию запись: яж вдова Дарья, да аз Дмитриевской сотни Алексей Тархов, да аз Денис Устинов, да аз Стретенской сотни Дмитрий Яковлев, да аз Московской пушкарь Терентей Васильев, да аз церкви Марии Египтенины, что в Стретенском монастыре, дьячек Тихон Дмитриев, да аз Стретенской сотни Сергей Алексеев. А буде он Иван за нашею порукою против сей записи в чем нибудь будет непослушен, и ему Федору волно его Ивана смирать, по делу смотря; или в чем против сей записи не устоит, что писано в сей записи выше сего и не дожив до сроку прочь отойдет и в том убытков каких доставит, и ему Федору и жене его и детям взять на нас поручиках и на нем Иване, кто нас в лицах будет, за недожив 30 рублей денег. И сносной свой и покраденый живот и убытки по его сказке: а найму он Иван рядил на год по пяти рублей, и те денги взять отжив годы, и на отживе ему Федору его Ивана от себя отпустить и ся запись выдать и одеть и обувь по силе. А на то послуси: Михайла Никифоров, Роман Обросимов. А запись писал Иван площади подъячей Кондрашка Шапошников, лета 7192 году мая в 1 день».

На обороте подпись:

«Меня ручали Ивана Иванова в том, что против сей жилой записи жить мне 5 лет, и руку приложил. К сей жилой записи Алешка Тархов ручал и руку приложил. К сей жилой записи Троицкие площади подъячей Гришка Юрьев вместо Дениса Устинова, по его велению, руку приложил к сей жилой записи церкви преподобная Марии Египецкой дьячек Тихон Дмитриев ручал и вместо отца своего Дмитрия Яковлева ручал и руку приложил. К сей жилой записи вместо Московского пушкаря Терентья Васильева Панкратьевской слободы Якушко Иванов, потому что он грамоте не умеет, по его велению, руку приложил. Послух Ромашка руку приложил. Послух Мишка руку приложил. К сей жилой записи вдовы Палагеи Васильевны Андреевой жены Михайловича Толбугина человек ее Мишка Родионов вместо вдовы Дарьи Степановы дочери, что она ручала сына своего Ивана Иванова сына Князева и вместо порутчика Сергея Алексеева по их велению руку приложил».

(Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857. — Т. I. — №113/1. — С. 703 — 705.)

Приложение №32.

Ст. 116 гл. XX Соборного Уложения 1649г.

«А которые тяглые люди учнут в Холопей приказ приносить житейские записи на детей своих или на братью и племянников нетяглых всяких чинов людем на урочные на многие годы, и на таких тяглых людей нетяглым людем житейских записей на многие годы не записывати, а записыввати такие житейские записи только на пять лет, а больше пяти лет не записывати».

(Соборное уложение 1649 года. — М., 1987. — Гл. XX, ст. 116, л. 295.)

Приложение №33.

Ст. 45 гл. XX Соборного Уложения 1649г.

«А кто отец или мати отдаст кому в работу сына или дочь на урочные лета, и по тех своих детех ручаются и дадут на себя записи за руками в том, что тем их детем от тех людей, кому они их отдадут, не збежати и никакова дурна не учинить, и в

Холопье приказе те записи в книгах будут записаны, или кто по ком в таком дворовом житье ручается сторонней человек, а те люди, по ком они ручаются // не дожив урочных лет, от тех людей, кому они во двор будут даны, збежат, а после того те люди, от кого они збежат, из сыщут и к себе возмут, а на порутчиках их учнут по записям искать заряду или сносу, а порутчики скажут, что те беглые люди от них ничего не снесли, а сыскать будет по то неким, и им в сносе с порутчики учинить вера, крестное целованье. А заряду по записи на тех порутчиках править не велеть, а велеть тем людям, по ком они ручались, у тех людей, кому они отданы в работу, доживать по записям урочные годы. А которые жилые записи в Холопье приказе в книгах будут не записаны, и по тем записям исцом отказывать».

(Соборное уложение 1649 года. — М., 1987. — Гл. XX, ст. 45, л. 274/274 об.)

Приложение №34.

**Запись на обучение Василия Денисова у мастера
Дмитрия Федоровича Моторина
от 3 января 1689 г.**

«Се аз столника Ивана Родионовича Стрешнева Ярославской его вотчины села Давыдково крестьянин Василей Денисов в нынешнем во 197 году генваря в 3 день дал сию запись колокольных дел мастеру Дмитрию Федорову сыну Моторину в том: преж сего до поимки и до отдачи, как я Василей отдан государю своему Ивану Родионовичу, жил на Москве для работы, сказывали и в крепостях писался дворцовой волости Ярославского уезду села Давыдково крестьянином не ведал того, что то село Давыдково, с приселки и с деревнями, со крестьяны и со всеми угоды, дано в вотчину боярину Родиону Матвеевичу, а после его справлена за сыном его за государем моим Иваном Родионовичем, а в нынешнем же во 197 году я Василей пойман и приведен в Земской приказ, и в роспросе крестьянство от государя своего не отпирался, и после того отдан я Василей во крестьянство государю своему Ивану Родионовичу: а ныне по договору и по сей записи жить мне Василью у него Дмитрея для наученья колокольного мастерства с нынешнего 197 году генваря с 3 числа впредь 5 лет до також числа, а будучи мне Василью в ту 5 лет,

как писано в сей записи выше сего, колоколное дело делать безо всякие хитрости, а в которое время его Дмитриевых колоколных дел не будет, и мне Василью в то время колоколное дело делать про себя и на сторону волно, а живучи не пить не бражничать и никаким воровством не воровать, и от него Дмитрея не отжив пяти лет прочь не отойтить и к иному делу не отдатца, а за пожилое рядил я Василей у него Дмитрея на год по сороку рублей денег, а денги имать погодно, и ему Дмитрею меня Василья за пьянство и за всякое дурно волно смирать, смотря по вине, сведомо государя моего Ивана Родионовича, а жить мне Василью у него Дмитрея на дворе его в особой избе. А будет я Василий жить против сей записи у него Дмитрея и во всем его слушать и колоколного дела делать не стану, ил учну пить и бражничать, ил каким воровством воровать, ил живот его покраду и убогу, ил не дожив пяти лет сполна прочь отойду и в том какого убытка доставлю, и ему Дмитрею взять на мне Василье по сей записи за недоживок 50 рублей, а сносной свой и покраденый живот и убытки все сполна, а как я Василей против сей записи сполна отживу и ему Дмитрею меня Василья отпустить на волю и се запись мне выдать, и сведомо государя своего Ивана Родионовича волно мне жить, у кого я похочу. А у сей записи послуши: Никита Благодатцкой, Иван Болховитинов. А запись писал Ивановские площади подъячей, столника и полковника Романова полку Сергеевича Ефимьева пятидесятник Якушко Алексеев, лета 7197 (1689. — А.Б.) генваря в 3 день».

На обороте подписи:

«К сей записи вместо Василья Денисова, что жить ему Василью 5 лет, а найму имать на год по сей записи денег по сороку рублей, по его велению, Земския площади подъячей Савостка Федоров руку приложил послух Никитка и руку приложил. Послух Ивашко руку приложил».

(Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857. — Т. I. — №113 /III. — С. 706—708.)

ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ КОЛОКОЛЬНЫХ МАСТЕРАХ XVII ВЕКА

Александр ГРИГОРЬЕВ
Емельян ДАНИЛОВ
Федор ДМИТРИЕВ
Михаил Матвеевич ЛАДЫГИН
Игнатий МАКСИМОВ
Федор Дмитриевич МОТОРИН
Дмитрий Федорович МОТОРИН
Флор ТЕРЕНТЬЕВ
Ганс ФАЛЬК
Андрей ЧОХОВ

Александр ГРИГОРЬЕВ сын **Лыков** (1634—1676 г.) — «Государев пушечный и колокольный мастер», автор колоколов, отличавшихся особой красотой звучания и большим весом, в том числе Большого Успенского колокола Московского Кремля — знаменитого Царь-колокола Алексея Михайловича.

А. Григорьев был взят на Московский Пушечный двор 8 ноября 1651 г. по поручительству колокольного мастера Емельяна Данилова и московских пушкарей. Его зачислили на «выбылый оклад» умершего мастера Игнатия Шпилина с годовым жалованьем 8 руб. 21 коп. Будучи сразу «колокольным литцом» к А. Григорьеву было прикреплено 7 учеников, с которыми он отлил ряд

колоколов. Среди них: *Благовестный* колокол для московской церкви Антипия Чудотворца и 6 *вестовых* колоколов «про запас» для городов-крепостей.

В 1654 г., благодаря посылке в Великий Новгород, где он вместе с Ф.Моториным отлил 1000-пудовый колокол к Софийскому собору, А.Григорьев избежал страшной участи, постигшей в тот год многих москвичей — в Москве свирепствовала чума. По окончании работы, вернувшись домой, где за полгода погибли от эпидемии около 150 тысяч человек, в их числе и знаменитый колокольный мастер Емельян Данилов, А.Григорьев в 1655 г. стал его преемником в создании главного колокола страны — Большого Успенского (8 000 пудов). Поэтому в мае 1655 г. он получил надбавку к «денежному и хлебному» жалованью, и ему в помощь были даны дополнительные ученики, многие из которых (Петр Степанов, Харитон Иванов, Федор Дмитриев) вскоре сами стали известными мастерами. Грандиозные работы по отливке Большого Успенского колокола велись в Московском Кремле до осенних холодов. Их свидетелем был знаменитый путешественник Павел Алеппский, описавший внешность А.Григорьева так: «молодой человек, малорослый, тщедушный, худой, моложе 20 лет, совсем еще безбородый», а о созданном им колоколе заметил: «Ничего подобного этой редкости, великой, удивительной, единственной в мире не было и не будет; она превосходит силы человеческие». Этот Царь-колокол впервые зазвучал лишь в 1668 г., перекрывая голоса всех остальных колоколов столицы. В огне кремлевского пожара 1701 г. колокол погиб, а его металл был использован для отливки Царь-колокола, стоящего ныне в Московском Кремле, о чем свидетельствует надпись на нем.

В 1655 г. А.Григорьев перелил поврежденный при пожаре набатный колокол для Фроловской (Спасской) башни Московского кремля. В 1656 г. вместе с Ф.Моториным работает в Валдайском Иверском монастыре, где по заказу патриарха Никона к освящению только что построенного каменного собора отливают 69-пудовый колокол. Двумя годами позже А.Григорьев отлил небольшой колокол для Саввино-Сторожевского монастыря.

Помимо работы на Пушечном дворе, А.Григорьев имел собственную мастерскую, где отливал небольшие колокола. 4 декабря 1664 г. по указу Алексея Михайловича для церкви Рождества Христова в новую Измайловскую слободу у А.Григорьева в Колокольном ряду были куплены три колокола: один весом

4 пуда 18 гривенок 2 чети, другой — 3 пуда 4 гривенки 2 чети, третий — 1,5 пуда 2 гривенки 2 чети. За пуд — по 6 рублей. К 1667 г. относится упоминание о колоколе весом 47 пудов, проданном в Колокольном ряду.

Будучи уже «Государевым пушечным и колокольным мастером» (так впервые назван он в надписи на колоколе 1665 г. московского Симонова монастыря) в любимой резиденции царя Алексея Михайловича в Саввино-Сторожевском монастыре, А. Григорьев создает свой лучший колокол, отличавшийся густым, «певучим», удивительно гармоничным голосом. Его вес был 2 125 пудов 30 гривенок. За успешную отливку царь наградил мастера, сверх положенного «денежного и хлебного жалованья», отрезом сукна. Большой благовестник, названный энциклопедиями конца XIX — начала XX в. самым звучным русским колоколом, висел на звоннице Саввино-Сторожевского монастыря до 1941 г., когда при подходе фронта к городу при попытке снять его был разбит.

Последнее упоминание о колокольном мастере относится к 1676 г. После смерти А. Григорьева его двор в Московской Пушкарской слободе, унаследовал племянник, «ученик гранатного дела» Григорий Екимов, который затем продал его колокольному мастеру Федору Моторину.

Документы сохранили имена 21 ученика А. Григорьева. Многие из них стали известными колокольными мастерами.

Колокола А. Григорьева:

1654 — 1 000 пудов для Софийского собора в Новгороде, совместно с Ф. Моториным (не сохранился);

1656 — 69 пудов для Иверского Валдайского монастыря, совместно с Ф. Моториным (не сохранился);

1655 — набатный 187,5 пуда на Фроловские (Спасские) ворота Кремля (не сохранился);

1655 — Большой Успенский 8 000 п (не сохранился);

1657 — 16 пудов 22 гривенки для Саввино-Сторожевского монастыря (не сохранился);

1657 — 47 пудов для продажи в Котельном ряду (судьба неизвестна);

1664 — 4 пуда 18 гривенок 2 чети для церкви Рождества Христова в Измайлово (судьба неизвестна);

1664 — 3 пуда 4 гривенки 2 чети туда же (судьба неизвестна);

1664 — 1,5 пуда 2 гривенки 2 чети туда же (судьба неизвестна);

1665 — 300 пудов для Симонова монастыря (не сохранился);

1668 — 2125 пудов 30 гривенок для Саввино-Сторожевского монастыря (не сохранился).

Емельян ДАНИЛОВ (1627—1654 гг.) — сын «государева колокольного мастера» Данилы Матвеева, ученика Кирилла Самойлова. Выдающийся колокольный мастер впервые дерзнувший взяться за отливку в 1655 г. огромного Успенского колокола весом 8 000 пудов и успешно завершивший эту работу.

Работая вместе со своим отцом он принимал участие в 1647 г. в отливке большого *благвестного* колокола в 600 п для Костромского Ипатьевского монастыря.

До наших дней дошел в полной сохранности прорезной колокол, отлитый Е.Даниловым в 1651 г., который тогда находился у царя Алексея Михайловича на Сытном дворе, сейчас — в музее «Коломенское». В своей челобитной он говорит об этом колоколе: «и нам, Государь, то колокольное дело в обычай». В 1651 г. вступил в борьбу за право перелить разбившийся Воскресный колокол Успенской звонницы Московского Кремля с немецким мастером Г.Фальком и выиграл ее. На *допросе* 13 января 1651 г. в Пушкинском приказе Е.Данилов сказал: «травы он де и слова на колоколе режет сам и колокол сделает таков же, что и Иван Фалка, надеясь на милость Божию». Вес колокола был, по предложению мастера, увеличен с 800 до 1 000 пудов. Его точную цифру сообщает «Опись...» 1695 г.: «Колокол повседневный весу в нем 998 пуд 30 гривенок. Лит во 160 г.» 5 ноября 1652 г. колокол был отлит Е.Даниловым совместно с его отцом Данилой Матвеевым. В 1654 г. Е.Данилов дерзнул взяться за переливку Годуновского колокола А.Чохова и успешно завершил ее. Новый Большой Успенский колокол весил 8 000 пудов. Для того, чтобы получить задание на производство такой ответственной отливки, ему необходимо было предварительно зарекомендовать себя опытным мастером. Царь-колокол Е.Данилова очень скоро был разбит и затем перелит А.Григорьевым, поскольку во время сильной эпидемии чумы в Москве летом того же года, Е.Данилов умер.

Колокола Е.Данилова:

1651 — прорезной 60 пудов (музей «Коломенское»);

1652 — «Воскресный» 998 пудов 30 гривенок для Успенской звонницы Московского Кремля (не сохранился);

1654 — «Баран» 80 пудов для Ростовской звонницы (Ростовская звонница);

1654 — «Большой Успенский» 8 000 пудов (не сохранился).

Федор ДМИТРИЕВ Колесников (ранее 1655—1683 гг.) — один из выдающихся литейных мастеров 2-ой половины XVII века. Работал на московском Пушечном дворе более 30 лет, начиная учеником известного мастера А.Григорьева. Первое упоминание и Ф.Дмитриеве относится ко времени его ученичества — 1655 г., когда он и еще 2 ученика помогали мастеру А.Григорьеву «делати калязинский колокол». С 1656 г. Ф.Дмитриев был уже «колокольного дела мастер». В 1659 г. у Ф.Дмитриева было в обучении 4 ученика.

На своем дворе, который находился в Пушкарской слободе в приходе церкви Сергия Чудотворца, имел небольшую литейную мастерскую, где производил отливку колоколов главным образом на сторону, но в некоторых случаях и для Пушечного двора. Так на вопрос пушкарского: «...как у него колокольный образец поспеет и колокол из литья выйдет?» Ф.Дмитриев ответил: «...колокольный де образец готов будет марта к 1 числу... а тот де колокольный образец заведен у него дома».

В 1666 г. Ф.Дмитриев отлил колокол, весом 29 пудов 30 гривенок к церкви Петра и Екатерины на Покровке и 9 вестовых колоколов «розными образцами». В 1667 г. по указу царя Алексея Михайловича мастером был отлит колокол, весом 154 пуда для Покровского собора на Рву (храм Василия Блаженного).

Ф.Дмитриев лил колокола и для других городов. Так, в 1671 г. он перелил колокол, весом 80 пудов для Ярославля, вместо присланного разбитого. В 1680 г. Ф.Дмитриев отливает набатный колокол для Спасской башни Кремля, который, провисев 30 лет, разбился и в 1714 г. был перелит Иваном Моториным.

Последнее из известных упоминаний о Ф.Дмитриеве содержится в Расходной книге Пушечного двора Пушкарского приказа за 1683 г., где среди зарегистрированных пушечных и

колокольных мастеров-литейщиков значится имя колокольного мастера Федора Дмитриева.

В настоящее время колокола работы этого мастера, среди сохранившихся, не выявлены.

Колокола Федора Дмитриева:

- 1666** — вестовой 35 пудов (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 32 пуда (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 32 пуда (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 25 пудов (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 22 пуда (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 22 пуда (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 20 пудов (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 20 пудов (судьба неизвестна);
- 1666** — вестовой 18 пудов (судьба неизвестна);
- 1666** — 29 пудов 30 гривенок для церкви Петра и Екатерины на Покровке (не сохранился);
- 1667** — 154 пуда для Покровского собора на Рву (не сохранился);
- 1671** — 80 пудов для Ярославля (судьба неизвестна);
- 1680** — набатный для Спасских ворот Московского Кремля (не сохранился).

Михаил Матвеевич ЛАДЫГИН
(работал в 1680-е — 1690-е годы)

Колокола Михаила Ладыгина:

- 1685** — для церкви Св. Николая в Хамовниках (не сохранился);
- 1687** — для Новодевичьего монастыря (Новодевичий монастырь);
- 1688** — 192 пуда для Вознесенского монастыря (не сохранился);
- 1689** — 73 пуда для церкви Сергия в Старых Серебряниках (не сохранился);
- 1690** — 64 пуда 15 фунтов для церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду (музей «Коломенское»).

Игнатий МАКСИМОВ сын Шпилин (работал в 1607—1651 гг.) — колокольный и пушечный мастер, «выученик» А. Чохова. Упоминания о нем встречаются в сохранившихся документах Пушкарского приказа, Дворцовых разрядах и литературе XIX века под 1607, 1621 и 1651 годами.

В сентябре 1607 г. посылался в Кирилло-Белозерский монастырь для отливки двух колоколов: одного — весом 80 пудов, другого — 30 пудов. 5 марта 1621 г. царь Михаил Федорович пожаловал мастера сукнами за то, что он вылил колокол для Покровского собора на Рву.

1 июля 1621 г. государь вновь жалует «колокольного литца» сукнами, на этот раз за то, что он вместе с учеником Ильей Гавриловым под руководством А. Чохова слил на колокольную Ивана Великого 4 колокола. Через 6 дней мастер опять получает сукна за переливку старого колокола Вознесенского монастыря. В том же году вместе с А. Чоховым Игнатий Максимов выливает еще один колокол на колокольную Иван Великий, весом 100 пудов, впоследствии получивший название «Глухой». Надпись на нем: «БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ ПОВЕЛЕНИЕМ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦА И ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ОТЦА ЕГО ГОСУДАРЬЕВА ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ СЛИТ СЕЙ КОЛОКОЛ К СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ВЕЛИКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ ПЕТРА, ИОНЫ, В ЛЕТО 7129 (1621. — А.Б.) ДЕЛАЛИ АНДРЕЙ ЧОХОВ ДА ИГНАТИЙ МАКСИМОВ ВЕСУ 100 ПУД». Умер мастер в 1651 г.

Колокола Игнатия Максимова:

1607 — 80 пудов для Кирилло-Белозерского монастыря (судьба неизвестна);

1607 — 30 пудов для Кирилло-Белозерского монастыря (судьба неизвестна);

1621 — для Покровского собора на Рву (не сохранился);

1621 — 4 колокола на колокольную Иван Великий (сохранился один из них);

1621 — в Вознесенский монастырь (не сохранился);

1621 — «Глухой» 100 пудов совместно с А.Чоховым на колокольню Иван Великий (находится там же).

Федор Дмитриевич МОТОРИН (1630-е — 1688 г.) — знаменитый колокольный мастер, родоначальник семейства московских литейщиков Моториных Дмитрия, Ивана и Михаила. С 1686 г. — владелец частного колокольного завода, который по наследству перешел к его сыновьям.

Принят на Московский Пушечный двор в 1651 г. В 1654 г. посылался в Новгород, где совместно с А.Григорьевым вылил на Софийскую звонницу колокол, весом 1000 пудов. Двумя годами позже Ф.Моторин опять же с Александром Григорьевым посылается в Валдайский Иверский монастырь, где «он же Федор с Александром ж Григорьевым (...) вылили колокол в 69 пуд». Затем следуют поездки в Смоленск (1668 г.), в Саввино-Сторожевский монастырь (1672 г.), в Троице-Сергиев монастырь (1684 г.), где отливаются ряд колоколов, не дошедших до наших дней. Всего по документальным материалам за пределами Москвы Ф.Моторин отлил 6 колоколов.

В 1670-х годах Ф.Моторин был ведущим литейщиком Пушечного двора, осуществлял руководство производимыми отливками. Известно, что в феврале 1677 г. колокольным ученикам мастера Харитона Иванова М.Павлову и Я.Иванову была поручена самостоятельная отливка колокола, а надзор за ней возлагался на мастера Ф.Моторина.

В 1678 г. мастер отливает колокол для церкви Симеона Столпника в Поварской, в 1681 г. — для церкви Гребневской Божией Матери, в 1682 г. — в Данилов монастырь, в 1684 г. — в церковь Архангела Гавриила на Чистом пруду. Эти колокола были уничтожены в 1930-х годах.

Ф.Моторин обладал предпринимательским талантом, и будучи высокооплачиваемым специалистом Пушечного двора, скопив небольшой капитал, с 1660-х годов начинает приобретать земельные владения и недвижимость. Это преимущественно постройки своих коллег — колокольных мастеров «со всяким колокольным заводом и с подъемными снастями и с колокольными образцами». В актах зафиксировано 6 крупных приобретений

мастером земель и строений в Пушкарской слободе, на Большой Сретенской и Сергиевской улицах.

Так сложился первый в Москве частный колокольный завод, владельцем которого с 1686 г. значился Ф.Моторин. На этом заводе, расположенном в Пушкарской слободе в районе Сретенских ворот, выполнялись взятые у церквей и монастырей подряды, а также отливались колокола небольших размеров для продажи в Колокольном ряду.

Мастер жил в каменном доме: «две избы через сени», каждая палата стояла на подклете, с которого вниз вело крыльцо. В его доме жили также беглые крепостные крестьяне, которых он использовал в качестве прислуги.

Достоверно известен лишь один ученик мастера — Иван Князев, которого в учение по договору сроком на 5 лет отдала мать.

У Ф.Моторина были два места торгова в Котельном ряду, состоявших из одной полулавки и из одной чети лавки, также по Сретенской улице у него был двор с лавкой, лавочным местом и сенницею, наконец, на той же Сретенской улице Моторин владел тремя скамьями, держал квасную кадь и сусленный кувшин. Судя по размерам оброка, это были небольшие торговые заведения. Кроме того, у него была кузница, в которой он занимался колокольным делом.

За год до смерти, в 1687 г., Ф.Моторин разделил все свое имущество между сыновьями от первого брака Дмитрием и Иваном, которые продолжили дело отца, и их мачехой Ксенией Александровой. Умер мастер в 1688 г.

Колокола Федора Моторина:

1675 — 52 пуда 20 фунтов (музей «Коломенское»);

1678 — для церкви Симеона Столпника на Поварской (не сохранился);

1678 — «Даниловский» для Ивана Великого (Кремль);

1679 — «Новый» 200 п для Ивана Великого (Кремль);

1681 — для церкви Гребневской Божией Матери (не сохранился);

1682 — для Данилова монастыря (не сохранился);

1683 — 104 пуда 21 гривенка для церкви Введения на Большой Лубянке (Покровский собор);

- 1684 — 540 пудов для Новодевичьего монастыря (там же);
 1684 — 30 пудов для церкви Архангела Гавриила (не сохранился);
 1684 — около 13 пудов для церкви Архангела Гавриила (не сохранился);
 1672 — 300 пудов для Саввино-Сторожевского монастыря (не сохранился);
 1656 — 69 пудов для Иверского монастыря на Валдае (не сохранился);
 1654 — 1 000 пудов для Софийского собора в Новгороде, совместно с А. Григорьевым (не сохранился);
 1668 — около 100 пудов в Смоленск (не сохранился);
 1668 — около 50 пудов в Смоленск (не сохранился);
 1684 — «Корноухий» 1 275 пудов в Троице-Сергиев монастырь (не сохранился).

Дмитрий Федорович МОТОРИН (1687—1696 гг.) — сын колокольного мастера Ф. Д. Моторина, совладелец вместе со своим братом И. Ф. Моториным колокольного завода в Пушкинах.

Впервые упоминается в 1687 г. в записи о получении приданого «четвертой части имущества и надельных денег» данного Ксенией Моториной ее пасынкам Дмитрию и Ивану Моториным.

Сведений о работах мастера сохранилось очень мало. Д. Моторин известен благодаря необычному колоколу, весом 4 пуда 27 фунтов, навершие которого оформлено в виде головы человека, а верхняя часть сквозная и украшена львиными головами и орнаментами. Колокол отлит в 1687 г. по заказу В. В. Голицына для церкви Покрова Богородицы в его подмосковной вотчине селе Медведкове.

В период с 1686 по 1696 годы Д. Моторин работал на Пушкинском дворе в качестве колокольного мастера.

Колокола Д. Моторина:

1687 — 4 пуда 27 фунтов для церкви Покрова в Медведкове (музей «Коломенское»).

Флор ТЕРЕНТЬЕВ (конец XVII—XVIII вв.)

Колокола Ф. Терентьева:

1688 — «Сысой» 2 000 пудов для Ростовской звонницы (Ростов);

1700 — 150 пудов (судьба неизвестна);

1700 — 600 пудов для Псковского собора (судьба неизвестна);

ок. 1700 — 100 пудов 5 фунтов для Покровского собора на Рву (не сохранился).

Ганс ФАЛЬК (1630-е — 1653 гг.) — колокольный, пушечный и рудный мастер, уроженец Нюрнберга, работал в Москве на Пушечном дворе в 1630-х—1650-х гг. В документах Пушкарского приказа сохранилось немало сведений о пребывании Г.Фалька в Москве и материалов о его работах. После смерти выдающегося литейщика А.Чохова Фальк становится главным пушечным и колокольным мастером Москвы, которым числился более 10 лет.

Приехав в Москву в 1630-х годах из Нюрнберга, Г.Фальк жил в наемном дворе князя Михаила Козловского на Рождественской ул. После смерти князя его вдова отказала мастеру в постое. В апреле 1641 г. Фальк подал челобитную царю Михаилу Федоровичу, в которой просит дать ему «двор, где ему стоять». Просьба была удовлетворена, и Фальку был отведен собственный двор недалеко от Пушечного двора.

Фальк был человеком опытным, знающим, искусным, но скрытным и неискренним, поэтому он очень неохотно передавал свое искусство ученикам. Однажды, он «неведомо в чем разгневался» на своего подмастерье и «от себя отказал». Однако, из документов известны 4 ученика Фалька: Степан Орефьев, выливший 12 июня 1641 г. колокол для колокольни Ивановского монастыря, Тимофей Тимофеев Утинков (1643 г.), и 2 ученика, которые потом сами стали колокольными и пушечными мастерами: иноземец Иван Иванов и Иван Тимофеев Резцов (вначале обучался у Фалька, но потом от него «отошел» и подал челобитную работать самостоятельно, а затем был переведен в

ученики к мастеру Григорию Наумову, и лишь в 1654 г. получил звание *мастера*).

Как и другие литейщики, Г.Фальк отливал колокола не только для Москвы, но и для других городов. Так, в 1632 г. он вылил колокол для Владимирского Рождественского монастыря, а в 1652 г., по царскому указу, — Большой благовестный колокол для Саввино-Сторожевского монастыря, весом 1344 пуда 24 фунта. Дальнейшая судьба этих колоколов неизвестна.

В 1641 г. Г.Фальку указом царя Михаила Федоровича поручается отлить колокол весом 700 пудов для Успенского собора в Москве. Это был четвертый великий колокол Ивановских колоколен с функцией *Воскресного*. Он просуществовал 10 лет. После того как колокол разбился и был взвешен, в нем оказалось 827 пудов 30 гривенок. В 1651 г. Фальк вступает в борьбу за переливку этого колокола с русскими мастерами во главе с Емельяном Даниловым и проигрывает. Но по-прежнему продолжает выполнять крупнейшие государственные заказы: переливает часовой колокол на Иване Великом, льет пищаль Юнак. На Пушечном дворе Фальку был отведен лучший каменный амбар (в то время как русские мастера лили колокола в деревянном амбаре). Однако дни его сочтены, и после 1653 г. всякие упоминания о нем исчезают. Вероятно, как и многие москвичи, он стал жертвой разразившейся в Москве чумы.

Колокола Г.Фалька:

1641 — 827 пудов, Воскресный, для Успенской звонницы Московского Кремля (не сохранился);

1649 — 330 кг по заказу купца Г.Никитникова для церкви Троицы в Никитниках (там же);

1652 — 1344 пуда 24 фунта для Саввино-Сторожевского монастыря (судьба неизвестна).

Андрей ЧОХОВ — (ок. 1545—1629 гг.) — выдающийся литейщик 2-ой половины XVI — 1-ой четверти XVII вв. На протяжении более 60 лет А.Чохов был «придворным» пушечным мастером пяти Российских царей. Он оставил нам непревзойденные памятники литейного искусства, выполненные по повелению Государей.

Начал работать на московском Пушечном дворе при Иване Грозном в 50-х годах XVI века учеником талантливого мастера немецкого происхождения Кашпира Ганусова. До 1560-х годов ходил в учениках. Слова «ученик Кашпира» поставлены перед его именем на трех пушках, отлитых в 1568—1569 гг.

В 1570-х гг. А.Чохов занимает ведущее положение среди московских литейщиков и руководит работами по изготовлению нескольких стенобитных орудий. За годы работы на Пушечном дворе А.Чохов сумел ознакомиться со многими отраслями технических знаний того времени, в совершенстве овладел пушечным и колокольным литьем и изготовил ряд прославленных пушек и колоколов, получивших широкую известность. Следующее упоминание о мастере относится к 1575 г. Подпись на отлитой в этом году осадной пищали «Лисица» уже не содержит упоминания об ученичестве. В том же году А.Чохов изготовил еще одно стенобитное орудие, которое называлось «Собака».

В конце 1576 — начале 1577 гг. мастер отлил большую пушку названием «Волк». Зимой 1577 г. изготовил колоссальную пищаль «Инрог», которая в свое время была самой большой пушкой русской осадной артиллерии. Весит «Инрог» 7 134 кг. Название орудие получило по литому изображению единорога. До революции эта пушка стояла на Литейном проспекте в Петербурге у здания Главного Артиллерийского управления. Ныне орудие выставлено у входа в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Почти все осадные пищали А.Чохова принимали участие в Ливонском походе 1577 г., в нем было задействовано по крайней мере 4 его орудия: «Инрог», «Волк», «Собака» и «Лисица». Среди 7 артиллерийских орудий, попавших в плен к шведам, был «Волк». Потеряв орудия, Иван Грозный повелел в кратчайший срок отлить такие же. Так появился второй «Волк». Мастер отлил его в конце 1578 — начале 1579 гг. Орудие это точная копия первого, однако размерами своими оно несколько превосходит его. Новому «Волку» также не повезло. В 1581 г. орудие попало в руки шведов при взятии Иван-города. Оба «Волка» А.Чохова и сейчас находятся в Швеции. Они стоят во дворе старого Грипсгольмского замка в 70 км от Стокгольма.

В 1586 г. А.Чохов отлил знаменитую Царь-пушку. Это колоссальное орудие, являющееся мортирой, стреляло ядрами, весом 52 пуда. Сама Царь-пушка весит 2 400 пудов и относится

к уникальным произведениям литейного искусства 2-ой половины XVI века. Годом позже А.Чохов изготовил огненную пищаль «Егуп». Эта мортира вместе с другими орудиями использовалась во время военных действий Смутного времени начала XVII в. В 1588 г. А.Чоховым была отлита «стоствольная» пушка. Готовясь к войне со Швецией, Борис Годунов решил обновить и усилить «Большой государев наряд». Пушечный двор получил крупный заказ. Под руководством А.Чохова в подготовке новых орудий к успешной войне против Швеции 1590—1593 гг. принимали участие и другие мастера. 1590 г. был особо плодотворным в творческой биографии А.Чохова, тогда он изготовил 5 больших стенобитных орудий: «Троил», «Аспид», «Лев», «Скоропея» и «Соловей». Кроме этих орудий мастер и его ученики лили в эти годы и сравнительно небольшие пушки, из которых складывалось основное ядро русской артиллерии.

В 1590-х годах А.Чохов занимает ведущее положение на московском Пушечном Дворе и становится самым высокооплачиваемым специалистом. Старейшая из известных нам «кормовых росписей» Пушечного двора свидетельствует, что А.Чохов ежегодно получал 35 руб. денег, по 30 четвертей ржи и овса, 6 четв. пшеницы, по 2 четв. крупы, гороха и «конопели», 10 четв. «солоду ячнево», полагалась ему казенная соль «да на его лошадь 35 четв. овса». Кроме того, ежегодно в качестве награды ему выдавались «годовые сукна». Награды выдавались и по особым случаям. В 1621 г. царь Михаил Федорович посчитал отметить труды мастера «сукнами» за «московское за осадное сидение». После 1622 г. А.Чохов получает лишь годовые сукна. О конкретных его трудах расходные книги товарам «на жалование» умалчивают. Мастер был уже стар.

Лебединой песней А.Чохова были большие стенобитные пищали «Кречет» и «Волк», отливкой которых он руководил в 1627 г. Последнее из сохранившихся орудий, связанное с именем А.Чохова, датируется 1629 г. В том же году мастер умер.

Будучи «пушечным литцом» А.Чохов занимался также и литьем колоколов. О колоколах, отлитых мастером документальных материалов гораздо меньше, чем об отлитых им пушках. На рубеже XVI—XVII вв. А.Чохов отлил 2 больших *благовестника* — это вклады Бориса Годунова в Троице-Сергиев монастырь. Один — в 1594 г., весом 625 пудов, другой — в 1600 г., весом 1080 пудов. В настоящее время сохранился лишь

один — меньший. Он относится к лучшим памятникам прикладного искусства Годуновского времени.

В 1621 г. А. Чохов вместе с Игнатием Максимовым отлил 4 колокола на колокольню Иван Великий. Один из этих колоколов сохранился. Он висит сейчас на среднем ярусе Ивановской колокольни и именуется «Глухой». Его вес 100 пудов. Возможно, сохранился еще один, сравнительно небольшой, высотой 88 см. Он находится на самом верхнем ярусе той же колокольни.

Самым выдающимся памятником колоколотейного дела 1-ой половины XVII века является колокол «Реут», отлитый мастером в 1622 г. Это один из грандиозных и самых красивых колоколов, дошедших до наших дней. Его вес 1 200 пудов. Еще больший колокол А. Чохова, весом 2 450 пудов, отлитый в 1600 г., не сохранился. Так называемый Годуновский, он же Старый Успенский (с 1654 г.), он же Воскресный (1679 г.) прожил 100 лет и погиб в пожаре 1701 г.

Лишь небольшая часть произведений А. Чохова дожила до наших дней. Сегодня работы великого мастера можно видеть в Санкт-Петербурге в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, в Грипсгольмском замке в Швеции, услышать звон колоколов А. Чохова в Троице-Сергиевой лавре и Московском Кремле. Знаменитая Царь-пушка вызывает восхищение туристов, приезжающих в Москву со всего мира.

Колокола А. Чохова:

1594 — 625 пудов для Троице-Сергиева монастыря (Троице-Сергиева лавра);

1600 — 1 080 пудов для Троице-Сергиева монастыря (не сохранился);

1600 — 2 450 пудов для колокольни Иван Великий (не сохранился);

1621 — 2 колокола для колокольни Иван Великий (не сохранились);

1621 — «Глухой», совместно с И. Максимовым, 100 пудов для колокольни Иван Великий (Кремль);

1621 — 1 колокол, совместно с И. Максимовым, для колокольни Иван Великий (Кремль);

1622 — «Реут» 1 200 пудов для Успенской звонницы московского Кремля (Кремль).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. — Пг., 1917.

² Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг. — М., 1870; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. — М., 1891; Петрей П. История о великом княжестве Московском. — М., 1867; Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. — СПб., 1898 и др.

³ Олеарий Адам (1599—1671) — придворный советник, математик и антикварий Шлезвиг-Голштинского герцога Фридерика и его преемника Хорста-Альбрехта. Посетил Москву в 1633—1634 и в 1635—1636 гг.

⁴ Таннер Бернгард Леопольд Франциск — чешский путешественник, был в Москве вместе с польским посольством Черторыйского и Сапеги с 1678 по 1682 год.

⁵ Беляев И.С. Росписной список г.Москвы 1638 г. // Труды московского отделения Русского военно-исторического общества. — М., 1911. Т. I и др.

⁶ Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства в России. — СПб., 1810; Хмыров М.Д. Металлы, минералы и металлические изделия в Древней России. — СПб., 1875; Аристов Н. Промышленность древней Руси. — СПб., 1866.

⁷ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. — М., 1891; Карамзин Н.И. История государства Российского. — М., 1819.

⁸ Пыляев М. Исторические колокола // Старое житье. — СПб., 1892; Мартынов А. Московские колокола // Русский архив. — 1896, №№1—3.

⁹ Кнаббе В.С. Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. — СПб., 1901. Т. VI, в. 6; Вейнер П.П. Беседы о бронзе. — СПб., 1923; Петриченко А.М. Книга о литье. — Киев, 1972.

¹⁰ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. — М., 1962. Ч. 1.

¹¹ Богоявленский С.К. О пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.Ж. Любавского. — Птб., 1917; Сытин П. Пушечный Двор в Москве в XV—XIX вв. // Московский краевед. — 1929, в. 2 (10); Тальман Е.М. Ремесленное ученичество в XVII в. // Исторические записки. — 1948. Т. XXVII; Кондрашина В.А., Шашкина Г.Б. Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и техники. — М., 1981; Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни, Кондрашина В.А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. — М., 1985; Кавельмахер В.В. Большие благовестники Москвы XVI — первой половины XVII века; Кондрашина В.А. Обучение колокольному ремеслу на Московском Пушечном дворе во второй половине XVII века // Колокола. История и современность. — М., 1993 и др.

¹² Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. — М., 1912; Пухначев Ю.В. Загадка звучащего металла. — М., 1975.

¹³ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1893. Т. XIV. — С. 153.

¹⁴ Катаев И.М., Кабанов А.К. Описание актов собрания графа А.С.Уварова // Акты исторические, описанные И.М.Катаевым и А.К.Кабановым. — М., 1905.

¹⁵ Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII ст. // Записки Академии Наук. — 1865, кн. 8.

¹⁶ См. Акты Археографической экспедиции.

¹⁷ Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России (далее — Хмыров). — СПб., 1875. — С. 217.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). — СПб., 1830. Т. II. — №678.

¹⁹ Дьяк — в России до XVIII в. начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств. Различались дьяки государевы (царевы, великого князя, княжие, дворцовые), крупных феодалов (в том числе церковных — владычны, монастырские), вечные (при городском вече), городские, земские и т. д. Дьяки получали денежное жалованье и «верстались» поместным окладом.

²⁰ Сибирские летописи // Отечественные записки. — 1849, №4. — С. 153—155.

²¹ Карамзин Н.М. История государства Российского (далее — ИГР). — М., 1819. Т. IX. — С. 222.

²² Там же. — Примечание 661. — С. 233.

²³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Фонд «Дела о выездах в Россию иностранных людей». — Реестр, л. 1.

²⁴ Хмыров. — С. 173.

²⁵ Карамзин Н.М. ИГР. — Т. IX, прим. 111. — С. 49.

²⁶ Голицын Н.В., кн. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1898. — С. 33.

²⁷ Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича. — СПб., 1832. — Ч. 1. — С. 156.

²⁸ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. — М., 1927. — С. 103.

²⁹ Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам (далее — ДДР). — М., 1882. — Т. I. №952. — С. 886—887.

³⁰ Хмыров. — С. 173.

³¹ **Воевода** — должность, введенная с нач. XVII в. во всех городах России. Городской воевода возглавлял военное и гражданское управление городом и уездом. Воеводы сосредоточили всю полноту власти на местах, контролировали органы губного и земского самоуправления.

³² **Стольник** — дворцовый, затем придворный чин в Русском государстве XIII—XVII вв. В XVI—XVII вв. стольники прислуживали во время торжественных трапез («столов») у великих князей и царей и сопровождали их в поездках. Стольников назначали также на воеводские, посольские, приказные и другие должности. По росписи чинов XVII в. стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков.

³³ **«Жильцы»** — разряд феодалов-землевладельцев в России XVI—XVII вв., занимавших промежуточное положение между чинами московскими и городскими (или уездными) служилых людей. В жильцы зачислялись представители младшего поколения служилых людей московских чинов (дворян московских и др.) и городских дворян, еще не служивших и не верстанных ни в какой чин. Жильцы служили при царском дворе в Москве, очередями в несколько десятков человек по охране дворца и для исполнения срочных поручений. В походах жильцы включались в «государев полк». За свою службу они получали «поместное жалованье». В XVII в. насчитывалось до 2 000 жильцов. Звание жилец исчезло в XVIII в. в связи со слиянием различных слоев служилых людей в единый класс дворян.

³⁴ **Голова** — название военной и административной должности в России XVI—XVII вв.

³⁵ «Москвитянин». — М., 1841. — Ч. 2. — С. 465—466.

³⁶ Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и ме-

таллообработывающей промышленности в России в XVII, XVIII, и XIX вв. — Л., 1937. С. 53.

³⁷ Дополнения к Актам историческим. — М., 1882. — Т. V. — №10, III.

³⁸ Там же. — №10.

³⁹ ПСЗ. — Т. I — №391.

⁴⁰ Там же. — Т. I. — №392.

⁴¹ Хмыров М.Д. — С. 176; Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1828. — Ч. IV. — №50. — С. 180.

⁴² Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства в России. — М., 1810. — Ч. I. — С. 117.

⁴³ Гость — крупный купец, торговавший с другими городами или зарубежными странами. Во 2-ой пол. XVI—XVIII вв. член высшей привилегированной корпорации купцов. Каждый гость имел от царя особую жалованную грамоту «на гостиное имя». Основными привилегиями гостя были: освобождение от тягловых повинностей, свободный проезд за границу для торговли, право приобретать вотчины, подсудность непосредственно царю.

⁴⁴ ДАИ. — Т. V. — №13. II.

⁴⁵ Целовальник — выборная должность в России в конце XV—XVIII вв. Вступая в должность, целовальник давал присягу, целовал крест (отсюда происходит название — «целовальник»). Земские и губные целовальники являлись помощниками земских и губных старост, таможенные и кабацкие целовальники — помощниками таможенных, кабацких голов. Наряду с головами и старостами они отвечали перед центральной, а затем местной администрацией за исправное поступление различных статей денежных доходов и участвовали в судебном и полицейском надзоре за населением. Целовальники выбирались сроком на 1 год из тяглых людей (посадских, черносотных и дворцовых крестьян) самим тяглым населением.

⁴⁶ Востоков Н. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. №СП. — С. 171.

⁴⁷ Рейтенфельс Яков, уроженец Курляндии, жил в Москве в 1670—1673 годах.

⁴⁸ Рейтенфельс Я. Сказание герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. — М., 1906. — С. 59.

⁴⁹ Думные дворяне — в Русском государстве в XVI—XVII вв. третий по «чести» думный чин. Думные дворяне участвовали в заседаниях Боярской думы, в работе ее комиссий, управляли приказами, выполняли придворные и военные обязанности, назначались воеводами в города. Некоторые из думных дворян дослуживались до чина окольничего и боярина. В XVI в. думные дворяне чаще всего принадлежали к родовитым фамилиям, и число их было невелико. В XVII в.

с укреплением экономического и политического положения дворян и дальнейшей централизацией государственного управления число думных дворян увеличилось за счет малородовитых дворян и детей дьяков.

⁵⁰ *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 459.

⁵¹ ДАИ. — Т. VII. — №10, III.

⁵² *Хмыров.* — С. 177.

⁵³ ДАИ. — Т. VII. — №10. I.

⁵⁴ Петербургское отделение Института истории РАН (далее — ИИ РАН). Архив, ф. 175, оп. 3, д. 12, л. 230 об.

⁵⁵ ДАИ. — Т. VII. — №10. III.

⁵⁶ АИ. — Т. V. — №72.

⁵⁷ *Шлаттер И.* Обстоятельное наставление рудному делу. — Академия наук, 1760. — С. 20—27.

⁵⁸ *Десятина* — 1,12 га.

⁵⁹ *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — Пермь, 1821. — С. 42.

⁶⁰ *Волока* — пара тонких берез целиком срубленных, для перетаска на них волоком сенных копен. — В.Даль. Толковый словарь. — М., 1994. Т. I. — С. 236.

⁶¹ *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — Пермь, 1821. — С. 43.

⁶² Там же. — Пермь, 1821. — С. 47.

⁶³ *Окольничий* — придворный чин и должность в Русском государстве XIII — нач. XVIII вв. Первоначальными функциями окольничего было устройство и обеспечение путешествий князя и участие в приеме и переговорах с иностранными послами. В системе Русского централизованного государства окольничий был вторым по значению (после боярина) думным чином. Окольничие назначались руководителями приказов, полковыми воеводами, участвовали в организации придворных церемоний.

⁶⁴ Там же. — Пермь, 1821. — С. 51.

⁶⁵ *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. — М.—Л., 1939. — Т. I. Приложение №2. — С. 234—236.

⁶⁶ *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — СПб., 1821. — С. 52.

⁶⁷ *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Научные труды. — М., 1954, 2. — С. 224—225.

⁶⁸ ДАИ. — Т. VI. — №24.

⁶⁹ *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — Пермь, 1821. — С. 53.

⁷⁰ *Татищев Василий Никитич* — русский историк.

⁷¹ *Кашинцев Д.* История металлургии Урала. — М.—Л., 1939. — С. 42.

⁷² *Карамзин Н.М.* ИГР. — М., 1819. — Т. VII. — С. 37.

⁷³ *Горсей Джером*, торговый агент Московской компании, в России в 1573 г. С 1580 г. глава московской конторы «Русского общества английских купцов».

⁷⁴ *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII ст. // Записки Академии наук, кн. I. — С. 116.

⁷⁵ Торговые книги // Временник Императорского Общества истории и древностей Российских. — 1850, кн. 8. — С. 18–20.

⁷⁶ Торговые книги начала XVII в. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. — 1851. — Т. I, отд. 2. — С. 126–127.

⁷⁷ *Костомаров Н.* Очерки торговли московского государства в XVI–XVII ст. // Современник. — 1858, июнь. — Отд. 1. — С. 339.

⁷⁸ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. — СПб., 1898. — С. 66–67.

⁷⁹ Торговые книги // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического Общества. — 1851, Т. I, отд. 3. — С. 125.

⁸⁰ *Костомаров Н.* Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII ст. — СПб., 1862. — С. 339.

⁸¹ Акты Археографической Экспедиции с XIV ст. по 1683 г. (далее — ААЭ). — СПб., 1884. — Т. IV. — №79.

⁸² *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 417.

⁸³ ЧОИДР. — 1906, 3. — С. 133.

⁸⁴ История России. С древнейших времен до конца XX века. — М., 1997. — Т. I. — С. 527.

⁸⁵ *Якубов С.* Россия и Швеция. — М., 1899. — С. 226.

⁸⁶ *Замысловский Е.* Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. — 1889, январь. — С. 9.

⁸⁷ *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 3.

⁸⁸ Там же. — С. 146.

⁸⁹ Там же. — С. 146.

⁹⁰ *Карамзин Н.М.* ИГР. — М., 1819. — Т. X, прим. 426.

⁹¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. // Сборник документов. — М.—Л., 1960. №3. — С. 28.

⁹² ДАИ. — Т. III. — №40.

⁹³ *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 123.

- ⁹⁴ Там же. — С. 129.
- ⁹⁵ *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. — СПб., 1875. — С. 139.
- ⁹⁶ ПСЗ. — Т. I. — №678.
- ⁹⁷ По другим известиям в 1668 г.
- ⁹⁸ ИИ РАН. — Ф. 175, И.Х.Гамеля, кн. 17, л. 118.
- ⁹⁹ ПСЗ. — Т. IV. — №1815.
- ¹⁰⁰ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. — СПб., 1898. — С. 303.
- ¹⁰¹ Библиотека Российской Академии Наук. — Остермановский. Т. I, л. 456 об.
- ¹⁰² Полное собрание русских летописей. — СПб., 1893 (далее — ПСРЛ). Т. III. — С. 81, 125;
- ¹⁰³ ДАИ. — Т. I. — №112.
- ¹⁰⁴ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг. — М., 1870. (далее — *Олеарий А.*) — С. 281.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 429.
- ¹⁰⁶ Там же. — Т. XX. — С. 471.
- ¹⁰⁷ **Штаден Генрих** (род. в 1542 г.), немец из семьи вестфальских бюргеров, в России был с 1565 по 1576 гг., толмач, позднее опричник, затем торговый агент в Поморье.
- ¹⁰⁸ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. — М., 1925. — С. 105.
- ¹⁰⁹ Русская историческая библиотека. — СПб., 1876 (далее — РИБ). — Т. XVIII. — С. 931.
- ¹¹⁰ *Сытин П.* Пушечный двор в Москве в XV—XVII вв. // «Московский краевед». — 1929, вып. 2 (10).
- ¹¹¹ **Петрей де Ерлезунда Петр** (1570—1622), шведский дворянин, дипломат, военный комиссар при экспедиционном корпусе короля Швеции Карла XI; принимал участие в разборе дела появившегося в 1611 г. в Иван-городе авантюриста под именем Димитрия (Лжедимитрия III). Был в Москве в 1617 г.
- ¹¹² *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. — М., 1891. (далее — *Таннер Б.*) — С. 147.
- ¹¹³ *Олеарий А.* — С. 154.
- ¹¹⁴ **Стрюйс Иенс Иенсон** (Ян Янсен Стрейс), (ум. в 1694 г.), голландский путешественник, парусный мастер на первом русском корабле «Орел» в 1669 г., конюх и пушкарь в свите посольства Конрада ван Кленка в 1675 г.
- ¹¹⁵ *Таннер Б.* — С. 164.
- ¹¹⁶ **Конрад ван Кленк** — голландский посол в России в 1675 г.
- ¹¹⁷ *Таннер Б.* — С. 174.
- ¹¹⁸ Там же. — С. 47.

- ¹¹⁹ Сообщил Сытин в беседе с Лебедянской в июле 1949 г.
- ¹²⁰ ДДР. — Кн. III. — С. 161.
- ¹²¹ Забелин И.Е. История города Москвы. — М., 1905. — Ч. I. — С. 165.
- ¹²² Ламанский В.И. Сборник чертежей г. Москвы и г. Пскова XVII ст. // Записки русской и славянской археологии. — СПб., 1865. — Т. II. — №17.
- ¹²³ Российская национальная библиотека (далее — РНБ). — №665/7, л. 271 об.
- ¹²⁴ Сообщил Сытин в беседе с Лебедянской А.П. в июле 1949 г.
- ¹²⁵ Военно-морской архив. — Кн. №5, лл. 269—278.
- ¹²⁶ Там же. — Л. 271.
- ¹²⁷ **Богоявленский Сергей Константинович** (17.02.1871 — 31.08.1947) — историк, архивист, член-корр. АН СССР с 1929 г.
- ¹²⁸ Богоявленский С.К. О пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.Ж.Любавского. — Птб., 1917. — С. 35.
- ¹²⁹ Кнаббе В.С. Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. — СПб., 1877 — 1889. — Ч. I. — С. 220—222; Шашкина Т.Б. Модульный метод колоколотейного ремесла // Колокола. История и современность. — М., 1985. — С. 216—237.
- ¹³⁰ Соборное Уложение 1649 г. — М., 1987. «О посадских людях».
- ¹³¹ АИ. — Т. IV. — №76.
- ¹³² Беляев И. Росписной список г. Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Русского Военно-исторического общества. — М., 1911. — Т. I. — С. 218
- ¹³³ **Голова** — название военной и административной должности в России XVI—XVII вв. Пушкарский голова — военная должность (голова у наряда) — начальник городской артиллерии.
- ¹³⁴ Российская Государственная библиотека. Архив (далее — РГБ). — Ф IX — 3, гл. 222; Устав II, гл. 222.
- ¹³⁵ Лебедянская А.П. Пушкарский приказ. Опыт изучения организации артиллерийского ведомства управления и производства в Московском государстве в XVII веке. — М., 1949—1950. — С. 120.
- ¹³⁶ Переписи московских дворов XVII ст. — М., 1896. — С. 7.
- ¹³⁷ ДДР. — №322—323.
- ¹³⁸ Там же. — №340.
- ¹³⁹ ЧОИДР. — 1882. — Ч. I. — С. 265; Ч. III. — С. 291.
- ¹⁴⁰ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х.; кн. 27. — С. 192.
- ¹⁴¹ ДДР. — №905. — С. 88.
- ¹⁴² Там же. — №743. — С. 265.
- ¹⁴³ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., №1, доп.
- ¹⁴⁴ Там же. — Кн. 27. — С. 217—236 (копия).

- ¹⁴⁵ *Беляев И.* Росписной список Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Русского Военно-исторического общества. — М., 1911. — Т. I. — С. 206, 215–222.
- ¹⁴⁶ Государственный исторический музей, Отдел письменных источников (далее ГИМ ОПИ.) — Собрание Уварова А.С., карт.12, №9, л. 22.
- ¹⁴⁷ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., кн. 27.
- ¹⁴⁸ *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. — М., 1962. — Ч. I. — С. 53.
- ¹⁴⁹ ДДР. — №№284, 256.
- ¹⁵⁰ Там же. — №272.
- ¹⁵¹ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., кн. 17.
- ¹⁵² *Лебедянская А.П.* Пушкарский приказ. Опыт изучения организации артиллерийского ведомства управления и производства в Московском государстве в XVII веке. — Л., 1949–1950. — С. 114.
- ¹⁵³ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., кн. 27. — С. 98, 140 и пр.
- ¹⁵⁴ Там же. — Ф. 175, №38, кн. 27. — С. 141, 145, 170 и др.
- ¹⁵⁵ Военно-исторический музей артиллерии инженерных войск и войск связи (далее — ВИМАИВ и ВС). Архив. — Ф. Пушкарского приказа, кн. 3. 1644–1645 гг., л. 1.
- ¹⁵⁶ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., кн. 27, л. 4 об.
- ¹⁵⁷ ДДР. — №920. — С. 362.
- ¹⁵⁸ Центральный исторический архив г.Москвы (далее — ЦИА г.Москвы). — Приказные дела старых лет. — 1677. — №209.
- ¹⁵⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857 (далее АЮ). Т. I. — №306.
- ¹⁶⁰ ДАИ. — Т. X. — №93.
- ¹⁶¹ Переписи московских дворов XVII столетия. — М., 1896. — С. 67–72.
- ¹⁶² ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х., кн. 17, л. 311.
- ¹⁶³ ГИМ. ОПИ. — Собрание Уварова А.С. — №129, 144, 145, 153 и др.
- ¹⁶⁴ *Богоявленский С.К.* О Пушкарском Приказе // Сборник статей в честь М.Ж. Любавского. — Птб., 1917. — С. 381.
- ¹⁶⁵ *Катаев И.М., Кабанов А.К.* Описание актов собрания графа А.С.Уварова // Акты исторические, описанные И.М.Катаевым и А.К.Кабановым. — М., 1905. — №153, 167, 171 и др.
- ¹⁶⁶ Там же. — №171.
- ¹⁶⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 440. Забелина И.Е. — Д. 379, л. 46.
- ¹⁶⁸ *Богоявленский С.К.* О Пушкарском Приказе // Сборник статей в честь М.Ж.Любавского. Птб., 1917. — С. 381–382.
- ¹⁶⁹ ВИМАИВ и ВС. — Архив. Ф. I. Пушкарский приказ.

Оп. I. Материалы по истории литейного дела.

¹⁷⁰ РИБ. — Т. XXI. — С. 677.

¹⁷¹ ГИМ. ОПИ. — Собрание Уварова А.С. — №№204, 207.

¹⁷² *Титов А.А.* Ростов Великий и его церковно-археологические памятники. — М., 1811. — С. 15.

¹⁷³ ВИМАИВ и ВС. Архив. Ф. I. Пушкарский Приказ, оп. I. Материалы по истории литейного дела.

¹⁷⁴ *Титов А.А.* Ростов Великий и его церковно-археологические памятники. — М., 1811 г. — С. 16.

¹⁷⁵ *Мартынов А.А.* Московские колокола // Русский архив. Избранные страницы. — Новосибирск, 1994. — Вып. I. — С. 84.

¹⁷⁶ ГИМ ОПИ. — Ф. 440. Забелина И.Е. — Д. 377, л. 23.

¹⁷⁷ Там же. — Д. 381, л. 28–30.

¹⁷⁸ Там же. — Л. 31

¹⁷⁹ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х. — Оп. 3, д. 27.

¹⁸⁰ ГИМ ОПИ. — Ф. 440. Забелина И.Е. — Д. 381, л. 31.

¹⁸¹ ЛОИИ. — Архив, собрание Толстого Ф.А. — Ф. 133, №19. 50/56, 57.

¹⁸² *Олеарий А.* — С. 87.

¹⁸³ *Беляев И.* Росписной список города Москвы 1638 года // Труды Московского отделения Русского военно-исторического общества. — М., 1911. — Т. I.

¹⁸⁴ Это обстоятельство, по-видимому, упустил из виду М.В.Довнар-Запольский в своей статье «Торговля и промышленность в Московском государстве XVII века» // Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1910, вып. VI.

¹⁸⁵ Вопрос об ученичестве затронут М.В.Довнар-Запольским в статье «Организация московских ремесленников в XVII в.» // Журнал Министерства Народного просвещения. — 1910, №9. — С. 134–136.

¹⁸⁶ ДДР. — Т. I. — №905. — С. 88.

¹⁸⁷ Там же. — №743. — С. 265.

¹⁸⁸ Там же. — №916. — С. 296.

¹⁸⁹ Там же. — №916. — С. 284.

¹⁹⁰ Там же. — №743. — С. 265.

¹⁹¹ Там же. — №916. — С. 280.

¹⁹² Там же. — №916. — С. 280.

¹⁹³ ИИ РАН. — Ф. 175, Гамеля И.Х. — Кн. 27.

¹⁹⁴ ВИМАИВ и ВС. — Ф. 16 р. Лебедевская А.П. Пушкарская слобода в Москве XVI–XVII вв. Рукопись.

¹⁹⁵ *Афанасьев В.И.* Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. — Л., 1979. — С. 148–149.

- ¹⁹⁶ *Беляев И.* Росписной список города Москвы 1638 года // Труды Московского отделения Русского военно-исторического общества. — М., 1911. — Т. I.
- ¹⁹⁷ ИИ РАН. — Архив. — Ф. 133, д. 50.
- ¹⁹⁸ *Бахрушин С.В.* Ремесленные ученики в XVII в. // Научные труды. — М., 1854. — Т. II. — С. 104—105.
- ¹⁹⁹ РГБ. — Колл. 67. Картон 29, д. 57, сстав 2.
- ²⁰⁰ ГИМ ОПИ. — Собрание А.С.Уварова. — Карт. 8, №16, л. 1.
- ²⁰¹ Там же. — Карт 13, №6, л. 21.
- ²⁰² ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 1, д. 461.
- ²⁰³ *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. — М., 1962. — Ч. 1. — С. 56.
- ²⁰⁴ ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 3, д. 27. О Большом колоколе в Москве. — С. 522.
- ²⁰⁵ РГДАДА. — Ф. 196, Мазурина Ф.Ф. Оп. 3, д. 345, л. 4—5.
- ²⁰⁶ РНБ. — Ф. 532, №2297, л. 1 — 1 об.
- ²⁰⁷ *Рубцов Н.* История литейного производства в СССР. — М., 1962. — С. 52.
- ²⁰⁸ ИИ РАН. — Ф. 133, д. 50, сстав 2.
- ²⁰⁹ Там же. — Ф. 175, оп. 3, д. 27, с. 542.
- ²¹⁰ ВИМАИВ и ВС. — Ф. 1, оп. 1, д. 135, сстав 1.
- ²¹¹ РГАДА. — Ф. Московской Оружейной палаты, 1680 г., д. 18952, л. 1.
- ²¹² *Кондрашина В.А.* Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. — М., 1985.
- ²¹³ ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 3, д. 27, л. 24 (37).
- ²¹⁴ *Кондрашина В.А.* Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. — М., 1985. — С. 81.
- ²¹⁵ ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 3, д. 27, л. 505—506.
- ²¹⁶ РГБ. — Ф.67, карт. 29, д. 57, л. 1—2.
- ²¹⁷ ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 3, л. 27. — С. 541.
- ²¹⁸ Там же. — С. 56;
- ²¹⁹ Там же. — Оп. 1, д. 205, л. 6.
- ²²⁰ *Петриченко А.М.* Книга о литье. — Киев, 1972. — С. 51.
- ²²¹ ИИ РАН. — Ф. 175, оп. 3, д. 27, с. 519; Колл. 133 Ф.Толстого. Оп. 1, д. 50, л. 2.
- ²²² *Афанасьев В.И.* Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. — Л., 1979. — С. 151.
- ²²³ Выражение «учобная запись» — Российский государственный

архив древних актов. — Стб. Прик. стола, №786.

²²⁴ Обручева-Анциферова Т. Жилые записи // Журнал Министерства народного просвещения. — 1917, №2. — С. 245.

²²⁵ Соборное уложение 1649 г. — М., 1987. Гл. XX. — Ст. 45, л. 274/275 об.

²²⁶ РГАДА. — Приказные дела ст. лет, 1697 г., д. 358, лл. 1—19; Приказные дела новой разборки, д. 1302, лл. 42 — 44.

²²⁷ Там же. — Приказные дела ст. лет, 1682 г., д. 57, лл. 2 и 6; 1697 г., д. 358.

²²⁸ АЮ. — Т. I. №113/I. — С. 704.

²²⁹ Там же. — №113/IV.

²³⁰ Тальман Е.М. Ремесленное ученичество в XVII в. // Исторические записки. 1948. Т. XXVII. — С. 55.

²³¹ АЮ. — Т. I. №113/III. — С. 707.

²³² Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. — М., 1982. — С. 28.

²³³ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — Л., 1925. — С. 63.

²³⁴ Акант — стилизованное изображение виноградного листа и усиков над ним.

²³⁵ В настоящее время колокол находится на Успенской звоннице в Московском Кремле.

²³⁶ ГИМ ОР. — Успенское собрание. Д. 89, л. 303.

²³⁷ Колокол не сохранился.

²³⁸ Алеппский Павел (ок. 1627—1669), архидьякон, приезжал в Москву вместе с отцом, антиохийским патриархом Макарием, дважды: в 1655—1656 годах и в 1666—1669 годах.

²³⁹ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII столетия. — СПб., 1898.

²⁴⁰ Мейерберг А. Виды и бытовые картины XVII века. Альбом. — СПб., 1903.

²⁴¹ Здесь и далее надписи цитируются по: Мартынов А.А. Московские колокола // Русский архив. — М., 1896.

²⁴² Иоанна и Петра Алексеевичей.

²⁴³ Снегирев И.М. Церковь Зачатия Пречистой Богородицы в Москве // Русская старина. Год шестой. — М., 1860 г.

²⁴⁴ Антушев Н.П. Летопись московской Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки. — М., 1897. — С. 34.

²⁴⁵ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. — М., 1912. — С. 114.

²⁴⁶ Указ царя Алексея Михайловича о пожарных набатах в Москве 1668 г. // ЧОИДР. Кн. 1. — М., 1899. — С. 14—15.

²⁴⁷ Асафьев Б. О народной музыке // Сборник статей. — Л., 1987. — С. 172.

- ²⁴⁸ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколитейное искусство. — М., 1912. — С. 42–43.
- ²⁴⁹ Кавельмахер В.В. Способы звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. — М., 1985.
- ²⁵⁰ Там же. — С. 39.
- ²⁵¹ РГАДА. — Ф. 1183, ед.хр. 122. Дело по ремонту колокольни Ивана Великого 1807 г., л. 13 об.
- ²⁵² История Москвы. Т. I. — М., 1952. — С. 120.
- ²⁵³ Таннер Б. — С. 145.
- ²⁵⁴ Там же. — С. 149.
- ²⁵⁵ Олеарий А. — С. 315.
- ²⁵⁶ Там же. — С. 316.
- ²⁵⁷ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII столетия. — СПб., 1898. — С. 75.
- ²⁵⁸ Таннер Б. — С. 59.
- ²⁵⁹ Благовестник — колокол, сообщающий «благую весть» о начале православного богослужения.
- ²⁶⁰ Полнелей — самая торжественная часть утрени (с греческого: «обилие масла, елея»).
- ²⁶¹ Таннер Б. — С. 58.
- ²⁶² Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. — М., 1982. — С. 82.
- ²⁶³ Рыбаков С. Церковный звон в России. — СПб., 1896. — С. 46.
- ²⁶⁴ Там же. — С. 26.
- ²⁶⁵ Конен В. Театр и симфония. — М., 1974. — С. 38.
- ²⁶⁶ Указа патриарха Иоакима «О колокольной фамилии» 1679 г. // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XI. — М., 1789. — С. 254.
- ²⁶⁷ По некоторым данным колокол получил свое имя гораздо позже.
- ²⁶⁸ Смоленский С. О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. — 1907, №№9–10. — С. 269.
- ²⁶⁹ Смирнов Д.В., Мальцев С.А. Колокола и колокольные звоны Ростова Великого. — М., 1990. — С. 184.
- ²⁷⁰ Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны. — М., 1884. — С. 8.
- ²⁷¹ Смоленский С. О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. — 1997, №9–10. — С. 269–270.
- ²⁷² Довнар-Запольский М.В. Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв. — М., 1910. — С. 61.
- ²⁷³ Хромов П.А. Экономическое развитие России. — М., 1967. — С. 130.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алеппский П.*, архидьякон. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII в. — СПб., 1898.
2. Акты Археографической экспедиции с XIV ст. по 1683 г. — СПб., 1853.
3. Акты исторические 1334—1700 г. — СПб., 1842.
4. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1857.
5. *Антушев Н.П.* Летопись московской Введенской церкви, что на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки. — М., 1897.
6. *Аристов Н.* Промышленность древней Руси. — СПб., 1866.
7. *Арсений.* О Царь-колоколе Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — СПб., 1880.
8. *Афанасьев В.И.* Документальные материалы XVII в. о литейном производстве в России в «Основном собрании грамот» // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. — Л., 1979.
9. *Бабин.* О русских колоколах // Горный журнал. — СПб., 1861. — №21. Ч. 4.
10. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII в. — М., 1927.
11. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—XVII вв. // Научные труды. — М., 1952. — Т. I.
12. *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Научные труды, II. — М., 1954.

13. Бахрушин С.В. Ремесленные ученики в XVII в. // Научные труды. — М., 1954. — Т. II.
14. Беляев И.С. Росписной список г. Москвы 1638 г. // Труды московского отделения Русского военно-исторического общества. — М., 1911. — Т. I.
15. Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича. — СПб., 1832.
16. Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. — Пермь, 1821.
17. Благовещенская Л.Д. Звуковые спектры московских колоколов // Памятники культуры. Новые открытия. — М., 1977.
18. Благовещенская Л.Д. Колокольни с подбором колоколов и колокольный звон в России. Диссертация кандидата искусствоведения. — Л., 1989.
19. Богоявленский С.К. Некоторые статистические данные по истории русского города XVII ст. — М., 1898.
20. Богоявленский С.К. Научное наследие о Москве XVII в. Сборник. — М., 1980.
21. Богоявленский С.К. О пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.Ж.Любавского. — Птг., 1917.
22. Богусевич В.А. Литейный мастер Михаил Андреев // Новгородский исторический сборник. — Л., 1937. — Вып. 2.
23. Богусевич В.А. Псковские литейщики XVI—XVII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. — Л., 1934. — №№9—10.
24. Бранденбург Н.Е. Исторический каталог СПб. Артиллерийского исторического музея. — СПб., 1877—1889. — Ч. 1—3.
25. Вейнер П.П. Беседы о бронзе. — СПб., 1923.
26. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 1. Пушкарский Приказ, (материалы по истории литейного дела). Ф. 16 р. Архив Лебедянской А.П.
27. Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII ст. // Записки Академии наук. — 1865. — Кн. 8.
28. Гейман В.Г., Устюгов Н.В. Мануфактура // Очерки истории СССР XVII в. — 1955.
29. Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства в России. — 1810. — Ч. 1.

30. *Гидулянов П.В.* Церковные колокола на службе магии и царизма. — М., 1929.
31. *кн. Голицын Н.В.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1898.
32. *Голубцов А.П.* Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. — М., 1908.
33. Государственный исторический музей. ОПИ. Собрание Забелина И.Е., Малиновского А.Ф., Архив Уварова А.С.
34. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. Глинки. Ф. 162, Е.Н.Лебедевой.
35. *Г.С.* О колоколах, достопримечательных по своей величине. — СПб., 1833.
36. *Горсей Дж.* Россия в конце XVI ст.: Записки о Московии XVI в. — СПб., 1909.
37. *Гуляницкий Н.Ф.* Колокол в древнерусской архитектуре // Архитектурное наследство. — М., 1988. — №36.
38. *Диккинсон А.* Переборы с вариациями // Узоры симметрии. — М., 1980.
39. *Довнар-Запольский М.* Организация московских ремесленников в XVII в. // Журнал министерства народного просвещения. — 1910. — №9.
40. *Довнар-Запольский М.* Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. — В. 6.
41. *Донской Г.* О церковном звоне. — Новочеркасск, 1915.
42. *Долгорукой В.Г.* Путеводитель по Москве и ее окрестностям. — М., 1872.
43. Дополнения к Актам историческим с конца X века по 1700 г. — СПб., 1856.
44. Дополнения к Дворцовым разрядам. — М., 1882.
45. Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. — М., 1970.
46. *Духин И.* Когда били колокола // Московский журнал. — 1995. — №10.
47. *Есипов Г.* Набатный колокол // Исторический вестник. — 1881. — №2.

48. Железнов В.Ф. Указатель мастеров русских и иноземцев, работавших в России до XVIII в. — СПб., 1907.
49. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., кн. 1. Государев двор или дворец. — М., 1896.
50. Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам // Чтения при Московском университете. — 1882—1883.
51. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. — М., 1884.
52. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г.Москвы. — М., 1891.
53. Забелин И.Е. О металлическом производстве в России до конца XVII в. // Записки императорского Археологического общества. — 1853. — Т. V, вып. 1.
54. Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории. — М., 1873.
55. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. — М., 1970.
56. Замечания об Иване Великом // Отечественные записки. — СПб., 1822. — Ч. 11.
57. Замысловский Е. Сношения России с Данией и Швецией в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. — 1889, январь.
58. Захаров Н.Н. Кремлевские колокола. — М., 1980.
59. Иван Федорович и Михаил Иванович Моторин // Люди русской науки: техника. Кузнецов И.В. — М., 1965.
60. Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны. — М., 1884.
61. Институт истории РАН (СПб. отделение). Ф. 175, Гамеля И.Х.; ф. 133, Толстого Ф.
62. Истомин Г. Ивановская колокольня в Москве. — М., 1893.
63. Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы, собранное из показаний Духовенства и Начальства. — М., 1796. — Вып. XII.
64. Историческое описание московского Симонова монастыря. — М., 1843.
65. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. — М., 1882.

66. Историческое описание всех коронаций императоров и императриц всероссийских. Сост. И. Крылов. — М., 1856.
67. Кавельмахер В.В. Способы колокольного звона и древнерусские колокольни // Колокола. История и современность. — М., 1985.
68. Казанский П.С. О призыве к богослужению в восточной церкви // Труды Первого археологического съезда в Москве 1869 г. — М., 1871. — Т. I.
69. Карамзин Н. История государства Российского. — М., 1819, т. V, VI, VIII, IX.
70. Катаев И.М., Кабанов А.К. Описание актов собрания графа А.С.Уварова // Акты исторические, описанные И.М.Катаевым и А.К.Кабановым. — М., 1905.
71. Кашинцев Д. История металлургии Урала. — М.—Л., 1939. — Т. I.
72. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий. — М., 1831.
73. Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866.
74. Кнаббе В.С. Литейное дело // Библиотека промышленных знаний. — СПб., 1900. — Т. VI. Ч. 6.
75. Колокольный звон при Ростовском Успенском соборе // Ярославские губернские ведомости, часть неофициальная. — 1852. — №12.
76. Колокольные звоны. Практическое руководство для православных звонарей. — М., 1997.
77. Кондрашина В.А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. — М., 1985.
78. Кондрашина В.А. Обучение колокольному ремеслу на Московском Пушечном дворе во второй половине XVII века // Колокола. История и современность. — М., 1990.
79. Кондрашина В.А., Шашкина Т.Б. Большой колокол Саввино-Сторожевского монастыря как научно-технический памятник Древней Руси // Памятники науки и техники. — М., 1981.
80. Корсунский Н. Благовест. — Ярославль, 1887.

81. *Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650–1655 годах по донесению Родеса. — М., 1914. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1915.
82. *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915.
83. *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII ст. — СПб., 1862.
84. *Ламартиньер Пьер Мартин де.* Путешествие в северные страны. — М., 1911.
85. *Лебедянская А.П.* Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Исторического Артиллерийского музея Красной Армии. — Л.—М., 1940 — 1959. — Т. I.
86. *Лебедянская А.П.* О пушкарских делах Анисима Радишевского // Известия Академии Артиллерийских наук. — М., 1951. — Вып. XVIII.
87. *Лебедянская А.П.* Пушкарский приказ. Опыт изучения организации артиллерийского ведомства управления и производства в Московском государстве в XVII веке. Диссертация канд. ист. наук. — Л., 1949–1950.
88. *Левшин А.Г.* Историческое описание московского Успенского собора. — М., 1783.
89. *Ливанова Т.* Очерки и материалы по истории русской музыкальной культуры. — М., 1938.
90. *Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и XIX вв. — Л., 1937.
91. *Мансветов В.И.* Колокола московского исторического музея и их замечательные надписи, вырезка. — М., 1917.
92. *Мартышин В.С.* Колокольные звоны России. — М., 1990.
93. *Мартынов А.* Московские колокола // Русский Архив. — 1896. — №1–3.
94. *Митрополит Иоанн.* Русь соборная. Очерки христианской государственности. — СПб., 1995.
95. *Митрополит Иоанн.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. — СПб., 1994.
96. *Михневич В.* Очерк истории музыки в России в культурно-общественном отношении. — СПб., 1879.

97. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. — М., 1865. — Т. I.
98. Мулюкин А.С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. — Одесса, 1912.
99. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI—XVII вв. — СПб., 1909.
100. Немировский Е.Л. Андрей Чохов. — М., 1982.
101. Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. — М., 1976.
102. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-ой четверти XVII в. (1397—1625). — СПб., 1897. — Т. I, вып. 1.
103. Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице государства Российского. — М., 1833.
104. Обручева-Анциферова Т. Жилые записи // Журнал Министерства народного просвещения. — 1917. — №2.
105. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1893. — Кн. 4, отд. 1.
106. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633-м, 1636-м и 1638 гг. — М., 1870.
107. Оловянишников Н.И. История колоколов и колокололитейное искусство. — М., 1912.
108. О набатном звоне. Постановление СНК 30 июля 1918 г. // Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993.
109. Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча. — М., 1875.
110. Орлов А.С. Библиография русских надписей XI—XVII вв. — М., 1952.
111. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. — М., 1962.
112. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в 1-ой пол. XVIII в. // Промышленная политика и управление. — М., 1953.

113. *Парри В.* Проезд через Россию Персидского посольства в 1599–1600 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1898. — Кн. 4/191.
114. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. — М., 1867.
115. *Петриченко А.М.* Книга о литье. — Киев, 1972.
116. *Плечко А.М.* Москва. Исторический очерк. — М., 1883.
117. *Плешанова И.И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. — М., 1968 г.
118. Подробное известие о Большом Успенском колоколе, называемом Царь-колокол. — М., 1836.
119. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830.
120. *Померанцев Н.Н.* Звоны Ростова Великого // Турист. — 1966. — №9.
121. Псково-Печерский монастырь. — Новгород, 1864.
122. ПСРЛ. — СПб., 1893.
123. Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским (соч. Максимовича). — М., 1792. — В. 12.
124. *Пыляев М.* Исторические колокола // Старое жительство. — СПб., 1892.
125. *Пыляев М.И.* Старая Москва. — СПб., 1891.
126. *Ратшин (Александр).* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России, составлено из достоверных источников. — М., 1852.
127. *Рейтенфельс Я.* Сказание герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. — М., 1906.
128. *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. — М., 1982.
129. *Розанов Н.П.* Древние и другие особо замечательные предметы в приходских церквях г.Москвы // Древности. Труды Московского археологического общества. — М., 1874. — Т. IV, вып. 3.
130. Российский государственный архив древних актов: ф. 18, 137, 196, 248, 280, 291, 1199, 1239.
131. *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. — М., 1962. — Ч. 1.

132. Русская цивилизация и соборность. Составитель Е.Троицкий. — М., 1994.
133. Руководство для лиц, отправляющих церковные богослужения при участии митрополита, епископа, всего собора... в Московском кафедральном Христа Спасителя соборе и Московском Большом Успенском в течение всего года, а также церемониалов встреч их императорских величеств, митрополита и епископов. Сост. прот. Ник. Розанов. — М., 1901.
134. Русская историческая библиотека. — СПб., 1876. — Т. III.
135. Русско-шведские отношения в XVII в. Сборник документов. — М.—Л., 1960.
136. Розанов Н.П. Церковь Архангела Гавриила в Москве на Чистом пруде, или Меньшикова башня // Русские достопамятности. — 1877. — Т. II.
137. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. — М., 1948.
138. Рыбаков С.Г. А.В. Смагин — один из представителей искусства церковного звона // Русская музыкальная газета. — СПб., 1897.
139. Рыбаков С.Г. Церковный звон в России. — СПб., 1896.
140. Рычин Ф.И. Историческое описание Московского Кремля, соборов, церквей и монастырей и их святынь. — М., 1882.
141. Саввино — Сторожевский монастырь близ Звенигорода. — М., 1888.
142. Сахаров И.П. Исследование и объяснение русских древностей // Записки отделения русской и славянской археологии. — СПб., 1851. — Т. I.
143. Сахаров. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Археологического Общества. — 1851. — Т. I.
144. Сербина К.Н. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII в. // Исторические записки. — 1946. — Т. XVIII.
145. Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. — М., 1884.
146. Скворцов Н. Московская церковная старина. Уничтоженные в Московском Китай-городе церкви. — М., 1895.
147. Смирнова Э.С. Два памятника псковского художественного литья XVI в. // Советская археология. — 1962. — №2.

148. Смоленский С. Красный звон. // Татевский сборник С.А. Рачинского. — СПб., 1899.
149. Смоленский С. О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. XIV год издания. — 1907. — №9 — 10, 4—11 марта.
150. Снегирев В. Московские слободы. — М., 1956.
151. Снегирев И. Новоспасский монастырь. — М., 1843.
152. Снегирев И.М. Церковь Зачатия Пречистой Богородицы в Москве // Русская старина. Год шестой. — М., 1860.
153. Соборное Уложение 1649 г. — М., 1987.
154. Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1828.
155. Статистическое описание Москвы. — М., 1782. — Ч. 1.
156. Сытин П. Пушечный Двор в Москве в XV—XIX вв. // Московский краевед. — 1929. — Вып. 2 (10).
157. Тальман Е.М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. — М., 1948. — Т. XXVII.
158. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. — М., 1891.
159. Тихомиров М.Н. Русская культура X—XVIII вв. — М., 1968.
160. Токмаков И.Ф. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. — М., 1885.
161. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя преподобного Сегрия Радонежского Чудотворца, что в Пушкарях и ея прихода. — М., 1895.
162. Торговые книги начала XVII в. // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. — 1851. — Т. I, отд. II.
163. Указ патриарха Иоакима 1679 г. О колокольной фамилии // Новиков Н. Древняя Российская Вивлиофика. — М., 1789. — Ч. 11.
164. Успенский Н.Д. Древнерусское певческое искусство. — М., 1965.
165. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. — М., 1950.
166. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. — М.—Л., 1928. — Т. I.
167. Харитонович Д.Э. Средневековый мастер и его представление о вещи // Художественный язык средневековья. — М., 1982.

168. *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. — СПб., 1875.
169. *Хмыров М.Д.* Материалы для истории русского горного промысла. Изд. исправленное и дополненное К.А.Скальковским. — СПб., 1875.
170. *Хмыров М.Д.* Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси. — СПб., 1865.
171. *Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI—XVII века.* — М., 1996.
172. *Цветаева А.И., Сараджев Н.К.* Мастер волшебного звона. — М., 1988.
173. *Центральный Государственный архив литературы и искусства.* Ф. 720.
174. *Шашкина Т.Б., Галибин В.А.* Памятники древнерусского литья (результаты химико-аналитических исследований). // Советская археология. — 1986. — №4.
175. *Шишаков В.* Колокола на индустриализацию // Антирелигиозник. — 1930. — №2.
176. *Шлун Д.* Осада города Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 г. // Отечественные записки. — 1822.
177. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. — М., 1925.
178. *Эйзен И.М.* Колокол. Исторический обзор по поводу его 1500-летия // Нива. — СПб., 1894. Ежемесячное литературное приложение к журналу. — Ч. 2 /май—август, Ч. 3 /сентябрь—декабрь/.
179. *Ярешко А.* Колокольные звоны — инструментальная разновидность русского народного музыкального творчества. // Из истории русской и советской музыки. — М., 1978. — Вып. 3.
180. *Williams E.* The Bells of Russia. — Princeton, 1980.

Анна Федоровна БОНДАРЕНКО
МОСКОВСКИЕ КОЛОКОЛА
XVII в.

Историческая монография

THIS BOOK CAN BE ORDERED
FROM THE "RUSSIAN HOUSE LTD."
253 FIFTH AVENUE
NEW YORK, NY 10016
TEL: (212) 685-1010

*Утверждено к печати Редколлегией серии
«Страницы Российской истории»*

ISBN 5-93165-007-5

9 785931 650074

Редактор И.А.Настенко.
Технический редактор О.Е.Пугачева
Художественное оформление, оригинал-макет SPSL.

Подписано к печати 12.11.98. Авт. л. — 10,2. Гарнитура Академическая.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108 1/32.

Объём 8 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 38.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»

248640 г. Калуга, пл. Старый торг, 5, тел. 57-40-70

Издательство «Русская панорама». Лицензия ЛР №030734 от 29.04.97.
143140, Московская область, Одинцовский район, п/о Герцена, а/я №01.

Тел.: (095) 157 2283, факс: (095) 592 9740.

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 03917 317 2

WITHDRAWN

No longer the property of the
Boston Public Library.

Sale of this material benefits the Library.

GAYLORD F

